

О нѣкоторыхъ ярославскихъ гербахъ.

Гербы ¹⁾ городовъ и губерній въ ихъ нынѣшнемъ видѣ и значеніи, какъ явленіе позднее ²⁾ и при томъ же искусственное и заносное, перенятое отъ другихъ ³⁾, въ боль-

¹⁾ Установленнаго толкованія слова „гербъ“ еще нѣтъ; одни считаютъ его нѣмецкимъ, другіе польскимъ, третьи обще-арійскимъ. Одно, кажется, не сомнѣнно: русскіе словяне его не знали, почему оно и не можетъ считаться обще-словянскимъ и, слѣдовательно, арійскимъ. Нѣм.—erb=родовой, потомственный, идущій отъ предковъ; erbe=родовое наслѣдство, имѣніе. П. Ф. Винклеръ, занимавшійся гербовѣдѣніемъ, считаетъ слово „гербъ“ польскимъ—herb и указываетъ, что оно встрѣчается во многихъ словянскихъ нарѣчіяхъ: herb, erb, irb съ значеніемъ наслѣдникъ или наслѣдство (Срав. этим. словарь рус. яз. Н. В. Горяевъ; Энцикл. словарь, изд. Ф. А. Брокгаузъ и И. А. Ефронъ, т. VIII). Фран. gerbe=снопы, herbe=злакъ, трава; латин. herba=трава. Въ рус. письменности слово гербъ упоминается впервые, кажется, въ 1564 г. при описаніи печати г. Юрьева Лифляндской отчины: у орла, у правые ноги гербъ:—печать маистра ливонскаго, а у лѣвые ноги гербъ—печать юрьевского бискупа (Ист. гос. Рос. Карамзинъ, изд. 1830 г., т. IX, пр. 259; Словарь др. рус. яз. Срезневскій, изд. Ак. Н.).

²⁾ Имянной указъ сенату объ утвержденіи (конфирмаціи) гербовъ Ярославскаго намѣстничества подписанъ 31 авг. 1778 г. Ярослав. намѣстн. правленіе уведомлено объ этомъ указомъ отъ 13 сен. 1778 г. за № 2305. Гербы сдѣланы по приказанію сената герольдмейстерскимъ товарищемъ фонъ Энденомъ. (См. Гербовникъ въ архивѣ Яр. архивн. комиссіи). Въ гербовникѣ помѣщены упомянутый указъ, изображенія въ краскахъ самихъ гербовъ (болѣе, чѣмъ посредственное, бездарное), и описаніе ихъ, не представляющее ни чего любопытнаго. Последнее утвержденіе ярославскихъ гербовъ съ нѣкоторымъ измѣненіемъ губернскаго герба состоялось въ 1856 г. (Энцикл. сл. Брокг. и Еф., т. VIII). Первые гербы для Ярославля и Ростова установлены около 1672 г., но народу они едва ли были извѣстны, какъ нѣчто обязательное и какъ имянно „гербы“. Слѣдующимъ правительственнымъ распоряженіемъ о гербахъ нужно, кажется, признать указъ 21 декабря 1727 г., вслѣдствіе котораго герольд-мейстерская контора предписала подвѣдомственнымъ мѣстамъ прислать немедленно на срокъ по регламенту подъ страхомъ штрафа тѣ свѣдѣнія, которыя были затребованы этой конторой еще въ 1724 г.,—что бъ въ сочиненіи городамъ гербовъ не учинилось остановки“ (Книга указовъ Угл. Пров. канцеляріи 1728 г. Яр. Арх. Ком. Л. 425/396).

³⁾ Баронъ Ф. Бюлеръ (Снимки древ. русск. печатей государственныхъ, царскихъ... стр. XVIII) говоритъ то-же, что болѣе древніе област-

шинствѣ случаевъ, представляютъ немного общаго научнаго интереса. Очень многіе изъ нынѣшнихъ гербовъ, какъ на примѣръ многіе уѣздные, выдуманы нарочно; созданы едино- временно и по распоряженію правительства, а не постепен- но жизнью, ея потребностями и по тому не имѣютъ за со- бою большаго прошлаго. Городскіе, уѣздные и губернскіе гербы остаются явленіемъ чуждымъ и мало-понятнымъ на- роду, въ глазахъ котораго они, какъ и частныя гербы,— пустая и праздная господская затѣя, обращающая на себя его вниманіе лишь въ какихъ либо особыхъ случаяхъ вро- дѣ иллюминацій и т. п. Между тѣмъ основная идея герба, т.-е. какъ особаго отличительнаго знака чьего или чего ни будь,—древня также, какъ и собственность, съ которой онъ возникъ почти одновременно въ видѣ „мѣты“ еще на пер- выхъ ступеняхъ развитія человѣчества и продолжаетъ су- ществовать въ такой формѣ до сихъ поръ въ средѣ народа (мѣты полосъ пашни въ чреполосныхъ и общихъ владѣ- нияхъ, иногда, довольно сложнаго рисунка¹⁾, вырубаемыя въ дернѣ у концовъ полосъ и развитыя особенно въ Воло- годской губерніи).

ные и городскіе гербы встрѣчаются преимущественно на западной гра- ницѣ Московскаго государства и что должностныя и частныя лица, употреблявшія гербы уже съ XIII ст., принадлежали къ числу по- сѣщавшихъ чужіе края или проживавшихъ на литовско-польской окраинѣ. Несомнѣнное заимствованіе обычая имѣть гербъ ясно вы- ступаетъ при разсматриваніи гербовъ и печатей: всѣ почти изобра- женія на нихъ въ болѣе древнее время не русскія до классическихъ включительно. А. В. Орѣшниковъ указываетъ на заимствованіе рус- скими печатей у византийцевъ (Труды Моск. нумизм. Общ., т. III, вып. 1, стр. 108, 114, 115). Говорить о заимствованіи русскими печа- тей можно только въ томъ смыслѣ, что русскіе переняли способъ и орудіе печатанія, самую печать—снрядъ, но ни какъ не обыкно- веніе клеймить,—прикладывать къ чему либо свой собственный знакъ. Этотъ пріемъ и обычай были извѣстны словянамъ еще въ обще-арій- скую пору, какъ слѣдуетъ изъ значенія лат. *mēta*—знакъ (погранич- ный въ видѣ кучи, пирамиды), межа, рубежъ; складыванье или со- ставленіе чего нибудь на подобіе кучи, пирамиды; *metālis*—кеглевид- ный, коническій, въ видѣ пограничнаго, межеваго столба или знака, *metatio*—размѣтывать, раскидывать, располагать на планѣ, т.-е. класть границы, рубежи, мѣты, составлять планъ.

¹⁾ Представленіе о собственности существуетъ уже у живот- ныхъ. Когда одна собака ѣстъ, другая, если она не совсѣмъ голодна, сидитъ въ отдаленіи, дожидаясь окончанія трапезы первой, что бы подобрать оставшіяся крошки; нападать она не рѣшается, если даже сильнѣе противника. Точно также ни животныя, ни птицы обыкно- венно не занимаютъ чужихъ норъ, логовищъ и гнѣздъ (одновидныхъ животныхъ). У многихъ животныхъ существуетъ, въ извѣстномъ смыс- лѣ, даже земельная собственность,—охотничьи округи, въ которые животныя иныхъ округовъ опасаются заходить подѣ страхомъ под- вергнуться озлобленной трескѣ и быть немедленно изгнанными. Такъ у волковъ, многихъ дикихъ и бездомныхъ восточныхъ собакъ, львовъ, тигровъ и пр. Даже курицы бьются и гонятъ чужую курицу и съ дво- ра, и изъ курятника, и отъ кормушки. Дворовую собаку возмущаетъ

Не буду разбирать вопросъ, какъ возникла у человека мысль о мѣтѣ—гербѣ,—для такого возникновенія могло быть нѣсколько поводовъ (и едва-ли не первымъ и наиболѣе часто возникавшимъ было желаніе облегчить отысканіе незамѣтнаго мѣста, на примѣръ какой либо точки среди однообразной луговины),—а укажу только, что мѣты, какъ знакъ собственности, наблюдались у самыхъ низшихъ современныхъ дикарей, невышедшихъ еще изъ камники, точно также, какъ и на памятникахъ доисторической камники въ образѣ такъ наз. „клеимъ“, „знаковъ собственности“ и другихъ начертаній главнымъ образомъ на глиняныхъ сосудахъ и на ихъ черепкахъ¹⁾. Существованіе мѣты у русскихъ словянъ еще въ доисторическое время не можетъ подлежать сомнѣнію въ виду положительныхъ указаній на существованіе среди нихъ зачаточной письменности задолго до ихъ крещенія²⁾. Извѣстны особые знаки на печаткахъ древнихъ перстней, какъ на примѣръ перстня найденнаго на Куликовскомъ полѣ и хранящагося въ московскомъ Историческомъ музеѣ, а равно на печатяхъ XIII в., приведенныхъ въ Снимкахъ древнихъ печатей... (вып. 1, лл. 106—110; XIV стр.—лл. 110—115) и въ Сборникѣ снимковъ съ древнихъ печатей (П. Ивановъ, таб. 1, № 1—5). До сихъ поръ молочницы, разносящія молоко по домамъ въ своихъ кринкахъ, выцарапываютъ на ихъ днахъ, бокахъ или руч-

каждый посторонній, являющійся на ея дворъ, и не только изъ числа животныхъ, но и людей. Между тѣмъ эта же самая собака на улицѣ ни кого не трогаетъ: она не въ своихъ владѣніяхъ. Кошки также не выносятъ появленія чужихъ кошекъ на своемъ дворѣ.

¹⁾ См. на примѣръ сосудъ, вырытый въ южной Россіи, со знаками, напоминающими руны, въ Нивѣ—1881 г. стр. 149, рис. 10 и прилагаемый рисунокъ (табл. I). О „мѣтахъ“ и ихъ возникновеніи см. Правосл. Палестин. Сборникъ, вып. 41.—А. С. Уваровъ (Камен. вѣкъ, т. I, ст. 396—419 и т. II, таб. 26—30), а за нимъ и А. А. Спицынъ (Записки отд. рус. и слов. археол. Рус. арх. общ., т. V, ст. 86, рис. 62) говорятъ о клеймахъ на горшкахъ фатьяновскаго (Яр. у.) могильника послѣдней поры новокамники, но я сильно сомнѣваюсь въ клейменности этихъ „клеимъ“ и вижу въ нихъ просто украшеніе.

²⁾ Въ житіи Кирилла-философа сообщается, что въ Херсонесѣ (Корсунѣ) онъ въ 861 г.: „обрѣтъ евангеліи и псалтири, роушскими письмены писано, и человека обрѣтъ, глаголюща тою бесѣдою, и—выскажи начати чисти (чести, читать) и сказовати—на русскомъ языкѣ“. Въ одномъ хронографѣ XV в. также отмѣчается, что грамота русская—явилася въ Корсунѣ русину, отъ него же научился философъ Константинъ.—Эта грамота въ 861 г. могла быть дѣйствительно русская, (словяно-русская), но какою была ея азбука—еще вопросъ. В. И. Григоровичъ высказался за глаголицу, но лишь на основаніи отвлеченныхъ соображеній, между тѣмъ дѣйствительность даетъ намъ руны, принимаемыя Лицевскимъ за словянскія и относящіяся къ X—XI в. (См. ниже и „Херсонесъ таврический“, гр. А. А. Бобринскій, стр. 111, 142). О рунахъ, видимо, говорить и Храбръ: Прежде убо словене не имѣху письменъ (по др. книгѣ), но чертами и рѣзами

какъ какойнибудь знакъ, (но не букву, хотя были бы грамотныя), или навязываютъ и даже нашиваютъ обрывокъ ткани, тесемки, бичевки; послѣднее продѣлывается и съ курицами для того, что бы отличить свою кринку или курицу среди другихъ такихъ же. Лошадей съ той же цѣлью или клеймятъ, или, какъ и овцамъ, дѣлаютъ имъ надрѣзы или вырѣзы на ушахъ. Жрецъ темнокожихъ З. Африки втыкаетъ палку возлѣ плодоваго дерева для обозначенія принадлежности плодовъ богу и, слѣдовательно, запрещенія ими пользоваться; германскій крестьянинъ втыкаетъ шесть съ пучкомъ соломы на немъ на своемъ паровомъ полѣ для того, что бы показать, что оно не принадлежитъ къ общему выгону, что на немъ нельзя пасти скотъ¹⁾. Словомъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ человѣку нужно бываетъ явно заявить о себѣ или о своихъ правахъ, дать о себѣ знать или выдѣлать чтонибудь изъ однообразной среды, онъ всегда употреблялъ и употребляетъ какойлибо знакъ, который сохраняется безъ измѣненій во всѣхъ тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ требуется ясное и определенное, недопускающее сомнѣній и оспариваній указаніе на сдѣлавшаго знакъ, на обозначившаго имъ чтонибудь. Частое употребленіе такого знака, привычка къ нему и наторѣ-

(т.е. рунами, кои прямолинейны и не имѣютъ кривыхъ начертаній) чтаху и гадаху (гатаху),—погани сущс. (Лѣтоп. Ист.-фил. общ. при Нов. ун. 1901 г. IX, стр. 133); арабъ Ибнъ эль Недимъ (X в.) воспроизвелъ въ своемъ трудѣ рус.-славян. надписи, исполненію знаками, бывшими у нихъ въ употребленіи (тамъ же, стр. 121). Къ сожалѣнію она не объяснена и мнѣ не пришлось ее видѣть. Ибнъ Фодланъ (X в.) говоритъ о написяхъ на курганномъ столбѣ (словянскія руны сдѣланы на похоронномъ горшкѣ). Въ договорѣ Олега 912 г. говорится „о работающихъ въ грѣцѣхъ руси у хрестіанскаго царя... аще ли створить обряженіе, таковѣй възметъ уряженное его; кому будетъ *нисалъ* (завѣщаль) наслѣдити имѣнье,—да наслѣдитъ е“. (Лѣт. пр. Нест. по Лавр. сп. ст. 18). „Си бо не бѣша преди (раньше, слышали словесе книжного“ (ст. 66). Здѣсь говорится не о томъ, что русскіе не знали грамоты, а что не имѣли книгъ. Ю. Венелинъ доказывалъ, что словинцы и крайнимъ уже въ концѣ IV в. были хрестіане и имѣли свою грамоту (Отечест. Запис. 1839 г. № 2, отд. II, ст. 18), но его доводы не убѣдительны. Въ 1 Новгород. лѣтописи подъ 1209 г.—а что на дѣцкахъ,—то князю; въ 19 ст. пск. суд. грамоты: а кто имѣтъ искати соблюденія по доскамъ безыменно,—старанѣ. Древнѣйшія русскія серебряныя деньги (Владимира, Ярослава и др. князей) имѣютъ на задней сторонѣ особыя мѣты въ видѣ загадочнаго знака, создаващаго цѣлую литературу и все таки еще необъясненнаго. Для выясненія его укажу, что очень близкій по начертанію знакъ встрѣчается на генуэзско-татарскихъ деньгахъ г. Каффы 1438 г. (Крымской). (Изв. Тавр. Арх. Ком. № 32—33, таб. VI, рис. 16, 4, 14), а также на деньгахъ Гиреевъ (Труды Моск. нумизм. общ., т. II, вып. 1, таб. VII—XI). А. В. Орѣшниковъ, признающій знакъ за родовой, приводитъ близкій къ нему на древнемъ перстнѣ (Тамъ же, т. III, вып. 1, стр. 114, 115).

¹⁾ Ист. культуры, Ю. Линпертъ, стр. 326.

лость въ его воспроизведеніи, дающемся безграмотному съ трудомъ, а также и слабое развитіе искусственности или художественная неспособность закрѣпляютъ такой знакъ за его творцомъ и дѣлаютъ его постепенно прообразомъ послѣдняго, его символомъ; а практическія соображенія и потребности заставляютъ передавать такой знакъ по наследству ¹⁾. Получается простѣйшій семейный, а за тѣмъ и родовой гербъ ²⁾.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ такой гербъ могъ развиться и развивался на самомъ дѣлѣ нѣсколько инымъ путемъ. Извѣстно, что многія первобытныя племена ведутъ свой родъ отъ какого нибудь животнаго или птицы, или же считаютъ ихъ своими покровителями. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ такихъ животныхъ ихъ почитатели обыкновенно не употребляютъ въ пищу. Такъ отяки Пермской губерніи утверждаютъ, что „свинья отяку мать была“ и по этому ѣсть ее грѣхъ ³⁾. Среди индѣйскихъ племенъ Аме-

¹⁾ Въ принятіи отцовскаго знака дѣтми имѣетъ большое значеніе и простая подражательность. У многихъ русскихъ инородцевъ всякая новая отдѣльность, отвѣтствующая отъ начального рода, кладетъ въ основу своего родового знака знакъ основного рода, но прибавляетъ къ нему какую либо новую добавочную черту для отличія своего рода отъ всѣхъ другихъ однокровныхъ. По такимъ знакамъ инородцы безъ труда сообщаютъ свои родословія, возводя ихъ въ далекую старину.

²⁾ О подобныхъ личныхъ или родовыхъ гербахъ упоминаетъ Русская Правда (XI в.), опредѣляя взысканіе въ 12 гривенъ за *раз-знамянованіе борти*. (Рус. Правда, изд. 1799 г., ст. 72). Африканскія племена ашанти, вудшана, мундшода и др. наносятъ племенные знаки даже на собственное тѣло (на лица), то же дѣлаютъ и австралійцы (Иллюстр. всеобщ. исторіи писемъ. Я. Б. Шницеръ, стр. 17 и 18, гдѣ и рисунки). По Ю. Линперту (Истор. культуры... стр. 119, 213) каждая семья, каждый родъ и каждое развивающееся племя составляли особый союзъ, внѣшнимъ признакомъ котораго служили рубцы отъ надрѣзовъ на кожѣ, — что то въ родѣ гербовъ, на вѣки запечатлѣнныхъ на тѣлѣ. Надрѣзы производились у каждого племени на одномъ и томъ же мѣстѣ, въ Африкѣ чаще всего на плечахъ, вискахъ, щекахъ и лбѣ; у индѣйцевъ на плечахъ и груди. Они дѣлались для выпуска крови при братаніи, вступленіи въ племя и пр. (Разныя крови смѣшивались, образуя одну общую, чѣмъ и достигалось родство по крови. Братавшіеся скифы, по Геродоту, выпускали свою кровь въ вино, которое за тѣмъ распивали вмѣстѣ). Слово „не-знакомый“ значить въ тѣсномъ и ближайшемъ смыслѣ *не имѣющій знака того рода*, съ которымъ встрѣтился незнакомецъ, т. е. непринадлежащій къ этому роду и къ тѣмъ родамъ, знаки которыхъ извѣстны послѣднему; не-знак-омый.

³⁾ Живая старина, 1900 г., вып. I—II, стр. 203. Изъ этихъ словъ нельзя еще заключить, что рѣчь тутъ идетъ именно о родоначальствѣ, ихъ нужно понимать въ болѣе переносномъ смыслѣ, въ томъ, что свинья была отякамъ „кормилица“. Римляне могли тоже сказать, что волчица была имъ матерью, ибо вскормила, по преданію, первыхъ римлянъ. У отяковъ свинья считалась матерью едва ли не по тому, что она была ихъ первымъ домашнимъ животнымъ, что, приручивъ

рики, какъ въ древности и среди словянскихъ племенъ ¹⁾ были роды и племена Волковъ (лютичи), Вороновъ, Соколовъ (оботриды), Лисицъ и пр., называвшіе сами себя именами этихъ птицъ и животныхъ. Словяне, какъ русскіе, такъ и западные, (впрочемъ, какъ и другіе народы), кромѣ того, имѣли еще обычай давать имена животныхъ отдѣльнымъ лицамъ. Такъ братъ варяга Рогволода полотскаго звался Туромъ, князь Всеволодъ прозывался Буй-Туръ, подъ 1208 годомъ въ лѣтописи (Ипатьевской) упоминается

се или узнавъ уже домашнюю отъ другихъ (это вѣрнѣе: названіе свиньи у финновъ заимствовано, — свинья=sika, сканд. sugga; porcos, лит. parsas, рус. поросъ-ёнокъ), они приобрѣли въ ней обильное обезпеченіе себя отъ голода. Какъ извѣстно, свинья не требуетъ почти ни какого ухода за собою и въ то же время даетъ очень большой приплодъ и много мяса. О свиноводствѣ древней мордвы засвидѣтельствовано арабами X в. и позднѣйшими писателями, а тамбовскіе окорока до сего дня въ славѣ. Обезпеченіе себя пищей занимаетъ у первобытнаго человѣка главное мѣсто въ житейскихъ заботахъ; развившись до степени скотовода, т.-е. получивъ обезпеченіе себя въ своихъ насущнѣйшихъ и важнѣйшихъ потребностяхъ, первобытникъ долго остается на этой степени, застывая въ блаженномъ самодовлѣніи, какъ достигшій идеала своего счастья. Вообще скотоводъ въ исторіи развитія человѣчества напоминаетъ мѣшанина-буржуа въ исторіи развитія городского населенія; въ обоихъ случаяхъ одинаковое самодовольство, мѣщанское счастье и довольство, сосредоточенное на обильномъ удовлетвореніи первыхъ потребностей тѣла и на полудремотной, вялой и лѣнливой дѣятельности духа, да и то въ области грезъ, мечтаній и измышлений. Собственно говоря, самъ скотоводъ по собственному почину и волѣ ни когда не превратится въ земледѣльца, трудъ котораго онъ считаетъ въ высшей степени унижительнымъ. Онъ сдѣлается земледѣльцемъ или черезъ рабовъ (очень медленно и то лишь въ качествѣ помѣщика), или самъ ставъ рабомъ и лишившись стада и возможности быть кочевникомъ. По крайней мѣрѣ такъ свидѣтельствуется прямое наблюденіе (башкиры, индѣйцы Америки и пр.) и мнѣніе о скотоводствѣ-кочевничествѣ, какъ объ одной изъ обязательныхъ переходныхъ степеней въ развитіи человѣчества, — отвлеченный домыселъ. Человѣкъ съ перваго раза, выходя изъ дикости, начинаетъ или воздѣлывать растенія, или разводить животныхъ, т.-е. съ самаго начала дѣлается или пахаремъ-гражданиномъ, или пастухомъ-разбойникомъ.

Данное выше объясненіе отягскаго представленія о родоначальницѣ является частнымъ случаемъ, вообще же почитаніе животныхъ, птицъ и предметовъ развивается на иныхъ началахъ. Оно обусловлено представленіями человѣчества о посмертной жизни его умершихъ собратьевъ. Человѣкъ долго не постигаетъ сущности смерти, предполагая, что со смертию живое существо не уничтожается, а только перемѣняетъ образъ жизни и видъ (до нынѣ вѣримъ въ воскресеніе мертвыхъ). Представленіе о неумноженіи мертвого, т.-е. о посмертной жизни его вызываетъ другое представленіе, — о его блужданіи среди живыхъ и о его переселеніи и вселеніи въ особыя странъ — (царство мертвыхъ) или въ другіе животныхъ, въ растенія и даже въ предметы. Почти всѣ народы переживаютъ степень развитія, характеризующуюся отдаваніемъ трупа на съѣденіе звѣрямъ и птицамъ или на произвольную судьбу. Видя, какъ

¹⁾ Отрывки изъ изслѣдованій о варяжск. вопросѣ. С. Геденовъ, стр. 185.

Петръ Туровичъ; въ Псковской лѣтописи встрѣчаются прозвища и имена воеводъ: Волчій хвостъ, Жеребецъ, Упырь, Медвѣдь, Собака; архимандритъ Печерскаго монастыря Никифоръ (XVII в.) прозывался также Туромъ. (Времен. Моск. общ. ист. и древн. рос., кн. 10, отд. I, ст. 92, 93); у другихъ словянъ извѣстны вожди съ именами Волкъ, Соколъ и пр.; у чеховъ извѣстенъ дворянскій родъ Дятель¹⁾, въ Россіи существуютъ въ настоящее время фамиліи: Грачъ, Чечеть (полякъ), Чижъ, Куликъ (малороссъ) и др. (первый въ Ярослав. губ.); чувашіи язычники точно также еще и теперь даютъ въ имена людямъ названія звѣрей и птицъ²⁾. Одни изъ родовъ и племенъ, забывъ первоначальный смыслъ названія, вели отъ такихъ животныхъ тѣсокъ (соименниковъ) свое происхожденіе, другіе нѣтъ, но и тѣ и другія считали

животное съѣло трупъ его собрата, первобытникъ вполне, по своему, послѣдовательно заключаетъ, что съ тѣломъ съѣденнаго въ животное поступили или перешли и признаки, отличавшіе это тѣло,—сила, умъ, храбрость и пр. (для приобрѣтенія такихъ качествъ враговъ онъ самъ ѣстъ ихъ), словомъ—духъ умершаго. По этому, если съѣденный былъ предокъ или родственникъ, съѣвшее его животное обижать и убивать нельзя; вмѣстѣ съ нимъ обидишь или убьешь предка. Животное поступаетъ подъ запрещеніе, становится (по индѣйски) тотемомъ, неприкосновеннымъ. Почтеніе и страхъ, окружавшіе главу, вождя, предка, не исчезаютъ съ ихъ смертью, ими окружаютъ ихъ духи или тѣни; умершій глава также властелинъ надъ своимъ родомъ, какъ и живой, ибо онъ не исчезъ, не пересталъ существовать, а лишь перемѣнилъ свой видъ и частью образъ жизни. По этому онъ по прежнему можетъ казнить и миловать, а по тому и относиться къ нему нужно по прежнему же—съ почтеніемъ и уваженіемъ. Слѣдовательно, если онъ переселился въ волка, то волку нужно оказывать тѣ же почтеніе и уваженіе, что и ему, ибо теперь это уже не простой волкъ, а волкъ, въ котораго вселился и въ которомъ обитаетъ преображенный смертью предокъ (иконы почитаются точно также не сами по себѣ, а какъ изображенія первобытникъ приходитъ мало по малу сперва къ почтенію, а позже и къ поклоненію животнымъ, къ ихъ освященію и обоготворенію. Понятно, что у разныхъ племенъ и народовъ тотемами и фетишами—(священными) были разныя животныя и предметы: у полинезійцевъ акула, у малайцевъ аллигаторъ, у египтянъ крокодилъ, у персовъ (были) собака и пѣтухъ, у скандинавовъ волкъ и медвѣдь, у аттиканцевъ сова, а воронъ—ведѣ, гдѣ водится, змѣя также. Такъ какъ то животное (или предметъ), въ которое вселяется духъ умершаго, перестаетъ быть обыкновеннымъ такимъ животнымъ, а становится особымъ, управляемымъ вселившимся духомъ, то и самый духъ получаетъ его названіе. Отсюда у отяковъ родоначальница свинья, но не животное свинья, а женщина, духъ коей вселился послѣ ея смерти въ свинью. По животному прозвищу родоначальника, по названію его тотема прозывались и происходившія отъ родоначальника племена, на примѣръ у индѣйцевъ Вороны, Собаки шкуры (чипевей), Камни (онситы); у китайцевъ—Дѣти солнца и пр. (См. Ист. культуры... Ю. Липпертъ, стр. 327 и рисун. 382—385, 422, 430, 432).

¹⁾ Геденовъ, тамъ же, стр. 187. Божества древ. словянъ, А. С. Фамининъ, вып. 1, стр. 206.

²⁾ Извѣстія Общ. Арх. Ист. и Этногр., т. XX, в. 6, стр. 328.

ихъ если не священными, то неприкосновенными и изображенія ихъ — (либо правдивыя, либо искаженныя, — стилизованныя) — употребляли между пр. и въ качествѣ священныхъ начертаній, предохранителей отъ бѣдъ, (какъ дѣлаютъ то христіане съ крестнымъ знаменіемъ), и въ качествѣ символовъ, печатей, клеймъ и пр. Самыя священныя животныя — тотемы, т. е. носители духа предка, родоначальника водились или носились во главѣ, въпереди племяни при его переселеніяхъ, въпереди войска въ походахъ и на войнѣ и т. д. Со временемъ живыя существа для охраненія ихъ отъ враговъ стали замѣняться ихъ изображеніями — статуями и рисунками, которые въ послѣдствіи начали помѣщать на древки для того, что бы они были видимы всему племяни или войску. Эти тотемы — защитники и покровители племяни постепенно превратились въ военныя знамена, образчиками каковыхъ могутъ служить — римское, дакійскія и пр. При разростаніи родовъ изображенія животныхъ, именами которыхъ были прозваны родоначальники, превращались въ нечто иное, какъ въ родовые гербы — знаки. Съ теченіемъ времени и съ развитіемъ народа такіе родовые знаки переходили послѣдовательно не только на военныя знамена¹⁾, но и на флаги или прапоры шатровъ и ставокъ вождей и жилищъ правителей, а съ нихъ въ концѣ концовъ и на прапоры городскихъ башенъ, т. е. дѣлались изъ частныхъ общими, изъ домашнихъ городскими, а позже и областными. Пережитки подобныхъ родовыхъ знаковъ, (утратившихъ

¹⁾ По Шафаріку древніе словяне и литовцы сражались подъ стягами, на которыхъ были представлены изображенія животныхъ, служившихъ имъ вѣровыми символами. Шафарикъ думалъ, что имена такихъ животныхъ переходили на роды и племяна, состоявшіе подъ указанными стягами, и приводилъ примѣръ кршанъ (кршане = коріане, коршуны, коршуане) острова Крки (Veglia), получившихъ названіе чучей — (cusi; cus = коршунъ; Шафарикъ вмѣсто „коршунъ“ ставитъ „бубо“ (bubo), но ошибочно: bubo = бугай, филинъ, а не коршунъ), — будь-то бы, отъ изображавшагося у нихъ на стягахъ коршуна (Геденовъ, тамъ же, стр. 186). Геденовъ къ приведенному добавляетъ (стр. 191), что въ Польшѣ роды назывались обыкновенно по гербамъ. Однако оба мнѣнія нужно признать за невѣрныя. Очевидно, что сперва явился родъ, а затѣмъ его названіе и наконецъ знакъ — гербъ. Стягъ для того и введенъ, что бы по немъ различать въ толпѣ своихъ отъ чужихъ и стягиваться въ одно мѣсто, держаться въ кучкѣ; онъ не болѣе, какъ условный знакъ, смыслъ котораго не значителенъ различіи околѣшей фуражекъ различныхъ вѣдомствъ. „Знамя“ непосредственно значить знакъ, отмѣтка (зарубка, начертаніе и всякая другая замѣтка), въ каковомъ смыслѣ это слово употреблялось въ средневѣковыхъ бумагахъ и употребляется народомъ (да и вообще: крестное знаменіе) до сихъ поръ. Титмаръ сообщалъ, что на знаменахъ лютичей была изображена богиня. (Божества древ. словянъ. А. С. Фаминницъ, вып. 1, стр. 21). У даковъ (на Трояновой колоннѣ) изображены знамены въ видѣ драконовъ (очень близкихъ по виду къ дракону московскаго герба, поражаемому Георгіемъ), насажденных на древко (Бессарабія. П. Н. Батюшковъ, стр. 12.

подписи и по тому являющіеся личными или родовыми знаками, т.-е. гербами.

Печать¹⁾: ношаху сли (послы) печати злати, а госте сребрени (945 г.);... написахомъ на харатѣи (хартіи) сей и *своими печатѣми* запечатахомъ, т.-е. проставивъ, изобразивъ свои знаки или мѣты; мирный договоръ Смоленска съ Ригю 1229 г. утвержденъ или засвидѣтельствованъ „всехъ купечъ печатю“²⁾.

Пятно³⁾ (пѣтно): А за княжъ конь, и же тои съ пятномъ,—8 гривнѣ... (Рус. Прав.);.. покралъ конѣ Мьстислави... и пятны своѣ всклалъ, рознаменующе—(разнаменуемая)... (1179 г.);... и коневъ у нихъ ни иныхъ животины не пятнать (1484 г.). Тѣ деревянные новые мѣры съ тѣмъ съ новымъ пятномъ, которые пятна новые предъ собою учините... (1550 г.)... Продавъ есми мерина ворона подунайскихъ лошадей... а на лѣвомъ бедрѣ пятно подунайское (1651 г.).

Рѣзь—нарѣзь, вырѣзка, знакъ, сдѣланный нарѣзкой или надрѣзомъ (см. выше: чертами и рѣзами чтяху); нарѣзка или зарубка на биркѣ. Бирка⁴⁾—счетная палка, до-

знаменъ—знаковъ атемарцевъ въ челобитной ихъ (№ 41). Приведенные знаки употреблялись мордвой XVII в. Саранск. у. Пензенской губ. Интересны названія ихъ: глазъ, лукъ, борода, свидѣтельствующіе о цѣлой системѣ.

¹⁾ Отъ печь—жечь, прижигать, выжигать горячимъ или накаленнымъ,—солнце печеть. Форма „печь“ позднѣйшая, измѣненная, а первоначальною будетъ пекъ—пекти, ст. сл. печи-съ=песчись, пестчись; греч. πέσσω=πέχω=испеченный, спѣлый; санск. pacati, зенд. рас; лит. rescius, rescuris, лот. реска. Что печати прикладывались путемъ выжиганія ихъ, это не подлежитъ сомнѣнію,—скотъ, бревна и пр. клеймятъ (таврятъ) до нынѣ такимъ способомъ,—на сколько этотъ примѣръ первобытенъ, я затрудняюсь опредѣлить за неимѣніемъ данныхъ. Однако укажу, что „печать“ можно производить (даже, пожалуй, съ большей вѣроятностью), отъ иного корня: лат. pecten=царапины, борозды, рубцы и черты на корѣ дерева; грабли, бороны, гребень, щетка—скребница (т.-е. орудія царапанья, борозженья, рубцованья). На основаніи этихъ значеній первобытную печать нужно понимать, какъ царапину, зарубку, черту, рѣзь, чѣмъ она и была на самомъ дѣлѣ. Принявъ же во вниманье, что на ряду съ pecten=рѣзь стоитъ rescus (rescus, rescus)=скотъ, имущество, можно будетъ, кажется, думать, что печатю первоначально были скотскія мѣты въ видѣ рѣзовъ на ухахъ, употребляемыхъ до сего дня, особенно инородцами.

²⁾ Запис. Одес. общ. ист. и древ., т. XXV, стр. 463.

³⁾ **Пѣтно**=пѣтино=пѣтено=пѣтно=пѣтино отъ пѣта, т.-е. знакъ, похожій на отпечатокъ пятки, на знакъ, сдѣланный вдавленіемъ пятки, позже знакъ пятка (количества). Этотъ знакъ (ямка, лунка, точка) широко употреблялся въ древней письменности (на пр. м. рунической) для раздѣленія словъ (см. на пр. похоронный горшокъ изъ подл. с. Алесанова Рязан. у. (Археол. Изв. и Замѣтки 1897 г. № 12). Последняя выдержка взята изъ столбца № 21 (Якуш. описи) Яр. Арх. Ком.—См. кое-что по исторіи печати—Матеріалы по рус. сфрагистикѣ А. В. Орѣшниковъ; Труды II обл. арх. съѣзда, отд. 2, стр. 121...

⁴⁾ Тюрк. бір=одинъ, ек=два (Этим. сл. р. яз. Н. Горьевъ), дру-

печка, или чурка, прообразъ записной счетоводной книги. На ея плоскихъ граняхъ дѣлають ножемъ, гвоздемъ и т. п. для памяти или видимости различныя вырѣзки (углубленія), обозначающія число или количество чего нибудь (дней рабочихъ или постоянныхъ, мѣръ хлѣба, денегъ,—рублей, копеекъ, „гривень“ и пр., взятыхъ въ долгъ и т. д.), или же знаки собственности, личности. Бирочныя нарѣзки—зачаточныя цифры сохранились цѣликомъ въ „римскихъ“ цифрахъ и живутъ у русскихъ среди безграмотныхъ и малограмотныхъ по настоящій день. Дѣлають ихъ не только ножемъ и не только на палкѣ или дощечкѣ, а чѣмъ случится и на чемъ случится: царапають гвоздемъ или другимъ остриемъ (осколкомъ стекла, камня и пр.) на двери, чертятъ углемъ или меломъ на стѣнѣ, на откосѣ окна, на печи, на трубной дверкѣ (выраженіе: записать въ трубѣ меломъ), плотники топоромъ или долотомъ („перемѣчивають“) на доскахъ пола, на бревнахъ стѣнъ и т. д. Простѣйшіе рѣзы ни что иное, какъ рядъ болѣе или менѣе отвѣсныхъ короткихъ чертъ—„палокъ“, изображающихъ единицы. Усовершенствованіе, вызванное затруднительностью счета длиннаго ряда „палокъ“, выразилось постановкой послѣ извѣстнаго опредѣленнаго числа прямыхъ палокъ (чрезъ 5, 10)—косой („косынка“, „косыня“), что избавляло отъ необходимости считать каждую палку и давало возможность вести счетъ

гіе производятъ изъ норманскаго. Но можно видѣть въ этомъ словѣ и полногласную форму отъ русскаго „братъ“, „бирать“ (сбирать, собирать, не бирывать). Отъ бирки происходитъ „биричъ“, „бирючъ“—сборщикъ податей (позже—гдшатай), получившій свое названіе отъ употребленія имъ бирокъ, на которыхъ онъ записывалъ рѣзыми платежи и долги. Противъ заимствованія слова „бирка“ отъ татаръ говоритъ то, что происходящее отъ него „бирючъ или биричъ“ было извѣстно за долго до татаръ: въ 992—993 г. „Владимѣръ же... посла биричи по товаромъ“, В. Мономахъ—„на посадники не зря, ни на биричи“... (Почуеніе. Матеріалы для словаря др. рус. языка И. И. Срезневскій, т. I, стр. 87). Въ Псковск. губ. бирка—лукошко, корзинка для сбора грибовъ, ягодъ и пр., во Владим. губ.—приборъ для съемки плодовъ—шесть съ деревянной чашкой на концѣ. Въ Малороссіи чуркой (цурка) зовется бирка—кусочекъ дерева съ вырѣзаннымъ на немъ знакомъ личности (родовымъ) или собственности или съ мѣтою, привязываемый къ домотканнымъ тканямъ, отдаваемымъ мастеру для краски или валянья (сукно). Чурка раскалывается надвое и одна половина хранится у хозяина ткани, другая привязывается къ ткани (Труды XII арх. съѣзда, т. III, стр. 202. Толков. словарь рус. языка В. Даль). Бирки и нынѣ въ употребленіи у эскимосовъ, негровъ, апанты, ноямъ-нямъ и пр. (Моск. Вѣд. 1904 г. № 212). У отяковъ значеніе бирки очень расширилось: вызывая ворожея (усто туно), они даютъ ему въ обезпеченіе его бирку съ знаками на ней всѣхъ зовущихъ; при „подпискѣ“ на жертвенное животное на одной грани бирки вырѣзывается знакъ „подписывающаго“ деньги, а на другой сумма ихъ бирочными (римскими) цифрами. Въ первомъ случаѣ бирка является мирскимъ приговоромъ, во второмъ подписнымъ листомъ. (Изв. общ. арх., ист. и этн., т. XXII, стр. 196, 204).

пятками и десятками. Дальнейшее усовершенствование заключалось въ перекрещиваньи одной косынки другою чрезъ два пятка палокъ, что воспроизводило римскую цифру X или букву x.—знакъ десятка. А такъ какъ пятокъ является половиною десятка, то изображенію его скоро присвоили половину изображенія или знака десятка, т.-е. знакъ въ видѣ римской цифры V или буквы ижицы Г, представляющій собою двѣ сходящіяся подъ острымъ угломъ косынки. Числа отдѣлялись одно отъ другого ямками, (дыркой, углубленіемъ, потыкомъ), точками или кружками, кои ставились первоначально послѣ пятковъ—наибольшихъ или крайнихъ изъ извѣстныхъ тогда арійцамъ чиселъ (откуда и названіе числа „пять“, т.-е. числа отдѣленнаго отъ другого знакомъ („слѣдомъ“, оттискомъ) пяты—ямкой, лункой) и которые, какъ ничего неизображавшіе и неимѣвшіе числового значенія, позже стали изображать нуль въ численіи и точку—знакъ конца, окончанія—въ правописаніи¹⁾. Въ этихъ простыхъ знакахъ и въ различномъ ихъ соединеніи или сочетаніи и заключались первоначально приемы письменнаго или, точнѣе, изобразительнаго счисленія; большихъ чиселъ, а стало быть и ихъ изображеній, ихъ знаковъ не было въ употребленіи²⁾, ибо не было въ нихъ надобности. Указан-

¹⁾ Это же значеніе точка (ямка и кружокъ—ея изображеніе) имѣла и въ численіи, знамяя конецъ одного числа и начало другого, т.-е. раздѣляя, разобщая числа. Въ нѣкоторыхъ бумагахъ даже еще XVI и XVII в.в. точка ставилась послѣ каждого слова; то же на монетахъ и медаляхъ. Нынѣ точка обозначаетъ также конецъ, но не слова уже, а предложенія—фразы. До 5 и даже до 8 и 10 „считаютъ“ даже нѣкоторыя животныя и птицы, какъ доказалъ довольно основательно д-ръ Тимофеевъ (а раньше Одюбонъ). Впрочемъ, счетъ ихъ въ большинствѣ случаевъ едва-ли идетъ дальше простаго запоминанія отличительныхъ признаковъ отдѣльныхъ особей и предметовъ и различанія по нимъ этихъ особей и предметовъ, въ указанныхъ предѣлахъ, за которыми память начинаетъ измѣнять. Она перестаетъ удерживать отличія и животное теряетъ счетъ, перестаетъ учить. Вообще у животныхъ дѣйствуетъ въ этомъ случаѣ чувство (зрѣніе и слухъ), а не разумъ и яснаго отчетливаго счета у нихъ нѣтъ, а лишь смутный, зачаточный въ видѣ чувствованія общаго количества; животное считаетъ не числомъ, а признаками, не одинъ, два..., а красный, сѣрый, кривой... (Сынъ Отечества 1891 г. № 201; Исторія культуры. Ю. Липпертъ, 336 стр.).

²⁾ Словяне, отдѣлившись отъ прочихъ арійцевъ, не знали еще тысячи, т.-е. не умѣли еще считать до тысячи, названіе которой у нихъ совсѣмъ отличное отъ названія тысячи другими арійцами. Первоначальное значеніе слова „тысяча“ уяснить затруднительно, Н. В. Горяевъ толкуетъ его (см. Ср. этим. словарь рус. яз.) какъ—„много сотенъ“. Сотни словяне знали до отдѣленія, но и сотнями имъ считать приходилось, видимо, не часто, такъ какъ для сотни нѣтъ общаго всѣмъ арійцамъ знака. Цифры извѣстныя нынѣ подъ названіемъ „словянскихъ“, явленіе всецѣло искусственное и къ дѣйствительно словянскимъ цифрамъ не имѣютъ ни какого отношенія, ибо настоящія словянскія цифры (бирочныя) почти тождественны съ „римскими“. По недостатку шрифта нѣкоторыя иностранныя слова здѣсь переданы не достаточно точно.

ный способ изображенія чиселъ употреблялся арійцами уже тогда, когда словяне не отдѣлялись еще отъ латинянъ, какъ это видно по общности или по одинаковости изображенія чиселъ 5, 10 и др., и по значенію латинскихъ словъ отъ корня *rfz*. *Reseco*=рѣзать, разрѣзывать—(дѣлить на части), отрѣзывать, обрѣзывать (уменьшать, сокращать); *res*=повторность (т.-е. такое же дѣйствіе, какъ при начертаніи числовыхъ, счетныхъ „палокъ“—чертъ или зарубокъ,—разъ, разъ...); опять, снова¹⁾; памятка (знакъ для памяти, запись), опытъ (извѣданность, испробованность, знаніе); вещь, дѣло; *польза*, *прибыль*, *выгода*, *процентъ* ростъ (капитала), т.-е. то же самое, что и древне-словянское „рѣзь“ (рѣзоимство). Но такъ какъ ростовщичество обогащаетъ и, отдавая должника въ руки ростовщику, въ то же время подчиняетъ первого послѣднему, то то же слово *res* стало обозначать у латинянъ (римлянъ) съ одной стороны—имѣнье, богатство, съ другой—власть, сила. Разсчеты по займамъ сопровождаются весьма часто спорами и ссорами, кончающимися судомъ, вслѣдствіе этого слово *res* приобрѣло еще значеніе тяжба, судбище, судебное дѣло (русское областное рѣзаться=браниться, ругаться, драться на кулачкахъ, состязаться). Такъ какъ долгъ доказывался рѣзами на биркѣ (въ общемъ смыслѣ), что для русскихъ,—(у которыхъ такіе рѣзы имѣли въ народѣ силу письменнаго документа еще въ XIX в.)—засвидѣтельствова-но письменностью (а кто иметъ искать соблюденія по доскамъ), то слову *res* присвоилось еще значеніе „доказательство, очевидность“; способъ, средство (доказать, записать, сдѣлать видимымъ). Горюевъ русское рѣзь—процентъ, серб. *porеза*, албан. *porgez*=подать, дань считаетъ темными, Даль же объясняетъ безъ колебаній, что древнее выраженіе „давать въ рѣзы“ (въ проценты) имѣетъ исходною точкою нарѣзки на биркѣ. И Даль правъ: извѣстно положительно, что долги записывались (вырѣзывались) нарѣзками, а списывались или гасились, „очищались“ срѣзками или сострагиваньемъ сдѣланныхъ нарѣзокъ (было и выраженіе „срѣзывать долгъ“, равнозначное нынѣшнему „зачеркнуть“ или „похерить“, т.-е. перечеркнуть крестъ-на-крестъ, или „херами“ долгъ); отсюда, можетъ быть, и латинское *resolvo*=уничтожать, развязывать („развязаться съ долгомъ“), уплачивать. Въ долгъ давалось первоначально (и очень долго) безъ залога и по тому нельзя думать, что бы рѣзомъ являлась часть залога, отрѣзанная ростовщикомъ въ видѣ процента; да отъ многихъ залоговъ нельзя было и сдѣлать этого.

Тамга—появляется у русскихъ съ XIII в. отъ татаръ; ...царь пожаловалъ митрополита: со алою тамгою ярлыкъ

¹⁾ *Res-aevio*=опять освидѣлать, *res-aluto*=опять кланяться, *res-cribo*=опять писать и т. д.

дать .. Татарское (казан.) tamga=тамга, персид. temgha=клеимо. Слово это привилось въ народѣ далеко не повсемѣстно въ Россіи, во многихъ мѣстностяхъ его не знаютъ, въ другихъ оно стало забываться.

Тавро. ...продать.... коня.... на лѣвомъ боку тавра,— лукъ (1654 г.). Горяевъ не даетъ ни какого объясненія происхожденію этого слова, въ остальныхъ, указанныхъ выше, словаряхъ объясняется лишь его значеніе: клеймо на скотѣ. Лат. *taurus*=быкъ, волъ, *taura*=корова яловая, греч. *ταυρος* быкъ, лит. *tauras*=туръ, прус. *tauris*=буйволъ, ст. сл. и рус. туръ (тауръ)=быкъ дикій, нынѣ вымершій, то же въ польскомъ и чешскомъ языкахъ. Значеніе корня тур=могучій, сильный, крѣпкій, породный, устойчивый: санск. *sthura*; др. вер. нѣм. *sturi*, *stiuri*=сильный; санск. *tur*=быстрый, *turati*=стремительный, *turati*=бѣжить, спѣшить, рус. турить, турять=гнать, заставлять бѣжать, туровать=торопить (обл.). Судя по большинству приведенныхъ значеній, нужно думать, что тавро первоначально было мѣтою или клеймомъ, налагавшимся не на всякій, а лишь или преимущественно на рогатый скотъ и что ему была присвоена кромѣ этой еще и какая либо другая особенность. Такой особенностью было, кажется, особое начертаніе тавра, по кр. м. нынѣ чаще всего, если не всегда, тавромъ называется знакъ въ видѣ буквы Т¹⁾. Не обозначалъ ли этотъ знакъ въ первобытной письменности быка, не былъ-ли онъ его символомъ, стилизованнымъ быкомъ на подобіе того, какъ сложная крестовидная фигура $\begin{smallmatrix} \uparrow & \uparrow \\ \wedge & \square \end{smallmatrix}$ была стилизованнымъ изображеніемъ человека. Слово „тавро“ нужно, кажется, признать заимствованнымъ русскими, ибо распространено оно гл. обр. въ южной Россіи, въ другихъ же мѣстахъ часто совершенно не извѣстно.

О словахъ „клеимо“ и „ярлыкъ“ (ерлыкъ), нынѣ широко распространенныхъ и почти вытѣснившихъ во многихъ мѣстахъ старыя названія мѣтъ, говорить здѣсь нѣтъ надобности, такъ какъ оба эти слова заимствованы довольно поздно: древ. сѣв. герм. и швед *kleima*=марка, мѣтка, знакъ, сдѣланные клейкимъ веществомъ; татар. *jerlik* (*jarleg*)—приказъ (писаный, „бумага“, какъ знакъ воли хана или какъ знакъ права, даннаго имъ)²⁾.

¹⁾ Откуда и названіе „тавровое“ желѣзо—(полосовое), т. е. такое, которое въ поперечномъ сѣченіи имѣетъ видъ буквы Т¹⁾; „двутавровое“ имѣетъ сѣченіе въ видѣ двухъ соединенныхъ Т—Т¹⁾. Выдержка взята изъ столбца № 31 (Якуш. оп.) Яр. Арх. Ком.

²⁾ Слово „марка“, широко-распространенное въ Германіи (между пр. и съ значеніемъ деньга, монета), и употребительное у западныхъ славянъ (черезъ заимствованіе), русскимъ въ смыслѣ мѣты не знакомо. Значитъ оно: помарка, знакъ, сдѣланный мараньемъ, т. е. при посредствѣ красящаго вещества.

У русских инородцев различны мѣты и личные и родовые знаки извѣстны и по стариннымъ свидѣтельствамъ („подписи“ къ актамъ, приложеніе къ нимъ своихъ знаковъ, что было и у русскихъ, какъ показано), и по современнымъ наблюденіямъ¹⁾. Такимъ образомъ существованіе гербовъ (въ зачаточномъ и болѣе развитомъ видѣ) уже на первыхъ ступеняхъ просвѣщенія челоуѣчества можетъ считаться не только установленнымъ, но до извѣстной мѣры и необходимымъ, при чемъ первоначально они несутъ чисто и исключительно служебное отправленіе. Съ возникновеніемъ и распространеніемъ письменности собственно гербы постепенно утрачиваютъ свое значеніе и выходятъ въ народъ изъ употребленія, существуя лишь какъ пережитокъ, и наконецъ превращаются въ прихоть и праздную затѣю высшихъ слоевъ населенія.

Изъ 10 гербовъ Ярославской губерніи заслуживаютъ вниманія только четыре, (вѣрнѣе, два: два другіе еще не опредѣлены), а именно: г. Ярославля, онъ же Ярославскаго уѣзда и губерніи, бывший гербъ Ярославскаго княжества (или, точнѣе, княжаго города: народъ земельныхъ, областныхъ гербовъ не знаетъ)—*медвѣдь*; бывшаго Ростовскаго княжества, нынѣ г. Ростова и его уѣзда—*олень* и два не извѣстныхъ: *пѣтухъ* (кочетъ) и *конь*.

Болѣе старыя свидѣтельства сохранились о двухъ первыхъ. Эти гербы (и именнно, какъ гербы, а не какъ печати) помѣщены въ такъ наз. Большой государственной книгѣ²⁾, хранящейся въ московскомъ главномъ архивѣ министерства

¹⁾ См. на прим. Труды Оренбург. учен. архивной комиссіи, в. XIII, — башкирскія тамги; бортьныя знамена—Труды Рязан. арх. ком., т. XIX, вып. 3, стр. 194 и 200; знаки рукоприкладства—столбецъ № 41. (Якуш оп.) Яр. арх. ком.

²⁾ Или корень российскихъ государей, Царскій титулярникъ то-жъ (см. Портреты, гербы и печати Большой государственной книги, изд. С.-Петерб. археол. инстит., л. 40, а текстъ въ Древней россійск. вивлюфикѣ, изд. 2, 1791 г., ч. XVI, стр. 86). Въ текстѣ нѣтъ описанія гербовъ бывшихъ ранѣе княжествъ и описывается лишь печать Россійскаго государства, вслѣдствіе чего о гербахъ удѣльныхъ княжествъ ни какихъ свѣдѣній тутъ получить нельзя. Впрочемъ въ книгѣ сообщается подробный титулъ (величаніе) Алексѣя Михайловича — послѣдняго царя (по бумагамъ, въ народѣ титулъ „царь“ остается въ полной силѣ). Въ титулѣ онъ названъ: великій государь, царь и великій князь, — всея Великія и Малыя, и Бѣлыя Россіи самодержецъ. Однако таковымъ онъ являлся лишь для русской земли вообще, т. е. для всей страны и по тому, что она сложилась и изъ государствъ, и изъ царствъ, и изъ княжествъ великихъ и простыхъ; для отдѣльныхъ же частей Россіи этотъ государь и царь не былъ тѣмъ, чѣмъ величалъ его титулъ. Такъ для Ярославля, Ростова и Бѣлоозера онъ только „государь и великій князь ростовскій, ярославскій и бѣлозерскій“, для Твери, Вятки, Перми и пр. только „великій князь“ (стр. 116).

иностранных дѣлъ¹⁾ и составленной по распоряженію царя Алексѣя Михайловича, какъ думаютъ, въ 1672 г. *Ярославскій гербъ* изображенъ здѣсь въ видѣ медвѣдя, стоящаго на заднихъ лапахъ на травѣ въ $\frac{3}{4}$ вправо отъ зрителя, съ мордой въ $\frac{3}{4}$ влѣво, на правомъ плечѣ держитъ правою лапою протазанъ²⁾ съ челкой, лѣвая приподнята впередъ; на заднемъ планѣ лѣсъ (видимо, еловый). Изображеніе окаймлено узкою овалною рамкою изъ чешуекъ (стилизованныхъ листьевъ) и лавроваго вѣнка (стилизованнаго же), а кругомъ ея помѣщенъ уборъ (картушъ) изъ завитковъ въ западно-европейскомъ вкусѣ; надъ головой медвѣдя въ полѣ герба надпись словянскими буквами *Ярославскій*. Въ книгѣ этотъ гербъ (какъ и всѣ др. рисунки) исполненъ красками, но добыть свѣдѣнія о нихъ мнѣ не удалось къ большому сожалѣнію и по тому привожу здѣсь черный рисунокъ, снимокъ съ помѣщенного въ названномъ изданіи археологическаго института. (Рис. 1, на табл. I).

Слѣдующее (изъ обнародованныхъ) извѣстіе о ярославскомъ гербѣ относится къ концу того же XVII ст. 19 іюля 1692 г. цари Иванъ и Петръ „указали—въ Ярославской приказной избѣ для своихъ,—великихъ государей, и чело-битчиковыхъ дѣлъ быть печати изображеніемъ гербъ ярославской“...³⁾. По этому поводу въ посольскомъ приказѣ, долженствовавшемъ осуществить сдѣланное распоряженіе, завелось „дѣло“⁴⁾, изъ котораго заимствуются ниже-слѣдующія подробности (въ изложеніи Токмакова). Между прочимъ приводится такая справка: Въ государственномъ посольскомъ приказѣ, въ государственной книгѣ, въ *гербахъ княженія Ярославскаго* написанъ гербъ (табл. I, рис. 1): въ кругу (овалѣ) медвѣдь черный стоитъ на заднихъ лапахъ, въ правой ногѣ передней держитъ протазанъ, а лѣвую переднюю ногу протянулъ; подъ нимъ написанъ лѣсъ и трава, подписано только: „ярославскій“. Краткая надпись „ярославскій“ вызвала недоумѣніе:... „или подписать (на печати) только противъ печатей иныхъ городовъ по сему: печать царскаго

¹⁾ Есть еще въ публич. библиотекѣ и въ эрмитажѣ.

²⁾ Видъ копыя, у котораго подъ жаломъ съ одной стороны рогъ, съ другой багоръ, на Русь занесенъ нѣмцами.

³⁾ Сборникъ и указатель архивныхъ документовъ, относящихся до Ярославской губерніи, хранящихся въ москов. главн. архивѣ минист. иностр. дѣлъ. И. Ф. Токмаковъ, вып. IV, стр. 1. Первое полное собраніе законовъ Россійск. имперіи съ 1649 г., т. III, № 1445.

⁴⁾ „Дѣло 1692 г. Іюля 18 о устроеніи городу Ярославлю печати по гербу съ надписью“, хранится въ моск. гл. архивѣ мин. ин. дѣлъ (тамъ же). Въ Собраніи госуд. грам. и догов. (ч. 4, стр. 634, № 213) помѣщена „Память изъ государственнаго посольскаго приказа въ разрядъ“ (1692 г.), текстъ которой отличенъ въ мелочахъ отъ приведеннаго Токмаковымъ.

490

величества княжения Ярославского, или:—печать княжения Ярославского, или:—печать царского величества града Ярославля, или только:—града Ярославля, о томъ великіе государи что укажутъ? Государи указомъ 20 Авг. 1692 г. велѣли сдѣлать „печать величиною противъ псковской и смоленской... а вырѣзать на той печати *знакъ княженія Ярославского*, который написанъ въ посольскомъ приказѣ въ книгѣ гербовой, а подпись на ней также, какъ на смоленской печати“...¹⁾ Дѣло заканчивается сообщеніемъ.... „*знакъ* на той печати вырѣзанъ,— по записной государственной книгѣ,—*княжества Ярославского*: медвѣдь, стоящій на заднихъ ногахъ, съ протазаномъ, а около того знака на той печати подписано и вырѣзано сими словесы: печать царского величества княжества Ярославского“²⁾. (См. табл. I, рис. 2). Существуетъ ли еще эта печать (серебряная) нынѣ и, если да, гдѣ хранится, не извѣстно³⁾.

Изъ приведенныхъ выдержекъ видно: во 1) что *гербы назывались*, какъ сказано уже, *знаками*, во 2) что такіе знаки—гербы были уже установлены для различныхъ областей государства—прежнихъ самостоятельныхъ княжествъ, въ 3) что для древняго Ростовскаго княжества гербовъ было признано и установлено правительствомъ, судя по Государственной книгѣ, два,—ярославскій и ростовскій⁴⁾, въ 4) что печати ранѣе ярославской были заведены для Псков-

¹⁾ Токмаковъ, указанная книжка. стр. 2.

²⁾ Тамъ же, стр. 3.

³⁾ Въ Моск. Оружейн. полатѣ ея не оказалось, сенатскій департаментъ герольдіи не отвѣтилъ на запросъ Яросл. арх. комиссии по этому поводу, изъ собранныхъ же мною справокъ на мѣстѣ выяснилось вотъ что. Печать Ярославской приказной избы вывѣстѣ съ нѣсколькими бумагами хранилась въ Ярославскомъ губернскомъ правленіи и еще въ 1879 г. В. И. Лѣвщининъ писалъ (Яр. Епар. Вѣд., стр. 218),—печать „Ярославскаго княжества“.... въ числѣ старыхъ вещей здѣшняго губернскаго правленія найдется, кажется, и теперь.—Что значитъ это „кажется“, я не знаю, но по слухамъ печать была еще въ губернскомъ правленіи и позже,—въ 1880 г.г.; теперь ея тамъ нѣтъ. Къ счастью мнѣ удалось отыскать восковой и сургучный ея оттиски въ старыхъ дѣлахъ, съ которыхъ и привожу рисунокъ (2) по фотографіи. Такимъ образомъ маленькое, но любопытное звеношко изъ прошлаго Ярославскаго края будетъ спасено для науки. Печать была вырѣзана очень тонко, на восковомъ оттискѣ ея въ лупу видны даже зубы въ пасти медвѣдя. На указѣ (20 мая 1710 г.), къ которому приложена печать, значится: „при семъ его царскаго величества указѣ *княжества ярославскаго* печать“. Указъ данъ изъ Ярославской приказной полаты угличскому коменданту Тим. Гур. Ергольскому о рублевомъ сборѣ.

⁴⁾ Точнѣе три, еще бѣлозерскій. Всѣ три изображены на одномъ листѣ книги, въ которой изображенія гербовъ расположены въ томъ порядкѣ, въ какомъ перечисляются въ титулѣ Алексѣя Михайловича зѣмли, обозначенныя гербами. Титулъ этотъ представляетъ собою явленіе, сложившееся не естественнымъ путемъ, обусловленнымъ ростомъ Московскаго государства, а искусственно, онъ выду-

скаго (и Новгородскаго) „государствѣ“ и для Смоленскаго княженія, и въ 5) что Большая государственная книга называлась и просто „Государственной“, и „Записной государственной“, и „Гербовой“.

Дальнѣйшимъ общимъ правительственнымъ распоряженіемъ о городскихъ гербахъ былъ указъ Петра же отъ 3 ноября 1723 г. о формѣ суда, въ которомъ приказывалось—для запечатыванія судныхъ дѣлъ какъ въ полицеймейстерскихъ канцеляріяхъ, такъ и въ надворныхъ судахъ и во всѣхъ судныхъ мѣстахъ сдѣлать печати.—На нихъ приказывалось вырѣзать тамъ, гдѣ уже имѣлись губернскіе, провинціальныя или городскіе гербы, эти гербы, гдѣ же такихъ гербовъ не было, для такихъ мѣстъ повелѣвалось—нарисовать приличныя вновь въ герольдмейстерской канторѣ и со оныхъ отослать тѣ рисунки, для разсылки во всѣ судныя мѣста, въ юстицъ-коллегію. Сочинить гербы было поручено полковнику, графу Сантію, но онъ „объявленіемъ“ отъ 14 октября 1724 г. увѣдомлялъ герольдмейстерскую кантору, что „ему вновь сочинить гербовъ не можно“ по неимѣнію нужныхъ свѣдѣній о тѣхъ мѣстахъ, для которыхъ предназначались гербы. Вслѣдствіе этого заявленія герольдмейстерская кантора разослала указъ (отъ 30 ноября 1724 г.) съ требованіемъ прислать ей изъ губерній и провинцій „вѣдѣніе“ о времени и причинѣ постройки городовъ, каменные, деревянные или земляные они, о ихъ названіяхъ, мѣсто расположенія, о ростеніяхъ и животныхъ окружающей мѣстности и т. д., „что бѣ изъ того возможно сыскать доподлиннаго обстоятельства“. Что отвѣтилъ на это требованіе ярославскій воевода, по неимѣнію еще дѣлъ ярославской провинціальной канцеляріи и магистрата въ архивной комиссіи, не извѣстно, угличскій же бурмистръ (бургомистръ) доношеніемъ отъ 2 февраля 1725 г., сообщивъ нужныя свѣдѣнія, заявилъ: „А оно-го Углича города герба ни какова въ угличкомъ магистратѣ не имѣется“ (Книга Указовъ Угл. Пров. Канцел. 1723—

манъ. При этомъ въ основу порядка перечисленія земель положенъ, видимо, взглядъ тогдашняго правительства на распаденіе государства по областямъ. Вотъ порядокъ расположенія въ Государственной книгѣ гербовъ: кievскій, владимірскій, новгородскій (столицы); казанскій, астраханскій, сибирскій (царства, татарскія земли); псковскій, литовскій, смоленскій, тверской (сѣверо-западные пограничныя земли); волыньскій, подольскій, югорскій (окраинныя земли, украинна); пермскій, вятскій, болгарскій (сѣверо-восточныя земли); нижегородскій, черниговскій, рязанскій, полтавскій; ростовскій, ярославскій, бѣлозерскій (срединныя земли). Ярославскій гербъ Петровскаго времени,—представляющій медвѣдя съ сѣкирою, оттиснутъ на серебряномъ дискѣ 1700 г. (вѣсъ 61 зол.), хранящемся въ угличской Царевской, что на крови, церкви. (Труды Яр. архивн. ком., кн. IV, вып. 2, стр. 77). Какою (но, конечно, не серебряною) печатью былъ сдѣланъ этотъ оттискъ, когда она была введена и для чего, цѣла-ли и гдѣ хранится—не извѣстно.

26 г. л. 381/386 ..). Въ дальнѣйшемъ вопросъ о гербахъ вновь возникъ въ 1727 г., какъ не разрѣшенный исполнѣ въ 1724 г., а затѣмъ послѣдовало установленіе императрицы Екатерины II гербовъ городскихъ, уѣздныхъ и губернскихъ¹⁾, при чемъ были пересмотрѣны всѣ существовавшіе ранѣе гербы, во многихъ изъ нихъ сдѣланы измѣненія и много придумано новыхъ²⁾. Ярославскій гербъ подвергся также измѣненію. Щитъ его изъ овальнаго (италианскаго) сдѣланъ прямостороннимъ (кромѣ нижняго края) съ заостреніемъ внизу (французскимъ)³⁾, медвѣдь поставленъ бокомъ влѣво (отъ зрителя), протазанъ замѣненъ сѣкирою (рындинскимъ топоромъ), положенною не на правое, а на лѣвое плечо, лѣсъ, надпись, рамка съ узорнымъ уборомъ уничтожены (См. таб. I, рис. 3). Описывается этотъ гербъ такъ: „Въ серебряномъ щитѣ медвѣдь стоячи держитъ въ лѣвой лапѣ золотую сѣкиру на такой же рукояткѣ“⁴⁾. Указанное упрощеніе ярославскаго герба совершилось, по видимому, ранѣе или Сантіо въ 1724, или, что мало допустимо, само собою. По крайней мѣрѣ на дискосѣ 1700 г., хранящемся въ угличской Царевской церкви, медвѣдь изображенъ съ сѣкирою, а не съ протазаномъ, на придворныхъ же салфеткахъ

¹⁾ Въ сущности однихъ городскихъ, лишь распространенныхъ такъ сказать съ города на ту область, которая тяготѣла къ нему по управленію, въ знакъ этого тяготѣнія или подчиненія.

²⁾ Въ городскомъ положеніи (Жалованная грамота... и городское положеніе. Моск. 1801 г. Городовое положеніе ст. 8 въ отдѣлѣ А, стат. 28) повелѣвается:—городу имѣть гербъ, утвержденный рукою императорскаго величества, и оный гербъ употреблять во всѣхъ городскихъ дѣлахъ.—Въ примѣчаніи: Въ жалованныхъ грамотахъ включается въ семь мѣстъ настоящій гербъ того города, красками изображенный, а внизу описаніе герба. Въ докладѣ сената Екатерины II 20 июня 1778 г. (Пол. собр. закон. Рос. имп., т. XX, стр. 725, № 14765): По именному Е. И. В. указу Ярославская провинція учреждена на мѣстничествомъ и ко оному приписаны города; но какъ они по новому ихъ учрежденію гербовъ не имѣли, то по приказанію сената герольдмейстерскимъ товариществомъ, коллежскимъ совѣтникомъ фонъ Энденомъ для оныхъ городовъ сочинены гербы и представлены сенату; въ сочиненіи же оны держался главнымъ предметомъ, (что бы) въ каждомъ новомъ городѣ имѣть часть герба Ярославля съ нѣкоторымъ по приличію каждому названію, гдѣ можно было, добавленіемъ.... На докладѣ помѣта: Быть по сему. Изъ послѣднихъ словъ доклада видно, что сочинитель гербовъ черпалъ матеріалъ для своихъ твореній изъ названій городовъ и Рыбинску, на прим., далъ въ гербъ на этомъ основаніи рыбу—стерлядей. Впрочемъ, при неподходящемъ названіи имъ руководили и иныя соображенія, но не глубокія и не историческаго, а, скорѣй, бытоваго оттѣнка.

³⁾ Энцикл. словарь. Брокгаузъ и Ефронъ, т. VIII.

⁴⁾ „Указъ правительств. сената и при немъ гербовникъ городамъ Ярославскаго намѣстничества“ 1778 г.,—рукопись въ Яр. арх. ком. Пол. собр. законовъ... т. XX, № 14765. Серебряное поле при своено гербу, можетъ быть, по тому, что ярославская печать была серебряною и ея боекъ служилъ полемъ для герба.

1752 г., вытканых на ярославской фабрике Затрапезнова, герб Ярославля изображался уже близко к Екатерининскому, насколько можно судить об этом по рисунку, данному И. Голышевым в его „Альбомъ русскихъ древностей Владимирской губернии“ (1881 г. послѣдній листъ, здѣсь табл. I, рис. 4)¹⁾. Безъ малаго за 8 мѣсяцевъ до утверждения Екатериною ярославскаго герба изображение послѣдняго, — почти тождественное съ утвержденнымъ ею²⁾, — было выставлено въ Ярославлѣ официально, при открытии Ярославскаго намѣстничества 21 декабря 1777 г.³⁾. (Табл. II, рис. 5). Не мѣшаетъ упомянуть, что не смотря на то, что рисунокъ ярославскаго герба, утвержденнаго Екатериною II, былъ сообщенъ на мѣсто и въ гербовникъ, и въ жалованной грамотѣ, онъ измѣнялся даже на печатяхъ казенныхъ учреждений, — какъ на примѣръ ярославскаго верхняго земскаго суда, верхней расправы, магистрата, совѣстнаго суда, и пр., — на которыхъ медвѣдь изображался съ полураскрытой пастью и трезубцемъ, оканчивающимся стрѣлою, обращеннымъ вправо, а не влѣво, и безъ гербоваго щита (Табл. I, рис. 6)⁴⁾. Послѣдній разъ общій пересмотръ гербовъ (городскихъ) происходилъ въ царствованіе Николая I. Еще въ 1836 г. министръ внутреннихъ дѣлъ Д. Блудовъ обратился къ губернаторамъ съ циркуляромъ отъ 12 нояб. за № 535, въ которомъ писалъ: усматривая изъ дѣлъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, что нѣкоторые города до сихъ поръ не имѣютъ еще высочайше утвержденныхъ гербовъ, я покорнѣйше прошу ваше превосходительство уведомить меня, — всѣ-ли города вѣренной управленію вашему губерніи имѣютъ гербы и если не всѣ, то, составивъ проекты гербовъ, доставить ко мнѣ для представленія на высочайшее утвержденіе. Губернаторъ уведомилъ министра (отношеніемъ отъ 12 мая 1837 г. за № 2679), что гербы

¹⁾ На салфеткѣ въ среднемъ кругѣ кругомъ государственнаго герба надпись: Салетка * придворная * Казенная * 1752 года * : по угламъ вытканъ ярославскій гербъ. Въ указѣ сената отъ 10 августа 1724 г., напечатанномъ въ Полн. собр. законовъ Рос. имп. (т. VII, стр. 341, № 4552), межд. пр. значится: и для того (составленія рисунковъ для печатей) всей Россійской имперіи прежнимъ гербамъ рисунки взять въ ту герольдмейстерскую контору изъ иностранной коллегии. Такимъ образомъ въ распоряженіи фонъ Эндена имѣлся весь матеріалъ по учрежденію гербовъ за прошлое время.

²⁾ Разница: поле бѣлое, на немъ въ верху надпись: „Ярославскій“, надъ щитомъ серебряная корона съ красной тульей.

³⁾ Большіе медаліоны съ изображеніемъ герба и надписью объ открытіи намѣстничества хранятся въ музеѣ Яросл. арх. комиссіи.

⁴⁾ Печати хранятся тамъ же; гербъ на нихъ, какъ видно изъ сличенія рисунковъ 2 и 5, близокъ къ гербу Петровской печати Ярославской приказной избы. Вѣроятно, онъ воспроизводитъ рисунокъ, выработанный гр. Сантіо въ 1724 г., при чемъ протазанъ переломанъ въ трезубецъ.

имѣютъ всѣ города Ярославской губерніи, въ подтвержденіе чего высылаѣт копи съ упомянутого выше сенатскаго указа и съ самых гербовъ; послѣднюю сдѣлалъ губернский землемѣръ Постниковъ ¹⁾. Однако, не смотря на это, гербы губерніи все-таки пересматривались вновь и ярославскій утвержденъ въ послѣдній разъ въ 1856 г. ²⁾, при чемъ въ немъ опять сдѣланы измѣненія и описывается онъ такъ: „Въ серебряномъ полѣ черный, *идуций* на заднихъ лапахъ (влѣво) медвѣдь, голова *прямо*, держитъ въ лѣвой лапѣ (? на лѣвомъ плечѣ) золотую сѣкиру на такомъ же ратовищѣ. (Табл. II, рис. 7). Этотъ гербъ мало распространенъ и многимъ совсѣмъ не извѣстенъ.

Въ изданіяхъ почти современныхъ введенію Екатериною II ярославскаго герба онъ описывается не одинаково и въ нѣкоторыхъ съ уклоненіями отъ правительственнаго описанія. Въ „Обозрѣніи Россійской имперіи въ нынѣшнемъ ея ново-устроенномъ состояніи“ (С.-Пет. 1790 г., ст. 74): Гербъ ярославскій представляетъ въ серебряномъ щитѣ медвѣдя стоящаго и держащаго въ лѣвой лапѣ золотую сѣкиру на такой же рукояткѣ. Въ „Историческомъ словарѣ русскіихъ государей, князей, царей, императоровъ и императрицъ“ (Ив. Нехачинъ, Моск. 1795 г.): Въ золотомъ полѣ стоящій чернѣй медвѣдь на заднихъ ногахъ и держащій красное копье или видъ бердыша. Въ книгѣ „Ядро российской исторіи, сочиненное кн. Андр. Як. Хилковымъ“ (Изд. 3, Моск. 1799 г., стр. 469): Въ полѣ золотомъ медвѣдь чернѣй, на заднихъ ногахъ стоящій и копье красное держащій или видъ нѣкій бердыша или алебарды. Въ книгѣ „Словарь географическій Россійскаго государства, описывающій азбучнымъ порядкомъ географически...“ (Аф. Щекатовъ, 1808 г., ч. 6, столб. 385—386):... въ бѣломъ полѣ медвѣдь, стоящій на заднихъ лапахъ и держащій на лѣвомъ плечѣ золотую сѣкиру на такой же рукояткѣ. Сей гербъ издревле данъ великимъ княземъ Ярославомъ во время шествованія его въ Ростовъ по проливу изъ Которости въ Волгу по причинѣ, что онъ, нашедъ на медвѣдя, съ помощью людей своея свиты убилъ онаго.

Ростовскій гербъ въ Большой государственной книгѣ изображенъ въ такомъ видѣ. Почти въ кругѣ (немного сжатомъ) стоитъ на травѣ влѣво отъ зрителя вѣтвисто-ро-

¹⁾ Дѣло Яросл. губериск. правленія „По предписанію Мин. Вн. Дѣла о доставленіи свѣдѣній о гербахъ городовъ Ярославской губерніи“, № 12596, по особ. год. описи № 123.

²⁾ Энциклоп. словарь. Изд. Ф. А. Брокгаузъ и И. А. Ефронъ, т. VIII. Въ мѣстныхъ архивахъ я ни чего не нашелъ по этому предмету. Ярославскій гербъ 1856 г. кромѣ Энциклоп. словаря приведенъ еще—(въ краскахъ же и такой же, какъ въ словарѣ)—въ Нивѣ за 1887 г. бесплатнымъ приложеніемъ къ ноябрюскому №.

гій олень въ неспокойно-задорной, вызывающей позѣ съ гордо закинутой головой, (какъ застоявшійся конь) съ длинной гривой на правую сторону, ноги расположены, какъ послѣ проступи (топотанья), рога о пяти вѣтвяхъ, уши насторожены, ротъ полуоткрытъ. На заднемъ планѣ деревья (лиственныя), а въ полѣ герба въ верхѣ на лѣвой сторонѣ надпись словянскими буквами: *рѣстѣвскій*. Гербъ окружаетъ узорная рамка (картушъ) въ западно-европейскомъ вкусѣ изъ широкаго плоскаго кольца, выложеннаго „горошкомъ“ (шариками) и стилизованными листьями и убранный завитками (Табл. II, рис. 8). Въ Гербовникѣ 1778 г. (лис. 3): въ Червленомъ полѣ Елень Серебряны, Роги, Грива и Копыты золотые¹⁾. На приложенномъ рисункѣ гербъ мало измѣненъ: поза спокойнѣе, грива закинута налѣво и сдѣлана покорооче, итальянскій щитъ замѣненъ французскимъ, въ рисункѣ больше стремленія къ естественности, но вообще рисунокъ очень плохъ (Табл. III, рис. 9), какъ и всѣ остальные; въ нихъ нѣтъ даже и намека на художественность.

Въ словарѣ Нехачина ростовскій гербъ описывается такъ: въ красномъ полѣ золотой елень съ серебряными рогами; у Хилкова (Ядро рос. исторіи, стр. 469) въ полѣ красномъ елень золотой съ рогами серебряными; въ словарѣ Шекатова (столб. 403, т. 5) Гербъ имѣетъ городъ сей старой: въ червленомъ полѣ стоящій елень серебряный съ золотыми рогами, гривами и копытами.

Если попробовать прослѣдить разсматриваемые гербы (т. е. медвѣдя и оленя) дальше въ древность, то первое, съ чѣмъ встрѣтишься, это отсутствіе прямыхъ и положительныхъ свѣдѣній и указаній. Кое-какія общія данныя попадаютъ, но они противорѣчивы и по тому можно сказать, что за Государственной книгой Алексѣя Михайловича начинается мракъ, въ которомъ идти приходится только ощупью и дѣйствовать лишь догадками и наведеніемъ²⁾. Баронъ Бюлеръ³⁾ замѣчаетъ, что роды, происшедшіе отъ удѣльныхъ князей, на примѣръ ростовскихъ, какъ-то: Лобановы, Косаткины и Пріимковы, имѣютъ въ своихъ гербахъ знакъ бывшаго своего княжества, т. е. ростовскіе — бѣгущаго оленя.

¹⁾ То же и въ Пол. собр. законовъ, т. XX, № 14765.

²⁾ Хотя я не располагаю не только имѣющимися матеріалами, но даже и литературой, тѣмъ не менѣе сказанное остается въ силѣ въ виду того, что русская геральдика (гербовѣдѣніе) и сфрагистика (печатевѣдѣніе) очень мало тронуты.

³⁾ Снимки древнихъ русскихъ печатей государственныхъ, царскихъ, областныхъ, городскихъ, присутственныхъ мѣстъ и частныхъ лицъ. Изд. ком-іи печатанія государ. грамотъ и договоровъ, состоящей при Моск. глав. архивѣ мин. ин. дѣлъ, вып. 1, стр. XVIII. (Ужасное по длинѣ заглавіе).

Точно также и П. Ф. Винклеръ ¹⁾ проводитъ мысль, что—какъ для польскихъ гербовъ послужили источникомъ знаки на знаменахъ, около которыхъ собирались въ военное время сосѣди-родственники, такъ и у русскихъ въ основу старѣйшихъ частныхъ гербовъ легли знаки знаменъ тѣхъ об-лостей и городовъ, которые составляли нѣкогда удѣлы владѣльцевъ гербовъ. А. В. Орѣшниковъ ²⁾ указываетъ на нѣсколько иной путь,—на заимствование русскими печатей у византийцевъ и на перенесеніе изображеній съ печатей на монеты. Однако замѣчанія первыхъ двухъ если и представ-ляютъ общее значеніе, то, кажется, лишь въ приложеніи къ печатямъ болѣе поздней поры, а именно къ печатямъ времени послѣ изданія Большой государственной книги, установившей областные гербы законнымъ порядкомъ. По крайней мѣрѣ на приводимой Бюлеромъ (л. 98) печати стольника кн. Абрам. Никит. Пріимкова-Ростовскаго 1687 г. дѣйствительно изображенъ въ кругѣ скачущій вправо олень (подъ нимъ земля и трава, надъ нимъ параллельно кругу четыре ковычки—запятьхъ), на печати окольничаго и вое-воды кн. Пет. Лук. Львова (ярославскаго) 1691 г. ³⁾ изобра-женъ медвѣдь,—(т.-е. ярославскій гербъ,—на заднихъ лапахъ влѣво въ $\frac{3}{4}$ съ копьемъ (?) на лѣвомъ плечѣ, между сти-лизованными растеніями, въ общемъ очень напоминающій позднѣйшій ярославскій гербъ (Табл. III, рис. 10); но на печати воеводы кн. Ал-ра Дан. Пріимкова-Ростовскаго 1619 г. ⁴⁾ представлена голова человѣка бокомъ влѣво, въ шляпѣ, съ длинными волосами; на печати воеводы кн. Мих. Фед. Ростовскаго 1578 г. два человѣка, стоящіе впрямь (фазъ) по бокамъ растенія, на вершинѣ котораго сидитъ птица ⁵⁾, (часто повторяющійся пошибъ); на печати кн. Ив. Дм. Ростовскаго 1556 г.—человѣкъ ⁶⁾ и пр. Съ другой сто-роны олень встрѣчается на печатяхъ лицъ вовсе не княже-скаго происхожденія и неимѣющихъ прямаго отношенія къ Ростову, (да и къ другимъ городамъ, имѣющимъ въ сво-ихъ гербахъ это животное), какъ на примѣрѣ на печати стряпчаго Ив. Фед. Лызлова 1663 г. (олень стоитъ влѣво ⁷⁾). То же нужно сказать и о печатяхъ съ изображеніемъ мед-вѣдя. Мало того, самые гербы ростовскій и ярославскій не

¹⁾ Энцикл. словарь Брокг. и Ефр., т. VIII, „гербъ“.

²⁾ Труды Моск. нумизмат. общества, т. III, в. 1, стр. 108...

³⁾ Сборникъ снимковъ съ древн. печатей, приложенныхъ къ грамотамъ и др. юридическимъ актамъ, хранящимся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи. П. Ивановъ. 1858 г. Мос., таб. XVIII, рис. 291.

⁴⁾ Тамъ же, таб. X, рис. 39, стр. 15.

⁵⁾ Тамъ же, таб. VII, рис. 119, стр. 10.

⁶⁾ Тамъ же, таб. V, рис. 73, стр. 8.

⁷⁾ Тамъ же, таб. XVI, рис. 217, стр. 26.

всегда, не непрерывно были съ изображеніями оленя и медвѣдя, какъ объ этомъ свидѣтельствуег. большая государственная печать Грознаго, приложенная къ договору Россіи со Швеціей 1583 г. ¹⁾ На обратной сторонѣ ея между другими печатами, расположенными кругомъ общегосударственной, помѣщены въ верхней половинѣ „печать ростовская“ и „печать ярославская“. На первой изображенъ, (суця по рисунку), воронъ, стоящій бокомъ вправо, голова повернута назадъ (влѣво) (Табл. III, рис. 11), на второй — рыба (шипъ?), плывущая влѣво (Табл. III, рис. 12). Что же это значитъ? То-ли, что мѣстные гербы мѣнялись дѣйствительно легко и свободно, были подвижны, незакрѣплены, т.-е. представлялись явленіемъ случайнымъ и поверхностнымъ, некоренившимся въ глубинѣ народной жизни и не ею выработаннымъ, или то, что въ верхнихъ правящихъ слояхъ Москвы не всѣ и не всегда были достаточно знакомы съ мѣстными бытовыми особенностями, недостаточно обращали на нихъ вниманія (при Грозномъ—то особенно) и считали возможнымъ обходиться съ ними по своему усмотрѣнію и личнымъ соображеніямъ, не будучи въ нужной мѣрѣ подготовленными къ вводимому новшеству ²⁾. Или же наконецъ то, что у одной и той же мѣстности было по нѣсколько знаковъ—гербовъ? Винклеръ замѣчаетъ ³⁾, что русская геральдика (очевидно,—правительственная, официальная) создана царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, что до него хотя существовали печати нѣкоторыхъ городовъ, государства, частныхъ лицъ и пр., но онѣ не были закрѣплены и не усвоили постоянныхъ геральдическихъ формъ, т.-е. были подвижны и легко измѣнчивы. Къ частнымъ печатамъ такое положеніе вполне приложимо ⁴⁾; приложимо оно до известной степени и къ общегосударственной печати: здѣсь личный произволъ владѣльца и царя—самодержца дѣйствительно имѣли рѣшающее значеніе. Что же касается городовъ и облостей, то, какъ известно, удѣльные князья—ихъ владѣльцы или, точнѣе, правители ни когда не были неограниченными повелителями управляемыхъ земель; даже самое право княженія во многихъ удѣлахъ не было наследствен-

¹⁾ Снимки древ. рус. печатей... 2, 19.

²⁾ Въ данномъ случаѣ къ введенію сложной государственной печати, заключающей въ себѣ печати вошедшихъ въ государство земель и княжествъ; известно, что составленіе титула московскихъ царей представляло тоже не мало затрудненій и формула его измѣнялась неоднократно.

³⁾ Въ указанной выше статьѣ въ Энцикл. словарь.

⁴⁾ Хотя, напомнимъ, на монетахъ первыхъ кievскихъ князей („Ярославовомъ серебрѣ“) знакъ—гербъ держался довольно прочно, искажаясь скорѣй неумѣлостью техники, чѣмъ намѣреніемъ князя, выпускавшаго монеты. Знаки князя, его „знамя“ ставилось на этихъ монетахъ едва-ли не меньше всего, въ государственномъ смыслѣ.

нымъ, а лишь благопріобрѣтеннымъ и условнымъ, ограниченнымъ договоромъ—рядой. Сверхъ того, на сколько можно судить по всему до нынѣ выясненному, благодаря такому положенію князя и сложившемуся въ теченіе долгаго ряда лѣтъ обычаю и порядку, князь мало касался внутреннихъ дѣлъ княжества, особенно же незатрогивавшихъ непосредственныхъ его интересовъ, и вѣдалъ главнымъ образомъ лишь судъ, податную часть и военное дѣло, да отчасти церковь и внѣшнія дѣла. Внутренняя же мирная жизнь облоостей шла помимо его, вѣдаясь самоуправленіемъ и вершась „по старинѣ“—по установившимся обычаямъ и по издревле заведеннымъ распорядкамъ. Князю,—не рѣдко лишь временному гостю облости, чуждому пришельцу въ нее, неимѣвшему въ ней ни какихъ иныхъ, кромѣ главнымъ образомъ наживныхъ и узко-личныхъ интересовъ и самолюбивыхъ или тщеславныхъ побужденій,—не было ни надобности, ни предлога, да, пожалуй, ни времени и разсчета мѣшаться въ мирную жизнь частныхъ отношеній обитателей облости, недававшую ему ни какихъ выгодъ и прибылей. Хозяиномъ облости была сама она въ лицѣ своего населенія, его выборныхъ и лучшихъ людей и сходки—вѣча, а князь съ самаго призванія Рюрика былъ въ незавоеванныхъ имъ земляхъ лишь пріемышемъ, наемникомъ, приставленнымъ къ извѣстному дѣлу, которое онъ былъ обязанъ дѣлать по рядѣ, т. е. по преподаннымъ указаніямъ или, другими словами, по волѣ все того же населенія, по принятымъ имъ установленіямъ и обычаямъ. Конечно, какъ вездѣ, всегда и во всемъ, были злоупотребленія и со стороны князей то временныя, то болѣе или менѣе постоянныя, послѣдовательно проводимыя¹⁾, но эти явленія, какъ неправильныя и болѣзненныя, не мѣняютъ общаго положенія дѣла, и русскихъ князей до усиленія Москвы нельзя признать (по крайней мѣрѣ во многихъ случаяхъ) ни чѣмъ инымъ, кромѣ какъ наемниками облоостей, находившимися у нихъ на службѣ. Правда, князья завоевывали земли и владѣли ими, но лишь при помощи и съ согласія облоостей; писали или дѣлали словесныя завѣщанія, въ которыхъ распредѣляли облости между своими наслѣдниками. Но эти завѣщанія создавались лишь для князей и имѣли значеніе только въ ихъ средѣ и въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, для народа же они не имѣли обязательной силы и онъ давалъ право на себя не тому, кому былъ завѣщанъ, а тому, кто ему нравился, что и обуславливало малую силу подобныхъ завѣщаній²⁾. Даже въ тѣхъ облостяхъ, въ которыхъ уста-

¹⁾ На рядѣ такихъ злоупотребленій зародилось, выросло и существовало все московское царство.

²⁾ Разумѣется, были исключенія, были случаи и ихъ не мало, когда народъ не проявлялъ своей воли, т. е. какъ будто бы повино-

новилось право наследованія княженія, какъ на примѣръ въ Ростовско-Суздальской области, князь, въ сущности, оставался все-таки лишь наемникомъ и мало входилъ въ мирную внутреннюю жизнь края¹⁾. Однимъ изъ проявленій такой жизни нужно, кажется, признать и областные знаки или гербы въ тѣхъ случаяхъ, когда такіе знаки явились не слѣдствіемъ прихоти, а въ силу какихъ либо основныхъ и болѣе постоянныхъ проявленій жизни въ родѣ вѣрованій, мировоззрѣнія, какихъ ни будь своеобразныхъ и отличныхъ отъ другихъ мѣстныхъ особенностей въ бытѣ народа, въ его занятіяхъ и промыслахъ и т. д. Что ярославскіе гербы установлены не удѣльными ярославскими князьями, слѣдуетъ изъ того, что этихъ гербовъ нѣтъ ни на ихнихъ монетахъ²⁾, по сколько послѣдніе извѣстны до сихъ поръ,

вался волѣ завѣшателя, но это только—„какъ будто-бъ“ и на дѣлѣ онъ вовсе не повиновался, а только относился по тѣмъ или инымъ причинамъ и соображеніямъ безразлично къ совершающемуся, зная, что всегда можетъ направить его по своему желанію. Изъ того, что я не хожу въ думу на засѣданія и выборы, имѣя на то право, не слѣдуетъ, что у меня нѣтъ этого права, а лишь то, что мнѣ все равно,—что постановять, кого выберутъ, что я не интересуюсь осуществленіемъ своего права.

¹⁾ Андрей Боголюбскій избранъ ростовцами и суздальцами вопреки завѣщанію Юрія Долгорукаго, сдѣлавшаго наследниками младшихъ своихъ сыновей Всеволода и Василька; ростовцы и суздальцы ихъ выгнали. По смерти Андрея они опять-таки выбрали не сына его, а племянниковъ Мстислава и Ярополка Ростиславичей. Даже владимірцы—жители княжескаго, а не земскаго города, признавъ сперва своими князьями Мстислава и Ярополка, потомъ выгнали ихъ: мы по своей волѣ избрали князей, а они пустошатъ землю нашу, какъ бы не думая оставаться князьями въ ней. И взяли брата Андрея Юрьевича, а послѣ его смерти брата же его Всеволода. Когда этотъ хотѣлъ помириться съ Мстиславомъ, то ростовцы заявили послѣднему: если ты дашь миръ Всеволоду, то мы не дадимъ. Сынъ Всеволода Ярославъ говорилъ переяславцамъ: Братья переяславцы! Вотъ отецъ мой отошелъ къ Богу, а васъ отдалъ мнѣ, а меня вамъ далъ на руки; скажите, братья, хотите-ли имѣть меня у себя, какъ имѣли отца моего и сложить за меня свои головы? (Разсказы изъ русск. исторіи. Д. Бѣляевъ, т. 1, стр. 339; Лекціи по исторіи рус. законодательства. Его же, стр. 156).

²⁾ Импер. Россійск. Историческ. музей. Описаніе памятниковъ, вып. 1. Изслѣдованіе А. В. Орѣшникова, стр. 162... Труды Яросл. статистическ. комитета, вып. V, таб. IV, рис. 1—4. Здѣсь перепечатаны изображенія денегъ послѣдняго ярославскаго удѣльнаго князя Александра Федоровича Брюхатаго, данныя Чертковымъ (въ описаніи монетъ на таб. XVI) и Рейхелемъ и приведенныя въ работѣ Орѣшникова (таб. III; Труды Мос. нумизм. общ., т. II, вып. 1, стр. 22; Археологическія извѣстія и замѣтки 1897 г. № 12). Въ предисловіи изданія Орѣшниковъ говоритъ, что на ярославскомъ пулѣ изображено „четвероногое вправо, надъ спиною 3 шарика, внизу одинъ“. Къ сожалѣнію рисунокъ пула (цинкографія), приложенный къ статѣ, такъ неясенъ, что четвероногое разобрать нѣтъ возможности (стр. 27). Но едва-ли оно медвѣдь, хотя вообще изображеніе медвѣдя на древнерусскихъ деньгахъ не составляетъ большой рѣдкости. На деньгахъ

ни на ихъ болѣе раннихъ печатяхъ, какъ отмѣчено выше и по сколько онѣ тоже извѣстны,—данныя весьма скудны¹⁾. Между тѣмъ трудно предположить, что бы при изготовленіи государственной печати при Грозномъ и Государственной книги при Тишайшемъ составители, изображая гербы различныхъ областей государства, руководились исключительно только собственнымъ воображеніемъ и не принимали въ соображеніе мѣстныхъ данныхъ и мѣстныхъ особен-

велик. князя тверскаго Бориса Александровича (1426—1461) изображалась сцена охоты на медвѣдя съ рогатиной (Лѣтопись рус. нумизматики, И. Сахаровъ, изд. 2, 1851 г., таб. V, рис. 19); звѣрь сдѣланъ плохо, но сцена такъ характерна, что сомнѣваться въ ея содержаніи нельзя. На деньгѣ моск. вел. кн. Василя Васильевича (1425—1462 г.) изображенъ медвѣдь сзади (?) князя (или князь сидитъ на немъ; тамъ же, таб. X, рис. 3) и выполненъ очень типично. Деньга эта по изображенію на ней довольно близка къ гербу Равичъ, присвоенному Лясотовичамъ и Рацевичамъ. Здѣсь изображенъ медвѣдь бокомъ, идущій влѣво, на немъ сидитъ (какъ и на деньгѣ, поза та же) женщина въ вѣнцѣ съ распущенными волосами и съ поднятыми и раздвинутыми въ стороны руками. Въ коронѣ герба между двумя оленьими рогами изображено пол-медвѣдя на заднихъ лапахъ, влѣво. Описывается гербъ такъ: Долженъ быть медвѣдь въ полѣ желтомъ, влѣво щита идущій, на которомъ панна сидитъ, держа руки распростертыми; въ коронѣ между оленьими рогами пол-медвѣдя влѣво щита (тарча) обороченнаго (Историко-юридическіе матеріалы, извлечен. изъ актовъ книгъ губерній Витебской и Могилевской, хранящихся въ центр. архивѣ въ Витебскѣ и издан. подъ редакціей... Дм. Ив. Довгялло, вып. 28, ч. 2.—Оршанскій гербовникъ, стр. 75 и 119. (Непозволительно длинное заглавіе). Кстати укажу еще здѣсь на печать кн. Пет. Дмитриевича, приложенную къ духовной вел. кн. Вас. Дмитриевича 1423 г., на которой изображена сцена единоборства (?) съ медвѣдемъ, стоящимъ на заднихъ лапахъ влѣво. (Собрание государственныхъ грамотъ и договоровъ... ч. 1, стр. 82). Очень любопытна также заводская марка колокольнаго мастера, вырѣзанная на колоколѣ церкви (1345 г.) мѣстечка Хемзе (ост. Готландъ) и приведенная Г. Гильдебрандомъ въ *Sveriges medelid. Kulturhistorisk Skildring*. Кн. IV, стр. 504 (у меня рис. 13). На мой взглядъ эта марка очень близка къ прообразу (прототипу) ярославскаго герба, на которомъ медвѣдь первоначально, конечно, не былъ вооруженъ сѣкирой, копьемъ, протазаномъ и т. п. и если только былъ вооруженъ вообще чѣмъ ни будь, то всего скорѣе, какъ на хемзенской маркѣ, дубиной, наиболѣе часто употребляемымъ орудіемъ финновъ и русскихъ не только въ древности (напомню палицу и „дубъ кряковистъ“ былинъ), но еще и до сихъ поръ. Эта марка или, вѣрнѣе, гербъ (около ея находятся родовые знаки, г-е. собственно марки въ видѣ буквы W и чего то не то растенія, не то репейка, какіе бросались подъ ноги конницѣ), вырѣзанная въ глѣбѣ, весьма типична и можетъ дать близкое представленіе о томъ, какъ человекъ, въ томъ числѣ и ярославецъ, начерчивалъ въ старину свои знамяныя—знаки—гербы.

¹⁾ Не только древнихъ, но и болѣе старинныхъ духовныхъ и свѣтскихъ ярославскихъ и ростовскихъ печатей на мѣстѣ не сохранилось, не извѣстно. Въ ризницѣ ярославскаго Спасскаго монастыря хранился *епархіальный гербъ*, написанный на холстѣ масляными красками и напоминавшій по изображенію нынѣшній новгородскій (святительское мѣсто съ трикиремъ на верху задники и съ митрой и перекрещенными посохами на сидѣнн; по бокамъ его на заднихъ ногахъ

ностей. Напротивъ, помѣщеніе рыбы въ ярославскомъ гербѣ печати 1583 г. говоритъ имянно, кажется, за такое принятіе въ соображеніе мѣстныхъ особенностей, ибо въ Ярославль того времени было 8 ловецкихъ слободъ, да въ его уѣздѣ было ихъ нѣсколько ¹⁾, доставлявшихъ рыбу для царскихъ надобностей. Последнее обстоятельство, должно быть, и дало поводъ составителю рисунка печати 1583 г. признать ярославскому гербу рыбу, такъ какъ при составленіи печати за руководящее начало принята была мысль о подчиненіи возможно большаго числа и при томъ различныхъ земель единой Москвѣ и служба ихъ московскому князю — самодержцу, ихъ повелителю. Изъ особыхъ не повсемѣстно встрѣчающихся службъ Москвѣ бывшего Ярославскаго княжества была служба по доставленію ко двору рыбы; слѣдовательно и въ ярославскій гербъ можно было помѣстить рыбу, какъ отличительный знакъ Ярославля. О причинѣ, побудившей помѣстить въ Ростовскомъ гербѣ ворона, (если только это воронъ), трудно составить даже и предположеніе. Воронъ ²⁾ ни когда не пользовался у рус-

стояли медвѣдь и олень), но и тотъ исчезъ (см. Входящія Яросл. арх. комиссіи за 1903 г., л. 221 и др.). По кр. мѣрѣ его не могли отыскать ни въ монастырѣ, ни въ Ростов. музеѣ церкви, древностей, въ который онъ, можно было бы думать, могъ быть переданъ. А я его видѣлъ самъ и держалъ въ рукахъ въ 1887—1888 г. (у фотографа Вл. Ал. Лопатина, дѣлавшаго юбилейную фотографію—группу по случаю 100-лѣтія перевода кафедры изъ Ростова въ Ярославль). Гербъ носилъ всѣ признаки XVIII в. и былъ изготовленъ едва-ли не для торжествъ по случаю перемѣщенія кафедры въ 1788 г. После мѣ сообщили, что подобный гербъ, вырѣзанный на печати, сохранился на сургучныхъ оттискахъ ся на бумагахъ и обѣщали доставить, но обѣщанія не исполнили.

¹⁾ Въ жалованной грамотѣ 1645 г. кн. Ал-ю Мих. Львову (Древ. рос. вивлюфика, изд. 1896 г. Мышкинъ, т. IV, ч. VIII, стр. 106) упомянуты: въ Ярославль на посадѣ Дрюлина, Толчкова, Коровницкая, Благовѣщенская, Тверицкая, Петровская, Кондаковская; въ городѣ въ Зарядѣ—Зарядская; въ улицѣ Киселюхъ—дворы ловецкихъ людей, находившіеся между посадскими дворами; въ Ярославскомъ уѣздѣ слободы Норская, Борисоглѣбская и Рыбинская. Всѣ эти слободы жаловались Львову, но съ оговоркою: „а на насъ (царя) съ тѣхъ слободъ ловить рыбу по прежнему“. Ярославская Тропинская (Тропино, Трупино, Дропино) звалась также ловецкою. Въ 1631 г. въ Коровникахъ было 5 рыбаковъ и 2 ловца, въ Тропино ни одного. (Яр. Губ. Вѣдомости 1850 г., ст. 473; 1851 г., ст. 186). Еще въ 1717 г. ярославскому коменданту Лукьяну Ив. Талызину приказывалось въ указѣ: про его царскаго величества обиходъ прислать въ С.-Питербурхъ (въ дворцовую канцелярію)... въ лѣтнихъ,—въ Майѣ, въ Юнѣ, въ Юлѣ, въ Августѣ,—мѣсяцехъ стерлядей живыхъ добрыхъ несидѣлыхъ въ прорѣзныхъ стругахъ противъ прошлыхъ лѣтъ изъ г.г. Ярославля 2000, изъ Углича 1000 стерлядей въ указаную мѣру (съ 1 ар. и до 8 вер.), въ Ярославль и на Угличъ купя настоящей цѣною, отправивъ въ С.-Питербурхъ наймомъ. (Переписн. книга Ярославля, Никольской (надѣиной) сотни 1717 г. № 146, л. СЗ (207).

²⁾ Судя по указанному выше рисунку, на немъ представленъ имянно воронъ; на этомъ рисункѣ вообще всѣ изображенія сдѣланы

скихъ почетомъ, считался (Слово о полку Игоревѣ, пѣсни и пр.) и считается птицей вѣщей, предвѣстницею бѣдъ и смерти и посвящался, какъ всѣ черныя животныя, духамъ тьмы и зла, а по тому едва-ли какой ни будь изъ русскихъ городовъ рѣшилъ бы принять его въ свой гербъ, сдѣлать своимъ символомъ или прообразомъ¹⁾. Другое дѣло было бы, если на ростовской печати былъ бы изображенъ или хотѣли бы изобразить сокола либо ястреба, ибо и самыя эти птицы пользовались у всѣхъ словянъ почетомъ и уваженіемъ, да и сокольниковство, какъ и рыболовство, процвѣтало въ древности въ Ярославской губерніи, при чемъ ярославскіе соколы помытчики упоминаются до конца XVIII в.²⁾

очень правдиво, но на сколько они близки къ подлиннику, не являвъ послѣдняго, сказать трудно. Замѣчу, что на такой же, но болѣе поздней печати—Лже-Димитрія I, 1605 г., снимокъ съ которой помѣщенъ въ Собраніи государственн. грамотъ и договоровъ (ч. 2, ст. 228) всѣ изображенія исполнены несравненно хуже. Впрочемъ разница замѣчается не только въ достоинствахъ исполненія, но и въ подробностяхъ самыхъ изображеній (на прим. на новгородской печати), вслѣдствіе чего большее совершенство изображеній на печати 1583 г. нельзя еще, кажется, приписывать всецѣло воображенію рисовальщика, т.-е. принимать за его личное толкованіе изображеній подлинника. Орѣшниковъ (Матеріалы по рус. сфрагист., ст. 4, 14, 26, 38) утверждаетъ, что изображенія печатей въ Собр. гос. грам. и догов. искажены до неузнаваемости, слѣдовательно пользоваться ими если и можно, то очень осторожно. Это очень грустно, пожелаемъ скорѣйшаго новаго лучшаго и полнѣйшаго изданія (хорошей фототипіей) этого важнаго матеріала.

¹⁾ А. С. Фамининъ (Божества древн. словянъ, в. 1, стр. 204 и 206) говоритъ, что одно племя балтійскихъ словянъ называлось Вѣронами или Вранами, но это не болѣе, какъ мало-основательная догадка и произвольное толкованіе, ибо Варны далеко еще не Враны. Одно изъ ростовскихъ князей XV в.—(Семена Юрьевича, сына Юрія Ивановича Нѣмаго-Голенина, упоминаемаго подъ 1400 г.) звали „Ворѣна“, но это лишь насмѣшливое прозвище, данное ему народомъ (и до нынѣ употребляемое). Жену его Феодору увезъ Вас. Юрьев. Шемяка (Яросл. Губ. Вѣд. 1887 г. № 13). Одинъ изъ ярославскихъ князей—Вас. Фед. Шаховской (внукъ Алексан. Анд. Шемяки) прозывался и Ворономъ. (Путеводит. по гор. Ярославлю. А. А. Титовъ, стр. 141). Названіе г. Воронежемъ произошло отъ р. Вороны. Во всякомъ случаѣ если воронъ и пользовался уваженіемъ, то у словянъ, т.-е. пока они еще не превратились въ русскихъ (русовъ). У западныхъ арийцевъ воронъ назывался по его цвѣту, т.-е. чернымъ: латин. *cornix*—ворона, *corvus*, *corax*—воронъ, франц. *corneille*—ворона; лат. *cornicor*—каркать по вороньѣ, франц. *coigner*—трубить, играть на рожкѣ (собственно—каркать, испускать звуки въ родѣ вороньихъ). При смягченіи словянами въ корнѣ корнъ и въ ч. получилось черн—чѣрн. Значеніе русскаго черн-ый выясняетъ значеніе и латин. *cornix* и др. Лат. *cornu*—рогъ, труба, отрогъ, крыло—флигель; словянское значеніе корня (черн) позволяетъ думать, что раньше получилъ названіе воронъ, а позже рогъ (труба).

²⁾ Въ Яросл. архивѣ, комиссіи хранятся: Дѣло 1751 г. (№ 157/ Яр. Арх. К.: 40)... „О изслѣдованіи ростовскому магистрату въ убивствѣ ростовскаго сокола помытчика Василья Колосова“ и „Дѣло объ отводѣ ростовскому соколю помытчику Якову Павлову въ Пред-

Вслѣдствіе этого изображеніе на ростовской печати (сокола) имѣло бы значеніе того же рода, что и изображеніе рыбы на ярославской.

Мнѣ не извѣстно, чѣмъ руководились составители Большой государственной книги, помѣстивъ въ ярославскомъ гербѣ медвѣдя, а въ ростовскомъ оленя¹⁾, но, кажется, не должно подлежать сомнѣнію, что они къ своей работѣ относились съ большей осмотрительностью и съ меньшимъ произволомъ, чѣмъ ихъ предшественники, — сочинители упомянутыхъ государственныхъ печатей. По крайней мѣрѣ такъ думать позволяетъ какъ то, что творецъ едва-ли не перваго труда по русской геральдикѣ — (Всѣхъ великихъ князей московскихъ и всея Россіи самодержцевъ персоны и титула, и печати²⁾ Артам. Серг. Матвеевъ — государевъ печатникъ — былъ человѣкомъ образованнымъ для своего времени, зналъ западные обычаи и слылъ за западника, такъ и то, что у Тишайшаго работали по геральдикѣ присланный изъ Австріи императоромъ Леопольдомъ I его опытный герольдмейстеръ Лаврентій Хурелевичъ или Куреличъ³⁾,

течевскомъ приходѣ на наследственной послѣ отца его землѣ къ постройкѣ деревяннаго дома мѣста и о дачѣ плана" 1793 г. № 48. Подъ самымъ Ростовомъ на его посадѣ у озера была Соколыничья слободка, разоренная въ 1619 (7127) г. литовцами (на канунѣ Семена-дѣтопроводца). Съ этой слободки брали въ приказъ большаго дворца по 5 соколовъ въ годъ, а „коли соколовъ не родъ“, то деньгами по 1 руб. за сокола. Послѣ погрома слободку „дозирали“ ярославецъ Ив. Мотовиловъ и нашелъ въ ней 3 полудворишка, 3 пустыхъ дворишка, да 6 пустыхъ дворовыхъ мѣстъ съ полумѣстомъ. Окладъ положили на слободку „до большихъ писцовъ“ (переписи) въ 2 сокола въ годъ съ 1½ двора. Грамота писана 24 мая 7127 г., а между тѣмъ въ ней этотъ годъ названъ „прошлымъ“ (Яр. Губ. Вѣдом. 1854 г., ст. 320), слѣдовательно годъ указанъ не вѣрно. Въ 1443 г. ростовцы ходили промышлять соколовъ и кречетовъ за Волгу. (Опис. слов. и рус. рукописей... А. А. Титова, т. V, стр. 476). Въ родословіи рода Воронцовыхъ и Вельяминовыхъ: А Михайловы дѣти Рогожины — Петръ да Кречетъ, а Петровы дѣти — Димитрей да и Иванъ Бобръ. (Времен. Моск. общ. истор. и древ. рос., кн. X, отд. II, стр. 90).

¹⁾ Заявленіе Шекатова (см. выше) по этому поводу имѣетъ значеніе лишь произвольной, необоснованной догадки.

²⁾ Въ рукописи Матвѣева ярославскій гербъ изображенъ: медвѣдь въ лѣсу, влѣво, съ прогизаномъ на правомъ плечѣ; ростовскій — олень въ лѣсу, вправо. (Входящія Яр. Архив. Ком. за 1905 г., л. 17). Такъ сообщилъ Моск. глав. архивъ М. И. Д.; какъ понимать эти „вправо“ и „влѣво“, т.-е. отъ зрителя или по изображенію, — не извѣстно и вообще сообщеніе дано излишне кратко и скупо.

³⁾ Онъ написалъ въ 1673 г. сочиненіе на латинскомъ языкѣ, оставшееся въ рукописи „О родословіи российскихъ великихъ князей и государей, поднесенное царю Алексѣю Михайловичу отъ цесарскаго совѣтника и герольдмейстера Лаврентія Курелича съ показаніемъ нѣбующаго по средствамъ брака сродства между Россією и 8 европейскими державами, т.-е. царемъ римскимъ и королями: англійскимъ, датскимъ, французскимъ, испанскимъ, польскимъ, португальскимъ и шведскимъ и съ изображеніемъ оныхъ королевскихъ

прошедшій школу западной науки гербовѣдѣнія. Можно думать, что такой человекъ уже по одной привычкѣ, а также и по выдержкѣ и навыку едва-ли сталъ бы сочинять гербы по личному усмотрѣнію, не собравъ предварительно нужнаго матеріала на мѣстѣ (не лично, разумѣется, а чрезъ приказы). Можетъ быть, затронутая сторона дѣла со временемъ выяснится положительно¹⁾, теперь же пока можно указать только на то, что въ Ярославлѣ съ медвѣдемъ связаны кое-какія преданія и самый медвѣдь пользуется до нынѣ большимъ расположеніемъ, хотя уже около 40 лѣтъ ярославцы видятъ его лишь изрѣдка въ заѣзжихъ звѣринцахъ. Трудно установить, откуда явилось въ Ярославлѣ преданіе о томъ, что Ярославъ основанъ великимъ княземъ Ярославомъ I Владиміровичемъ Мудрымъ въ память спасенія себя отъ неожиданно напавшей на него медвѣдицы. Преданіе гласитъ, что князь шелъ съ дружиною, нѣсколько отдѣлившись отъ нея, тамъ, гдѣ былъ позже Рубленый городъ Ярославля, и что тутъ на него бросилась медвѣдица изъ оврага, выходившаго на Волгу, но что Ярославу удалось убить звѣря однимъ ударомъ топора²⁾. Преданіе добавляетъ, что мѣстность Рубленаго города была пустынная, глухая, поросшая вѣковымъ лѣсомъ и что въ благодарность Богу за спасеніе себя отъ опасности князь построилъ на мѣстѣ происшествія маленькую церковь изъ лѣса, нарубленнаго тутъ же, а городъ населилъ переселенцами изъ Ростова. Этотъ разсказъ я слышалъ неоднократно маленькимъ мальчикомъ, (т.е. лѣтъ 30 слишкомъ назадъ) отъ людей неграмотныхъ и неимѣвшихъ близкаго общенія съ образованными слоями, почему можно, кажется, думать, что основа сказанія получена народомъ отъ предковъ, а не проникла къ нему сверху и не заимствована изъ книгъ, въ которыхъ сказаніе появляется въ послѣдней ¹/₄ XVIII в.³⁾ Какъ всякое древнее преданіе, такъ и преданіе объ основа-

гербовъ, а въ срединѣ ихъ великаго князя святаго Владиміра, на концѣ же портрета царя Алексѣя Михайловича⁴⁾. Рукопись и русскій переводъ ея хранятся въ Моск. главномъ архивѣ Мин. Ин. дѣлъ. (Энциклоп. словарь Брокгауза и Ефрона, „гербы“).

¹⁾ Въдѣ у насъ такъ обычны и перѣдки „открытія“ даже въ библиотекахъ, не только въ архивахъ, московскіе же министерскіе архивы—извѣстно, что еще неупорядочены.

²⁾ На лѣвой сторонѣ лѣстницы на хоры кіевскаго Софійскаго собора изображена сцена нападенія медвѣдя на всадника въ шлемѣ, схватившаго медвѣдя за горло и вонзившаго ему въ грудь копьё. (Древности Россійск. государства. Кіево-Софійскій соборъ, таб. 55, рис. 3).

³⁾ Исторія г. Ярославля. К. Д. Головщиковъ, ст. 5, 6. Въ томъ видѣ, въ какомъ оно появляется въ литературѣ, оно не болѣе, какъ искаженіе „Сказанія о построеніи града Ярославля“, дошедшаго до насъ, къ сожалѣнію, лишь въ одномъ спискѣ, изданномъ, едва-ли съ надлежащей тщательностью, свящ. А-мъ Н. Лебедевымъ.

нии гор. Ярославля утратило съ теченіемъ времени свои первоначальныя подробности, пріобрѣтя въ замѣнѣ ихъ позднѣйшія, направленныя къ объясненію того, что было для позднѣйшихъ сказателей неяснымъ и темнымъ. Къ такому добавленію относится, на примѣръ, объясненіе названія ядра Ярославля „Рубленнымъ городомъ“. По этому объясненію названіе „рубленный“ произошло, будто-бы, отъ того, что передъ постройкой города Ярославомъ *рубили* росшіи на мѣстѣ города лѣсъ и что изъ этого *рубленаго* лѣса выстроили первую крѣпость — „городъ“¹⁾. Наивный домыселъ простачковъ мѣстныхъ „историковъ“ и любителей старины. Извѣстно, что древніе русскіе „города“ (т.-е. ограды) дѣлались двухъ видовъ: остроги или настоякъ — древнѣйшій типъ, переживающій въ современныхъ „ostroгахъ“ — тюрьмахъ (въ ихъ оградахъ), и рубленые или належаки. Последніе „рубились въ уголь“, какъ стѣны домовъ, первые же не рубились, а вкапывались нижними концами въ землю. Внутренній городъ Ярославля былъ въ средніе вѣка имянно рубленнымъ, а внѣшній или земляной — острожнымъ или тыннымъ. При возникновеніи же Ярославля, онъ, почти несомнѣнно, былъ не рубленнымъ, а острогомъ, такъ какъ и значительно позже, въ XV, XVI и даже XVII в.в. почти всѣ вновь возникавшіе города строились или городились острогами²⁾ и такъ какъ Ярославль, какъ увидимъ, строился спѣшно, на походѣ. Такого же достоинства и объясненіе самаго наименованія города, по которому это наименованіе дано самимъ княземъ Ярославомъ въ честь себя. На дѣлѣ оно является не названіемъ даже, а только необходимымъ и неумышленнымъ прозвищемъ или простымъ, наиболѣе естественнымъ и подходящимъ опредѣленіемъ, употреблявшимся окрестными жителями для обозначенія новаго въ ихъ странѣ города, такъ какъ оно значить въ нынѣшнемъ выговорѣ — Ярославовъ, а въ древнемъ юго-западномъ — Ярославлевъ или, въ краткой формѣ, Ярославль. Если говорили и говорятъ: домъ Петрова, дворъ Березина, поле Котова, то подъ этими „Петровъ“, „Березинъ“, „Котово“ ни кто не разумѣлъ и не понималъ соб-

¹⁾ Исторія губернскаго города Ярославля. Изв. Троицкій, стр. 7.

²⁾ Это слово со временемъ даже специализировалось и пріобрѣло значеніе уже не всякаго города — ограды, а лишь тыннаго, съ каковыма значеніемъ оно и встрѣчается въ бумагахъ въ формѣ „ostroгъ“ и „ostroжець“ — такой то. Для постройки даже очень небольшого рубленаго города нужно очень много времени и мастеровъ — специалистовъ, а ихъ-то обыкновенно и не хватаетъ при постройкѣ новыхъ городовъ. В. И. Лѣствицкій примѣняетъ къ объясненію слова „рубленный“ самарское его значеніе: побитый, постѣченный, изрубленный (вспрѣтъ), но, разумѣется, не удачѣе своихъ предшественниковъ (Яросл. Губ. Вѣдом. 1887 г. № 34, стр. 5); нужно было не гадать, а изучать.

ственныхъ именъ или названій дома, двора, поля, а только опредѣленія т.-е. прилагательныя--притяжательныя, ибо сегодняшній Петровъ домъ завтра можетъ сдѣлаться Ивановъ. Построенный Ярославомъ, а стало быть и принадлежавшій ему (по трудовому праву и по праву почина) городъ окрестные жители не могли иначе и называть, какъ только Ярославовъ или Ярославль, разъ не было дано ему особаго названія ¹⁾; самъ же Ярославъ едва-ли и называлъ его такъ, а выражался о немъ, вѣроятно всего, попросту мой городъ или мой волжскій или ростовскій городъ и т. д. ²⁾.

Отбрасывая подобныя позднѣйшія прикрасы и уместованія, за болѣе древнюю часть преданія можно будетъ признать слѣдующее.

1) Городъ Ярославль (какъ Ярославль, а не вообще) основанъ дѣйствительно Ярославомъ и, при томъ, вѣроятно всего, великимъ княземъ, ибо собственныя имена такого, какъ Ярославъ, образованія (Святославъ, Вышеславъ и др.) носили, что замѣчено уже давно, почти исключительно одни князья ³⁾. За князя Ярослава говоритъ, кромѣ названія города, еще время перваго упоминанія Ярославля въ письменности и княженія Ярослава въ Ростовѣ, а затѣмъ и во всей сѣверной Руси.

2) При возникновеніи Ярославля имѣло мѣсто убійство Ярославомъ звѣря, вѣроятно всего, медвѣдя и, при томъ, едва-ли не топоромъ, за который говоритъ какъ то, что топоры составляли если не необходимую принадлежность каждаго, то самое обычное и распространенное ручное ору-

¹⁾ Какъ городъ Кіа звали Кіевъ, городъ Роста—Ростовъ и пр.

²⁾ Древніе безимянныя города дожили до настоящихъ дней и продолжаютъ существовать безъ особаго имени и по сей-часъ; такъ: Городецъ, Городня (селенія Городокъ), Новгородъ=(новъ-городъ); Юрьевъ (=городъ), давнымъ давно переставшій быть Юрьевымъ или Юріа и т. д. С. Геденовъ (Отрывки изъ изслѣдованій о варяжск. вопросѣ, ст. 188, изд. акад. наукъ) глядѣлъ на этотъ предметъ съ точки зрѣнія своего времени: „едва ли не было у словянскихъ князей постоянного обычая прилагать свое имя основаннымъ или любимымъ ими городамъ“. Конечно, отвергать возможность этого вполне нельзя, отдѣльные такіе случаи могли быть (Ярославъ... ходилъ на землю Лифлянтскую ратью и, плѣнивъ ихъ, и въ свое имя градъ Юрьевъ поставилъ,...—въ 1030 г. (Посольск. книги вел. кн. Литовскаго т. II, № 72. Оболенскій и Даниловичъ. Зап. Одес. общ. ист. и др., т. XXV, ст. 396); Святополкъ Изяславичъ (внукъ Ярослава): повелѣтъ рубить городъ на Вытечѣв холму, въ свое имя нарекъ Святополкъ городъ (Лѣт. пр. Нестора по Лавр. сп., ст. 128), но не какъ „постоянный обычай“. Названія въ прилагательной формѣ (Ярославль, Ольжичи и пр.) нельзя признать за данныя основателями или владѣтелями называющихся такъ городовъ. Кромѣ того самъ Геденовъ указываетъ на одинаковость названій лица и рѣкъ: Радагость, Дунай, Днѣпръ и пр., которыя ни какъ уже нельзя почесть за отъимянныя (патронимныя).

³⁾ Геденовъ считаетъ ихъ за прозвища (тамъ же, ст. 192).

жіе воиновъ того времени¹⁾, (о чемъ свидѣлствуютъ курганныя раскопки), такъ и то, что на медвѣдя, даже приохотѣ на него, обыкновенно ходили не только въ древности, но еще и въ недавнее время²⁾, съ топоромъ и ножомъ—засапожникомъ и что другимъ ручнымъ оружіемъ, мечемъ—на примѣръ, трудно бороться съ медвѣдемъ.

3) Возможно и вѣроятно, что въ новомъ своемъ городѣ князь Ярославъ—ревностный распространитель христіанства—построилъ церковь, посвятивъ ее Ильѣ пророку, которую уже по простой необходимости долженъ былъ содержать на свой счетъ, ибо она стояла въ его собственномъ городѣ и, кромѣ того, не могла имѣть прихода вслѣдствіе того, что была въ новомъ, т.-е. очень скудно населенномъ городѣ и по тому, что христіанство въ краѣ было весьма мало распространено и подвергалось гоненію³⁾.

4) Созданный городокъ князь Ярославъ сдалъ на руки своимъ людямъ, переселеннымъ изъ Ростова,—ближайшаго русскаго, подвластнаго Ярославу и болѣе значительнаго города (селенія); въ числѣ переведенныхъ были переселены и нѣкоторые церковно-служители для церкви. Вотъ то, что на мой взглядъ можетъ быть принято въ приведенномъ сказаніи объ основаніи Ярославля за болѣе или менѣе достоверное; все остальное позднѣйшіе досужіе вымыслы, не рѣдко вносившіеся историками Ярославля⁴⁾ въ свои сочиненія безъ достаточной оцѣнки и доходившіе иногда до смѣшнаго⁵⁾. Несравненно большаго вниманія заслуживаетъ „Ска-

¹⁾ Крестьянинъ до нынѣ, идя въ лѣсъ, на охоту, въ дорогу и т. д., непременно беретъ топоръ, затыкая его за поясъ.

²⁾ Въ Олонекской, Пермской, Архангельской губерніяхъ до XIX вѣка.

³⁾ Въ XI в... встала два волхва отъ Ярославля... и поидоста по Волзѣ.. Авраамію даже въ Ростовѣ и даже въ XII в. приходилось вести еще очень упорную борьбу съ язычествомъ. По мнѣнію же Е. Е. Голубинскаго (Исторія рус. церкви, т. 1, втор. половина, стр. 641, —О мнѣніи основателя Богоявленскаго монастыря преп. Авраамія) Авраамій жилъ даже не въ XII, а въ концѣ XIII и въ XIV в., когда существовалъ уже Валаамскій монастырь, въ которомъ онъ былъ постриженъ. Голубинскій склоненъ даже отождествить его съ ростовскимъ игуменомъ Аврааміемъ Низкимъ, бывшимъ съ митрополитомъ Пименомъ въ Царьградѣ въ 1385 г., что очень возможно. (См. еще О редакціяхъ житія св. Авраамія ростовскаго. М. И. Соколовъ, Древности и Яр. Епар. Вѣд. Апр. 1890 г.).

⁴⁾ С. Серебряниковъ, Ив. Троицкій, К. Головшиковъ и другіе, менѣе извѣстные.

⁵⁾ Павелъ Львовъ—членъ русской академіи въ сочиненіи — „Великій князь Ярославъ I на берегахъ Волги. Повѣствованіе о построеніи города Ярославля, взятое изъ исторіи“. Моск. 1820 г.—увѣряетъ читателей, что Ярославъ говорилъ, будто бы: да будетъ знаменіемъ града пораженный мною звѣрь съ золотою моею сѣкирою въ серебряномъ моемъ щитѣ, (т.-е. давалъ городу гербъ, данный только

заніе о построєніи града Ярославля⁴, сохранявшееся „въ одной старинной рукописи“ неизвѣстнаго автора и приводимое ростовскимъ архіепископомъ Самуиломъ Миславскимъ (1776—1788 г.) въ его запискѣ „Церкви г. Ярославля въ 1781 г.“¹). Признать все сказаніе цѣликомъ за вымыселъ, за сочинительство ученаго невѣжды, какъ нужно это сдѣлать съ „Повѣствованіемъ“ члена академіи П. Львова, нель-

Екатериною II), что и приношу въ даръ первому храму, который будетъ воздвигнутъ въ память дня сего... Львовъ былъ въ Ярославлѣ, плѣнился имъ и вздумалъ написать статейку о его основаніи. Онъ выбралъ для нея форму повѣствованія—витіеватаго и напыщеннаго, уснащенного выдуманными подробностями. Статейка этого „академика“, разумѣется, не имѣетъ ни какого значенія, примѣчанія къ ней тоже не даютъ ни чего новаго, ибо Львовъ черпалъ изъ печатныхъ трудовъ своихъ предшественниковъ (Ядро рос. исторіи, Исторія Росси Татищева, Словарь географ. Щекатова и т. д.). Любопытно было бы его указаніе о пустынныхъ (бывшемъ богатырѣ Рогдѣ), проживавшемъ на мѣстѣ Ярославля, если-бъ можно было думать, что оно взято изъ источника, а не выдумано Львовымъ, питавшимъ слабость къ пустыннымъ;—свѣдѣнія объ Аврааміи ростовскомъ сохранились случайно и не сомнѣнно, что о многихъ проповѣдникахъ христіанства и о подвижникахъ не знали даже и ихъ современники. Аф. Щекатовъ (см. выше) увѣряетъ, что „сей гербъ (Львовское „знаменіе“) издревле данъ вел. кн. Ярославомъ... по причинѣ, что онъ, нашедъ на медвѣдя,... убилъ оного“. Въ Яр. архив. комиссіи хранится рукописный „Атласъ Ярославской губерніи 1817 г.“, поднесенный вел. кн. Михаилу Павловичу; въ немъ въ статьѣ „О городѣ Ярославлѣ и о его уѣздѣ“ говорится объ основаніи Ярославля почти то же, что въ словарѣ Щекатова и въ „Топографическомъ описаніи Ярославскаго намѣстничества“—(Яр. 1794 г.). Ив. Троицкій (Ист. губ. г. Ярославля, ст. 7) увѣряетъ, что ручей, отдѣлявшій Рубленый городъ отъ Земляного, получилъ названіе „Медвѣдица“ въ память убійства Ярославомъ на его берегѣ медвѣдицы. Ну а тверская р. Медвѣдица получила свое названіе тоже въ память того же или подобнаго событія? Кромѣ того ручья (Медвѣдицы) въ Ярославлѣ не было и быть не могло: ему не изъ чего и не откуда было течь, не чѣмъ было питаться, а были лишь два оврага—стока весеннихъ водъ, выходившіе одинъ къ Волгѣ, другой къ Которости; перемычку между вершинами позже прорыли, образовавъ ровъ. Всѣ спуски къ Волгѣ въ Ярославлѣ такіе же „Медвѣдицы“ и по берегамъ Волги, какъ и другихъ рѣкъ съ высокими берегами, ихъ множество.

¹) Храмы Власьевскаго прихода въ Ярославлѣ. Ал-й Н. Лебедевъ. Яр. 1877 г., ст. 6. То же сказаніе приводится еще (съ сокращеніями) К. Д. Головицкимъ (Исторія г. Ярославля, ст. 7), И. Ф. Барщевскимъ (Труды Яр. Арх. Ком., кн. III, вып. 4, ст. 7) и Н. В. Верховымъ (Ярославль. Историч. монографія о времени основанія города, ст. 16). Самуилъ свою записку писалъ по требованію ярославскаго намѣстника Ал-я Пет. Мельгунова, просившаго доставить ему свѣдѣнія о церквахъ, монастыряхъ и пр., „со всѣми ихъ перемѣнами и приключеніями“, „съ подробнымъ обо всемъ томъ описаніемъ“ (Церкви г. Ярославля въ 1781 г. В. Лѣствиницъ, ст. 1). Плодомъ стараній Самуила, стремившагося угодить намѣстнику, было и отысканіе „Сказанія“, быти можетъ, въ бумагахъ ярославскаго Спасскаго монастыря, въ которомъ хранилось и Слово о полку Игоревѣ. Миславскій былъ человѣкъ образованный и имѣлъ собственную бібліотеку. (См. о немъ въ Яр. епарх. Вѣд. 1904 г. № 37 и др.).

зя ни какимъ образомъ. Въ основѣ сказанія лежитъ древняя записъ, но, видимо, подновлявшаяся. Между прочимъ Сказаніе сообщаетъ: „и градъ великій Ростовъ со облостію предаде (Владиміръ)... Ярославъ. Во облости же сей не на мнозѣ пути отъ города Ростова, я-ко на шестьдесятъ поприщѣ, при брезѣ рѣки Волги и Которосли лежаше нѣкое мѣсто, на немъ же послѣди создася славный гратъ Ярославъ. И сіе мѣсто бысть зѣло пусто, за-не высокая дровеса растуша, да травяны пажити точію обрѣтахуся; человекъ же (въ) обители единой бысть. И се бысть селище, рѣкомое Медвѣжіи уголъ, въ немъ же насельницы—человѣцы поганыя вѣры, языцы—зли суще... Онѣи человекы живяше точію по своей воли, я-ко мнози, и грабленія, и кровопролитія вѣрнымъ творяше“... Далѣе сообщается, что туземцы промышляли охотою, рыболовствомъ и скотоводствомъ¹⁾, что поклонялись Волосу (о чемъ говоритъ и житіе Авраамія ростовскаго про ростовцевъ), принося въ жертвы ему добычу охоты—звѣрей, а также скотъ и, въ чрезвычайныхъ случаяхъ, „и отъ человекъ“²⁾, что для идола Волоса имѣлось нѣчто вродѣ храма или капища („и кереметь створена бысть“, послѣ сожженная), и волхвъ, галавшій по жертвенному дыму. Затѣмъ: „Въ нѣкоемъ лѣтѣ прилучися... Ярославъ плыти на лодіяхъ“³⁾ съ сильною и великою ратью по рѣцѣ Волгѣ, ... узрѣ, я-ко нѣкіи люди жестоцы наноси гибель судамъ съ товары, ... погнался за ними и... побѣди враговъ на мѣстѣ, идѣ же нѣкое сточіе (стокъ, спускъ, оврагъ, позже „Медвѣдица“, какъ видно изъ нижеслѣдующаго) водно исходи въ Которосль; за нимъ же и селище то стояше. И благовѣрный князь поучи людей онѣхъ, како

¹⁾ Эстонское *weis*=скотъ, не отсюда ли названіе финскаго народа—весь, жившаго и въ Ярославской губерніи? Черемисское *vêse*=иной, другой, слѣдующій, посторонній (Изв. общ. Ар., Ист. и Эт. 1893 г. Черемис. словарь), словян.-рус. весь, чеш. *ves*, поль. *wies*, краин. *vas*=селеніе. (Отрывки изъ изслѣд. о варяжск. вопросѣ. С. Гедсоновъ, ст. 109).

²⁾ Отяки, жившіе и въ Ярославской губерніи, приносили чело-вѣческія жертвы еще въ XIX в. (Мультановское дѣло; см. еще мою работу „Кто насыпалъ ярославскіе курганы“ въ Трудахъ II област. Тверск. археол. съѣзда, ст. 87)...

³⁾ Вѣроятно въ 1023—24 г., когда былъ въ Суздальской облости голодъ и мятежъ, поднятый волхвами, усмирять который и ходилъ Ярославъ изъ Новгорода, очевидно, Волгою: Въ лѣто 6532... Ярославу сущу Новѣ-городѣ тогда; въ се-же лѣто вѣсташа вѣльсви въ Суздалѣ, избиваху старую чадь... слышавъ же Ярославъ—волхвы, приде Суздалю, изымавъ волхвы, расточи, а другыя показни... И вѣзвративъ ся Ярославъ, приде Нову-городу. (Лѣтопис. преп. Нестора по Лаврентіевскому списку, ст. 83). За указанный походъ Ярослава говорить какъ сильная и великая рать, бывшая съ нимъ (по Сказанію), такъ и плытіе его по Волгѣ.

жители и обиды не творить¹⁾... моли их креститься. И люди сии клятвою у Волоса обща князю жити въ согласіи и оброцы ему даяти, но точію не хотяху креститься. И тако... князь отыде въ престольный градъ свой Ростовъ", (направляясь въ Суздаль)²⁾. Судя по нѣкоторымъ мѣстамъ Сказанія, не подлежитъ сомнѣнію, что Ярославъ плылъ по Волгѣ свѣрха, вѣрнѣе всего, изъ Новгорода. Ибо, ударивъ на грабителей торговыхъ судовъ противъ ихъ селенія, бывшаго *выше оврага Медвѣдицы*, онъ погнался за ними *внизъ* по рѣкѣ, такъ какъ загналъ въ Которость, падающую въ Волгу ниже Медвѣдицы, и по Которости гналъ до „воднаго сточія“, т. е. противоположнаго Медвѣдицѣ оврага, нынѣшняго Зеленскаго или Подзеленскаго (старога Зеленаго) спуска, гдѣ и разбилъ. А разбивъ и обложивъ данью, продолжалъ путь далѣе,—Которостью же въ Ростовъ (отыде въ престольный градъ свой). Слѣдовательно явился Ярославъ къ устью Которости не изъ Ростова, какъ говорятъ нѣкоторые изводы преданія объ основаніи Ярославля и ихъ толкователи, смѣшивая первое его посѣщеніе со вторымъ,—на возвратномъ пути, а съ верховьевъ Волги, скорѣй всего, какъ замѣчено, изъ Новгорода. „Не по мноземъ же времени (т. е. усмиривъ суздальскій мятежъ), князь Ярославъ умысли паки прибыти въ Медвѣжій уголъ“³⁾. И прибы сѣмо

¹⁾ Эти слова напоминаютъ слова лѣтописи въ описаніи усмиренія суздальскаго мятежа въ 1023—24 г.

²⁾ Послѣ смерти кн. Бориса Ростовъ, конечно, перешелъ опять къ Ярославу—владѣтелю всего сѣвера Руси.

³⁾ Возвращаясь изъ Суздаля въ Новгородъ, „умысли“ говорить не о томъ, что Ярославъ вновь явился къ устью Которости нарочно для посѣщенія Медвѣжьяго угла, а лишь о томъ, что, возвращаясь въ Новгородъ, онъ надумалъ *по пути* заглянуть опять и въ Медвѣжій уголъ, а не проѣхать мимо. Верховой утверждаетъ обратное, но безъ основанія (въ указанной книжкѣ, стр. 31...). Духъ сказанія свидѣтельствуеетъ, какъ бы, о томъ, что до описываемаго времени русскіе князья не знали или мало знали Медвѣжій уголъ: Ярославъ плыветъ по Волгѣ и видитъ ни какихъ либо извѣстныхъ уже ему, а „нѣкихъ“ людей, грабящихъ суда; люди эти русскаго князя и ростовскаго правителя вовсе не знаютъ и не признаютъ, онъ только тутъ, на походѣ въ Суздаль покоряетъ ихъ и облагаетъ оброкомъ, но и при этомъ они отказываются отъ крещенія и т. д. Могло-ли это быть на устьѣ Которости—большой дороги изъ Ростова къ Волгѣ, Бѣлоозеру, Новгороду и т. д.? Мнѣ кажется, могло быть послѣ того, какъ даже въ самомъ Ростовѣ,—средоточіи всего края язычество держалось очень упрочно по меньшей мѣрѣ до XII в., а епископовъ мучили и выгоняли изъ города, не смотря на то, что въ немъ сидѣлъ „княжь мужъ“, и послѣ того, какъ монастыри, нынѣ находящіеся у самаго города, при возникновеніи своемъ основывались въ „мѣстѣ пустѣ“, въ глухомъ лѣсу. Если пустынный, бѣжавшій отъ людей, могъ скрываться въ 1¹/₂—2 верстахъ отъ города, оставаясь годами ни кому неизвѣстнымъ, то тѣмъ болѣе могло оставаться неизвѣстнымъ или мало извѣстнымъ убогое поселѣ финскихъ инородцевъ и даже словянъ на

со епископомъ (св. Леонтіемъ), со пресвитеры, діаконы и церковники, мастера и съ воины¹⁾. Но егда входи въ сіе селище, люди сего (? его) *испусти отъ клятви нѣкоего люта звѣря* и псовъ,—да растешуть князя и сущихъ съ нимъ "... но „сей сѣкирою своею побѣди звѣря, а пси, я-ко агнцы, не прикоснуса ни комуждо отъ нихъ. И видѣ безбожній... вся сія, ужасеса и падоша нищѣ князю, и быша, аки мертвы“. Тогда Ярославъ воскликнулъ: „Кто убо вы? Не суть ли тѣи люди, кои клятвою увѣряше предъ вашимъ Волосомъ вѣрно послужити мнѣ, князю вашему?... Вѣсте, яко азъ не на потѣху звѣрину или на пиръ многоцѣнна питія испивати пришедъ, но побѣду сотворити“. Послѣ этого князь „опасно согляда“ всю мѣстность, а на утро, вынеся образъ Богоматери изъ своего „шатра“, съ духовенствомъ, мастерами и съ воинами пришелъ на „островъ, его же учреди рѣки Волга и Которосль, и проточіе водное“, отслужили предъ образомъ молебенъ съ водосвятиемъ, окрапили землю, князь поставилъ деревянный крестъ „и ту положи основу святому храму пророка божія Іліи. А храмъ сей посвяти во имя сего святаго угодника, я-ко *хищнаго* и

пустынныхъ и сплошь лѣсистыхъ берегахъ Волги, на которыхъ, много, много спустя, скрывались многочисленныя и многолюдныя, буйныя шайки разбойниковъ, тщетно разыскивавшіеся ратными людьми. Кромѣ того Ярославъ едва ли и княжилъ въ Ростовѣ; Ростовъ данъ ему въ удѣлъ въ 988 г., а въ 1016 г. исполнилось 28 лѣтъ его княженія въ Новгородѣ, 1016—28=988 г. Слѣдовательно братъ его Вышеславъ новгородскій умеръ въ томъ же 988 г. и Ярослава перемѣстили на его мѣсто въ Новгородъ.

¹⁾ Верховой (тамъ же, стр. 30) совершенно напрасно прибѣгаетъ къ догадкамъ и ненужнымъ толкованіямъ о томъ, что думалъ и дѣлалъ Ярославъ, узнавъ о суздальскомъ мятежѣ, о чемъ мечталъ (стр. 31), что въ его расчеты не входило собрать для подавленія мятежа рать въ Кіевѣ, что онъ былъ въ Кіевѣ и т. д., ибо лѣтопись опредѣленно говоритъ: Въ лѣто 6532... Ярославъ сущу Новѣ-городѣ тогда. Въ се-же лѣто вѣсташа вѣльсви..., т. е., что Ярославъ 1024 г. проводилъ въ Новгородѣ и въ этотъ же годъ востали волхвы. Не безопасно утверждать также, что вѣсть о нападеніи Мстислава на Кіевъ и о занятіи имъ Чернигова пришла къ Ярославу во время усмиренія имъ упомянутого мятежа.—Лѣтопись (преп. Нестора по Лаврент. списку, ст. 83) сперва упоминаетъ о Мстиславѣ, а потомъ уже объ усмиреніи мятежа: Въ лѣто 6531 поиде Мстиславъ на Ярослава съ козари и съ касоги. Въ лѣто 6532 (было или случилось слѣдующее): 1) Ярославу сущю Новѣ-городѣ; приде Мстиславъ изъ Тмуторокани Кіеву... Ярославу сущю Новѣ-городѣ тогда. 2) Въ се же лѣто вѣсташа вѣльсви... Слышавъ же Ярославъ волхвы, приде Суздалью... Передъ этими же событіями онъ (въ 6530 г.) былъ въ Берестѣ и въ Новгородѣ ушелъ, видимо, отъ наступающаго Мстислава для сбора войска, какъ сдѣлалъ онъ то же и противъ Святополка. Кромѣ того въ той же лѣтописи объ извѣщеніяхъ говорится прямо: Ярославу же, сущю Новѣ-городѣ (1036 г.), вѣсть приде ему, яко печенѣзи остоятъ Кіевъ. Верховой сдѣлалъ свои неосновательныя передержки, какъ видится, для подкрѣпленія высказаннаго имъ мнѣнія о постройкѣ Ярославомъ Ярославля не на возвратномъ пути изъ Суздаля, а въ особый, выду-

лютаго звѣря побѣди въ день его". Послѣ того князь „повелѣ народу, (а не воинамъ) рубити древесѣ и чистити мѣсто, идѣ же умысли и градъ создати. Градъ сей... Ярославъ назва во свое имя Ярославлемъ, насели его христианами, а въ церкви постави пресвитеры, диаконы и клирики. Но егда же и построиша градъ Ярославль, насельники Медвѣжьяго угла не приобщашеся граду, живяше особѣ и кланяшеся Волосу". Къ сближенію повела засуха, случившаяся въ области, такъ что „и травы, и всякъ злакъ сельный" сторѣли и скотина валилась отъ голода. По словамъ Сказанія бѣда прекратилась по молитвѣ пресвитера, что и вызвало крещеніе жителей. Однако, по тому же Сказанію, и поруганный, расколотый на части Волосъ не хотѣлъ уступить христианскому Богу безъ борьбы и „чини имъ (отступникамъ) мнози страхованія на мѣстѣ, идѣ же нѣкогда стояше Волосъ", а скотину истощалъ и заставлялъ болѣть. Для прекращенія наводненія на мѣстѣ Волосовской керемети построили

манный Верховымъ походъ, яко бы, для сбора рати противъ Мстислава въ Суздальской землѣ и для осуществленія ксати ужъ и задуманнаго ранѣе намѣренія поставить городъ на устьѣ Которости (ст. 24, 30, 32). Что смущало Верхового и заставляло гадать и выдумывать, не знаю, но кажется, — что извѣстіе въ брошюрѣ „Топографическое описаніе Ярославскаго намѣстничества" (Яросл. 1794 г.) о томъ, что „егда раздѣлихъ оныя (княжества) и помирихся съ братомъ... въ лѣто 6532, тогда шедъ (Ярославъ) изъ Нова-города первѣе сушею, а потомъ въ судахъ и Волгою рѣкою осмотрѣть Ростовскаго княженія и ста на берегу Волги рѣки, идѣ же нынѣ городъ Ярославль, изволи тутъ быти граду въ свое имя Ярославъ... И потомъ шедъ... въ Ростовъ и присла всякихъ мастеровъ, перевелъ многихъ переведенцевъ жити въ немъ; и тако бысть начало граду Ярославлю". Въ началѣ авторъ „Описанія" говоритъ, что такъ повѣствуется въ древнемъ лѣтописцѣ, но не указываетъ въ какомъ. Верховой придаетъ этому извѣстію значеніе большее, чѣмъ Несторовой лѣтописи, хотя, очевидно, что оно, какъ пересказъ, имѣетъ очень невысокую цѣну. Лично для меня представляется пока несомнѣннымъ, что Ярославъ, близко познакомившись съ обитателями будущаго Ярославля на пути въ Суздаль, насмотрѣвшись на сродныхъ имъ суздальцевъ, на ихъ нравы, обычаи и порядки и узнавъ силу и вліяніе въ ихъ средѣ жрецовъ и волхвовъ, тутъ же рѣшилъ обезпечить свою власть надъ ново-покоренными жителями Которости и предупредить возможность повторенія ими суздальскихъ безпорядковъ путемъ помѣщенія въ ихъ средѣ вѣрныхъ людей для надзора и управленія, а равно и искорененія язычества. Что въ его войскѣ не было плотниковъ, — понятно и естественно, а потому понятно же, что онъ взялъ ихъ, какъ и священника, изъ Ростова, — единственнаго (насколько пока извѣстно) ближайшаго русскаго селенія, подвластнаго русскому князю. Что Ярославъ имѣлъ основаніе не довѣрять новопокореннымъ, показываетъ случай съ двумя волхвами-ярославцами, путешествовавшими по Волгѣ и по Шекснѣ, о чемъ въ лѣтописи сообщается между прочимъ подъ 1071 г. Ан. Вас. Экземплярскій раздѣляетъ мнѣніе объ основаніи Ярославля Ил. Рогозинникова (988—1010 г.). (Памятн. книжка Яросл. губ. на 1862 г., отд. II, ст. 5), но не основательно: Ярославъ былъ тогда въ Новгородѣ.

церковь во имя Власія—епископа севастіяскаго, „я-ко вельми силенъ... сохранить скотіе людей христіанскихъ“.

Приведенное Сказаніе о возникновеніи Ярославля нужно признать пока за древнѣйшее (не по формѣ, а основѣ содержанія) и за наиболѣе близкое къ истинѣ изъ всѣхъ вращающихся въ письменности и въ молвѣ. Согласно и сопоставляя его съ лѣтописными извѣстіями, будетъ правильнѣе всего признать, что описываемый Сказаніемъ походъ Ярослава по Волгѣ былъ (какъ замѣчено уже) походомъ его въ Суздаль для прекращенія голоднаго мятежа¹⁾ и обратный въ Новгородъ въ 1023—24 г. Установить время этого (т.-е. упоминаемаго въ Сказаніи) похода важно не только для выясненія года основанія г. Ярославля, но еще болѣе для установленія мало-мальски правильнаго взгляда на бытовыя черты и условія существованія насельниковъ Ярославской губерніи того времени. Правда, слогъ сказанія обличаетъ въ его писателѣ (не авторѣ) человѣка, причастнаго книгѣ, и поправки „старинной рукописи“ ея позднѣйшими переписчиками²⁾, что не позволяетъ самое сказаніе въ настоящемъ его видѣ отодвинуть дальше XVII в., а вставки даже къ XVIII, но тѣмъ не менѣе сообщаемое сказаніемъ, видимо, не носитъ слѣдовъ заимствованія, подражанія или ухищреній и вымысловъ грамотея прошлыхъ дней. Напротивъ оно значительно отличается отъ всѣхъ другихъ ходячихъ разсказовъ о томъ же предметѣ, носящихъ несомнѣнные слѣды „обработки“ и умствованій XVIII в., и въ этомъ его достоинство и сила. При чтеніи сказанія получается такое впечатлѣніе, что сообщаемое большинствомъ взято изъ дѣйствительности, правдиво и самобытно, что излагаются не умозаключенія и наведенія и, тѣмъ менѣе, выдумки, а чаще всего положительныя свѣдѣнія и наблюденія, но нѣсколько затемненныя приѣмомъ изложенія. Вслѣдствіе сказаннаго не довѣрять „Сказанію“, во всемъ и вполнѣ отвергать его, какъ источникъ, мы не представляемъ возможнымъ. Если писанія Каменевича-Рвовскаго не пренебрегаются и частямъ ихъ дается вѣра, то тѣмъ допустимѣе и необходимѣе такое отношеніе къ „Сказанію“, ужь очень похожему на правду.

¹⁾ Почему Сказаніе не упоминаетъ объ этомъ и всегда ли не упоминало, сказать трудно, но причинъ для этого могло быть нѣсколько.

²⁾ Особенно послѣдній переписчикъ, какъ по всему видится, поусердствовалъ надъ старинной рукописью и постарался сдѣлать ее „вразумительной“, хотя самъ очень плохо разбиралъ. Въ Ростовѣ тоже сохранялось преданіе о томъ, что Ярославъ I разрушилъ идольское капище, бывшее на мѣстѣ Бѣлогостицкаго монастыря, т.-е. къ С. отъ Ростова, въ 7 веръ у истока р. Вѣксы изъ Ростовскаго озера. (Ростовъ великій. Путеводитель по городу. А. А. Титовъ, стр. 52).

Что же оно повѣствуетъ?

Для настоящей статьи въ немъ есть одна очень любопытная подробность; это извѣстіе о томъ, что при вторичномъ посѣщеніи Ярославомъ селенія Медвѣжій уголь ¹⁾ жители послѣдняго „испустиша отъ клѣти нѣкоего люта звѣря и псовъ, да растешуть князя и сушихъ съ нимъ“. Однако князь „сѣкирою своею побѣди звѣря“. Сказаніе не называетъ звѣря, выражаясь неопредѣленно „нѣкоего“, но за то оно сообщаетъ названіе селенія, — данное ему, очевидно, по его главной особенности, по содержимому въ немъ звѣрю, — Медвѣжій уголь. Кромѣ того преданія, идущія изъ того же источника, но иныхъ изводовъ, говорятъ прямо, что этимъ звѣремъ была медвѣдица. Да наконецъ, кромѣ медвѣдя въ нашихъ широтахъ подобнымъ звѣремъ иному и быть не кому. Такимъ образомъ получается положительное данное, что въ *Медвѣжьемъ углѣ содержался жителями въ клѣти* ²⁾ *медвѣдь*. Если прибавить къ этому, что по нѣкоторымъ изводамъ преданія медвѣдь бросился на Ярослава изъ оврага, а также то, что оврагъ, отдѣлявшій рубленый городъ Ярославля отъ материка, а позже отъ земляного города, удержалъ до сихъ поръ названіе Медвѣдица, то получимъ другое данное о томъ, что *клѣть съ медвѣдемъ помѣщалась въ оврагъ Медвѣдица*. Случай въ древней русской исторіи едва ли не исключительный ³⁾, но въ общей

¹⁾ Это названіе, можетъ быть, составляетъ лишь переводъ на русский языкъ финскаго наименованія мѣстности современнаго Ярославля: 1117 г. Мстиславъ (Владиміровичъ Мономаховъ) взя городъ ихъ (чуди) именемъ *Меданжа голова* и погость безъ числа взяша. (Ипат. лѣт. 6625 г., Карамзинъ. Ист., т. II, стр. 173, пр. 193, изд. 1880 г.). Здѣсь названіе города переведено съ туземнаго Оденпе на русский языкъ (Ливонія, не далеко отъ Юрьева-Дерпта), но можетъ быть оно и кореннымъ русскимъ, ибо въ Ярославской же губерніи, въ Даниловскомъ уѣздѣ, близъ юго-западной границы его существуетъ до нынѣ погость Куклинъ уголь. (Списокъ населен. мѣстъ Яросл. губ. Алфавит. указатель селеній Яр. губ.). Это названіе, могущее показаться на первый взглядъ страннымъ и слишкомъ свѣжимъ, на дѣлѣ извѣстно (пока) съ XVII в. Такъ въ челобитнѣ 1647 г. игумена владимірскаго Покровскаго монастыря упоминается въ Суздальскомъ уѣздѣ урочище, а въ росписи монастырскихъ отчинъ село, носившее то же самое названіе, что и доисторическій Ярославль, т.-е. Медвѣжій уголь. (Описаніе актовъ собранія гр. А. С. Уварова. Акты историческіе, стр. 193, 272). Что это были за селенія, ясно видно изъ того, что медвѣжьимъ угломъ до нынѣ обозначаютъ самыя глухія и дикія мѣста и селенія. Эта-то живучесть названія и является причиной того, что въ приложеніи къ селенію оно кажется слишкомъ свѣжимъ.

²⁾ Можетъ быть въ прямомъ смыслѣ этого слова, т.-е. въ клѣткѣ.

³⁾ Извѣстно, что князья содержали звѣрей и дикихъ животныхъ въ особыхъ звѣринцахъ, но эти охотничьи и потѣшные звѣринцы были отличными отъ указаннаго учрежденіями и устраивались съ иными цѣлями. Однако не невозможно, что исходная точка потѣшныхъ звѣринцевъ скрывается именно въ „клѣткахъ“ священнымъ животнымъ.

исторіи не единственный, ибо то же самое находимъ въ далекой Швейцаріи, гдѣ въ г. Бернѣ точно также содержится городомъ нѣсколько медвѣдей въ особомъ помѣщеніи, открытомъ для публики и находящемся въ оврагѣ (или ямѣ), называемомъ Медвѣжій ровъ (или гребля — Bärengraben), расположенномъ въ восточной части города. Содержать ихъ, будто бы, только по тому, что въ гербѣ Берна и его области (кантона) изображается медвѣдь, но такому объясненію противорѣчить то обстоятельство, что съ древнѣйшихъ временъ и до нынѣ одного изъ городскихъ медвѣдей ежегодно носятъ въ клѣткѣ на носилкахъ по всему городу въ торжественномъ шествіи ¹⁾, какъ дѣлается у насъ то же самое съ чтимыми иконами. Очевидно, что медвѣдь считался когда-то въ Бернѣ покровителемъ города и, какъ таковой, содержался въ немъ и изображался на его гербѣ, былъ знакомъ города. Иначе онъ не могъ попасть и въ гербъ или городскую марку. Но за тѣмъ, съ развитіемъ образованности и съ распространеніемъ христіанства смыслъ обычая и обряда забылся, сами же они остались и живутъ. Что выживаетъ въ Швейцаріи до настоящихъ дней, то легко могло быть у насъ 880 лѣтъ назадъ ²⁾. За дѣйствительность этого говорить не одинъ гербъ Ярославля (хотя и онъ явился, разумѣется, не безъ основанія), но и другіе пережитки глубокой старины, свидѣтельствующіе если не о поклоненіи нѣкогда въ ярославскихъ земляхъ медвѣдю, то все же о нѣкоторомъ почитаніи его нашими предками. Такъ въ Ярославской и Костромской губерніяхъ существуетъ до сихъ поръ повѣрье, по которому съ Ильина дня (20 іюля) вода дѣлается холоднѣе и темнѣе оттого, что на Ильинъ день медвѣдь помочится („посытъ“) въ воду (въ рѣку, озеро и пр.) ³⁾ и что съ этихъ поръ купаться уже нельзя: захворашь медленной, томительной, изводящей болѣзнью, — умирать не умираешь и жить не живешь, — только маешься, пока не высохнешь вовсе. Въ старину въ средней Россіи, когда замѣчали по нѣкоторымъ признакамъ, что въ избѣ „завелся лихой домовый“, для усмиренія или изгнанія его водили въ избѣ и по двору медвѣдя или только обводили

¹⁾ Энциклоп. словарь Брокгауза и Ефрона, т. III А, ст. 582.

²⁾ Напомню, что нѣкоторые ставятъ въ родственную связь лигуровъ Швейцаріи (савояровъ и швейцарцевъ) съ лопарями и другими финскими инородцами Россіи, (вѣрнѣе, съ самоѣдами), у которыхъ почитаніе медвѣдя сильно развито и держится до сихъ поръ. (Происхожденіе арийцевъ и доистор. человекъ. Ис. Тейлоръ, ст. 114, 213; мос.—Кто насыпалъ Яросл. курганы, — въ Трудахъ II обл. археол. съѣзда въ Твери, отд. I, стр. 151 и ниже здѣсь).

³⁾ Можетъ быть съ этимъ повѣрьемъ связана поговорка: какъ медвѣдь въ лужу пер...тъ, хотя нынѣ она употребляется для обозначенія неловкости, безтактности, безсмыслия. Ярославъ убилъ медвѣдя въ Ильинъ день.

его кругомъ двора. Хорошимъ средствомъ считалось и оку- риваніе съ заклятіями всѣхъ угловъ жилья и двора со- жигаемой медвѣжьей шерстью¹⁾. Тѣ же средства употре- блялись еще для того, что бы водилась въ домѣ скотина, т.-е. противъ домового же, завѣдывающего ею. Для защиты коней отъ проказъ домового на дворъ или на конюшню вѣшали медвѣжью голову²⁾. Для избавленія отъ лихорадки (злого божества—трясавицы) больного клали на землю ли- цомъ внизъ и заставляли медвѣдя переидти черезъ него такъ, что бы тотъ непременно коснулся лапой спины боль- ного³⁾. Отъ ломоты въ ногахъ до нынѣ считается лучшимъ средствомъ мазать ихъ медвѣжьимъ саломъ (жиромъ), а для успѣха въ охотѣ принималось за полезное убить мед- вѣдя и вымыть ружье въ его крови, что дѣлало ружье без- промашнымъ. Беременные гадали о полѣ будущаго потом- ства, давая медвѣдю изъ своихъ рукъ хлѣба,—если при этомъ медвѣдь рыкалъ, то гадавшей слѣдовало ожидать рожденія дѣвочки, если бралъ хлѣбъ молча,—мальчика. На- родъ увѣряетъ, что медвѣдь не выносить беременныхъ женщинъ и, встрѣтивъ таковую въ лѣсу или на полѣ, не- премѣнно заламаетъ и выѣстъ всю внутренность, не тро- нувъ остального. Перебѣжка дороги медвѣдемъ принима-

¹⁾ Объ источникахъ и формахъ рус. баснословія, Д. М. Щеп- кинъ, вып. 2, ст. 133. Поэтическія возрѣнія словянъ на природу. А. Н. Афанасьевъ, т. 1, ст. 386, 391.

²⁾ Напомню о медвѣжьихъ (и олснѣхъ) головахъ, такъ часто являющихся въ качествѣ украшенія (частью узора) на норманскихъ курганныхъ бронзовыхъ вещахъ—застежкахъ (фибулахъ), пряжкахъ, наборныхъ бляхахъ и пр. Въ Калевалѣ—финской былинѣ въ 6 пѣснѣ (рунѣ) такъ описывается лукъ, сдѣланный Юкагайненомъ:

Наверху конскъ поставленъ,
По бокамъ бѣжитъ жеребчикъ,
Медвѣженокъ спитъ на сгибѣ,
На зарубѣ дремлетъ зайчикъ.

Въ 45 пѣснѣ описывается копье, выкованное Ильмариненомъ:

На рубцѣ (ребрѣ) тамъ волкъ усѣлся,
Остріе медвѣдь все занялъ,
Лось бѣжитъ по основанью (втулкѣ),
Жеребецъ по рукояткѣ
И олень сталъ у головки.

(Пантеонъ литературы 1888 г. I, ст. 69; XI, ст. 537). Этотъ „звѣри- ный“ узоръ (орнаментъ) хорошо извѣстенъ всѣмъ занимающимся дре- вностями подъ именемъ чудскаго, представляетъ одну изъ первичныхъ ступеней въ развитіи узора,—извѣстенъ у многихъ европейскихъ первобытниковъ камники и у современныхъ первобытныхъ племенъ,— и оказалъ несомнѣнное вліяніе на скандинавскій узоръ. Нѣкоторые ведутъ его съ В., но безъ основанія: онъ возникалъ въ разныхъ мѣс- тахъ самостоятельно и исходная точка—рисунки съ животныхъ на скалахъ, въ пещерахъ и пр.

³⁾ Это дѣйствіе нельзя считать символомъ разминанія или растиранія, ибо такіа дѣйствія при лихорадкѣ не употребляются, а лишь при ломотѣ.

лась за предвѣщаніе идущему или ѣдущему удачи (заяць и кошка—наоборотъ); въ морѣ поминать медвѣдя, а особенно называть его по имени считалось опаснымъ: поднимается буря. Въ день солнцеворота—(12 декабря) медвѣдь по увѣреніямъ народа поворачивается въ берлогѣ съ одного бока на другой и начинаетъ сосать другую лапу, а зима съ этого дня начинаетъ ходить въ медвѣжьей шкурѣ или шубѣ. Пробуждается медвѣдь отъ зимней спячки и выходитъ изъ берлоги, по тому же повѣрью, 12 апрѣля¹⁾. Въ Бессарабской губерніи вербная суббота называется (можетъ быть, въ силу послѣдняго повѣрья) медвѣжьей и составляетъ народный праздникъ, отправленіе котораго предохраняетъ скотъ отъ нападенія волковъ (и вообще звѣрей)²⁾. Участіе медвѣдя въ масленичныхъ празднествахъ общеизвестно, — онъ тутъ важнѣйшее лицо; воженіе медвѣдя на масленицѣ запрещалось духовенствомъ и правительствомъ уже въ XVI в.³⁾. Оно представляетъ пережитокъ глубокой языческой древности поклоненія силамъ природы (теплу въ видѣ солнца) и олицетворенія ихъ въ различныхъ животныхъ, первоначально лишь приносившихся въ жертву почитаемому, затѣмъ сдѣлавшихся его принадлежностью (посвященными ему)⁴⁾ и наконецъ превратившихся въ его олицетворенія—символы (свинка—золотая щетинка, олень—золотые рога и др.). А. С. Фаминцинъ⁵⁾, изучившій древніе обряды, говоритъ, (и съ нимъ нельзя не согласиться), что животныя, олицетворявшія боговъ, вводились въ жилища для ниспосланія или внесенія съ собою благодати и обилія⁶⁾, прообразомъ которыхъ служили хлѣбныя зерна, хмѣль

¹⁾ Афанасьевъ, то же, т. III, стр. 684.

²⁾ Вѣстникъ Яросл. земства, 1904 г., № 21, отд. III, стр. 475.

³⁾ Акты археограф. экспедиціи, III, 264; IV, 93. Въ поученіи митроп. Данила говорится о запрещеніи водить „медвѣди или иныя нѣкія таковыя животныя“. Архимандритъ Варлаамъ кашинскаго Дмитровскаго монастыря жаловался царю въ 1649 г., что въ Кашинѣ въ чистый понедѣльникъ „изъ уѣзду пріѣзжаютъ крестьяне съ женами и съ дѣтьми... пьютъ и бражничаютъ, и безчинствуютъ, крыкъ и вопъ, и бой межъ собою до кровопролитія во весь день и до полунощи“... и что туда же сходится „много всякихъ чиновъ... г. Кашина приходятъ посадскіе и слободскіе люди... съ иныхъ городовъ торговые люди и веселые пріѣзжаютъ“... и что „отъ такого безчинія... отстать нимъ не умѣть безъ твоего... указу по тому, что торговымъ людямъ—торгъ, а безчинникомъ и беззаконникомъ пьянство и бой, и бѣсовская игра веселые съ медвѣди и съ бубны, и съ сурнами, и со всякими бѣсовскими играми“. (Гор. Кашинъ. Матеріалы для его исторіи, собран. Іос. Як. Кункинымъ, стр. 46).—Оттискъ изъ Чтеній въ Общ. ист. и древн. рос. 1903 г.

⁴⁾ Пчелка Божья скотинка, волкъ Юрьева (Георгіева) скотина и пр.

⁵⁾ Божества древ. словянъ, стр. 242—243 и др.

⁶⁾ Точно также, какъ нынѣ дѣлается это съ чтимыми и чудо-

и т. п.; разсыпавшіеся поводи́льщиками священныхъ животныхъ¹⁾ по жилищу, на хозяина и его домохадцевъ²⁾. Изъ приводимыхъ имъ данныхъ³⁾ дѣлается до очевидности яснымъ, что и тѣ движенія и звуки водимыхъ животныхъ, а позже изрѣченія наряженныхъ ими жрецовъ, выродившіеся затѣмъ въ прибаутки и предметъ потѣхи (а ну-ка, Мишенька, покажи, какъ ребята горохъ воруютъ и т. п.) въ началѣ были вовсе не посмѣшищемъ и забавой, но вѣровыми, религиозными дѣйствіями и рѣченіями, имѣвшими для поклонниковъ глубокіе смыслъ и значеніе прорицаній и предзнаменованій, къ которымъ прислушивались и присматривались съ трепетомъ глубокой вѣры въ ихъ истинность и неустрашимость. Медвѣдя и въ языческой древности приучали кланяться хозяину дома, въ который его вводили, или сердито рычать, смотря по знаку поводыря. Но учили этому звѣря не ради праздно́й потѣхи и доставленія удовольствія присутствующимъ, а въ знакъ благоволенія или гнѣва божества, олицетворявшагося животнымъ, въ знакъ, который принимался темнымъ человѣкомъ или съ наивной чистой радостью, или съ глубокимъ горемъ. Разумѣется, движеніями и звуками животного управлялъ поводырь разными незамѣтными для зрителей и неизвѣстными имъ знаками, взглядами, интонаціей голоса, тѣмъ или инымъ подергиваньемъ привязи, покалываньемъ и другими приемами и уловками, но наружно, съ показной стороны эти движенія и звуки вызывались пѣсенными обращеніями къ свястному животному жреца—поводыря и его спутниковъ, т. е., въ сущности молитвенными прошеніями, долженствовавшими скрыть (замаскировать) истинную побудительную причину дѣйствій животного. Такія обращенія сохранились еще до нынѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Вотъ примѣръ:

Го-го-го! Козынька,	Ой, расходися,
Го-го-го! сѣрая,	Развеселися,
Го-го-го! бѣлая,	Ой, поклонися!

Коза кланяется, послѣ чего свита поводыря отъ нея лица, за нее или же сама коза, если ею наряженъ человѣкъ, высказываетъ домохозяину пожеланія:

Что-бъ господину	Да молочливы,—
И коровки были—	И овесъ самостѣй,
Не бодливы,	И ячмень колосей... ⁴⁾

творными образами. „Богъ милости даетъ, Богъ милости прислалъ“ обычныя выраженія при извѣщеніи о приносѣ въ домъ иконы, просфоры и т. п.

¹⁾ Въ языческой древности жрецами.

²⁾ Нынѣ крапать святой водою и окуриваютъ ладономъ, что не болѣе, какъ уступка язычеству, сдѣлка (компромисъ) ветхаго завета съ новымъ.

³⁾ Тамъ же, стр., на прим., 243.

⁴⁾ Фамининъ, стр. 245.

Довольно близко съ вѣшной стороны къ русскимъ масляничнымъ празднествамъ стоитъ единственный праздникъ *гиляковъ*—монгольскаго народца, живущаго на низовьяхъ р. Амура въ восточной окраинѣ Сибири. Этотъ праздникъ, продолжающійся нѣсколько дней, приходится въ концѣ января или въ началѣ февраля, т.-е., какъ и у русскихъ масленица, въ пору первой замѣтной прибыли дня. Начинается онъ также пиршествомъ, затѣмъ идутъ гонки запряженныхъ собакъ безъ сѣдаковъ (у насъ гоняются на лошадахъ) и все заканчивается посылкой къ Великому Духу съ разными порученіями отъ всего племени (съ просьбами о рыбной ловлѣ, охотѣ, урожаѣ ягодъ, плодородіи собакъ и т. д.) нарочно содержимаго для этого и особокормленнаго къ этому дню медвѣдя. Его, припнутоваго къ толстому бревну, (у насъ медвѣдю давался толстый колъ) сперва возятъ (у насъ водили) въ гости по сосѣдямъ, угощающимъ его лучшею юкколою (рыбою) и другими лакомствами (какъ и у насъ, водкой и пр.), а затѣмъ ведутъ въ нарочно приготовленное въ лѣсу мѣсто, представляющее площадку, огороженную тыномъ. Тамъ привязываютъ его между двухъ столбовъ многими идущими отъ ошейника ремнями и двое молодыхъ гиляковъ встаютъ по одну сторону съ тупыми шестами, а двое старыхъ по другую съ луками. Первые начинаютъ дразнить медвѣдя, потыкивая его кольями, а вторые, какъ только разсердившійся звѣрь, бросаясь на обидчиковъ, приметъ удобное для выстрѣла положеніе, пробиваютъ его стрѣлами всегда въ сердце на вылетъ. (У русскихъ медвѣдя не трогаютъ, но сожигаютъ возившуюся съ нимъ „масляницу“—соломенное чучело¹⁾). Съ убитаго снимаютъ шкуру, мясо сѣдаютъ, а голову (нетронутую) вѣшаютъ на высокое дерево. Есть деревья съ нѣсколькими десятками такихъ головъ²⁾. Описанный обрядъ выдвигаетъ медвѣдя изъ всѣхъ другихъ животныхъ и указываетъ на то, что гиляки питаютъ къ нему особое почтеніе, считая его достойнымъ быть посланцемъ къ божеству и быть ходатаемъ предъ нимъ за пославшихъ. Айны, живущіе на ост. Сахалинѣ и въ сосѣднихъ съ нимъ земляхъ, считаютъ медвѣдя своимъ родоначальникомъ (т.-е. тотемомъ) и обожаютъ. Найденнаго медвѣженка съ торжествомъ приносятъ въ селеніе и назначаютъ ему корми-

¹⁾ „Чучело“—позднѣйшая форма, первоначальная—кукело, кукло, кукъло, кукла—зародышъ идоловъ, лат. *cuculla*, *cucullus*=свертокъ, свитокъ, свертокъ бумаги трубкой, колпакъ, капюшонъ—куколь.

²⁾ Нива 1881 г., стр. 1071. У русскихъ при сожженіи масляницы ребятишки ловятъ въ шапки летяшія по вѣтру искры, количество которыхъ знамянуеть урожай *грибовъ* въ наступающемъ годѣ. Остатки кострища раскидываются въ стороны. Любопытно, что искры знамянуютъ грибы, а не какія нибудь воздѣлываемыя растенія, что представляется пережиткомъ, какъ и самый обычай.

лицу изъ своихъ женщинъ, которая и кормитъ его до тѣхъ поръ, пока у медвѣженка не начнутъ прорѣзываться зубы. Но и послѣ этого его окружаютъ такимъ уходомъ, какимъ не пользуются и дѣти айновъ. Когда медвѣженокъ вырастетъ, тогда устраиваютъ большой праздникъ всѣмъ селеньемъ, вскормившимъ его. торжественно застрѣливаютъ и тутъ же съѣдаютъ, а голову вѣшаютъ на тынъ. (Семья, 1903 г., № 1, стр. 12).

Мнѣ не извѣстно, есть ли у *остяковъ* обряды, касающіеся медвѣдя и напоминающіе русскіе масляничные обряды¹⁾, но я знаю, что медвѣдь у нихъ пользуется весьма большимъ почетомъ. По мнѣнію *остяковъ* онъ сынъ бога Турома и жилъ первоначально на недосыгаемой высотѣ, съ которой земля ему казалась прекрасной. Туромъ отпустилъ его на землю, запретивъ трогать невинныхъ какъ людей, такъ и скотъ, т.-е. велѣлъ ему быть представителемъ справедливости на землѣ. И медвѣдь,—живой и мертвый,—все знаетъ, все видитъ и слышитъ и по этому клятва его лапой, зубомъ или головой—одна изъ страшнѣйшихъ,—клятвопреступникъ рано или поздно, но будетъ заломанъ медвѣдцемъ. Тѣмъ не менѣе Туромъ разрѣшилъ человѣку убивать медвѣдя; охотиться на него можно, но съ условіемъ праздновать передъ убитымъ 5 дней (передъ медвѣдицею 4), отдавая его шкурѣ почести, какъ божеству. Медвѣдь, задранный человѣкомъ, сжигается вмѣстѣ со шкурою, какъ опоганившійся, такъ какъ задранный или изуродованный имъ человѣкъ считается грѣшникомъ. Просверленный въ корнѣ (у его основанія) медвѣжьей клыкъ привѣшивается остяками къ поясу вмѣстѣ съ ножомъ, составляя необходимую принадлежность каждаго. Этотъ зубъ однимъ своимъ присутствіемъ предохраняетъ и избавляетъ носящаго его отъ спинной боли, а соскобленное съ него вещество является уже лекарствомъ отъ разныхъ болѣзней. Кромѣ того надъ зубомъ, какъ замѣчено, клянутся и присягаютъ²⁾ въ различныхъ и нерѣдкихъ случаяхъ. Присягаютъ и клянутся остякъ также и *надъ медвѣжьей лапой* (стопой) или надъ однимъ его когтемъ, вслѣдствіе чего медвѣжьи шкуры у нихъ остаются

¹⁾ У нихъ есть другой обрядъ, напоминающій русское сожженіе масляницы. Передъ отправленіемъ на звѣринный промыселъ остяки по р. Пимѣ совершаютъ моленіе „пари“, связанное съ поклоненіемъ дереву. Между прочимъ на этомъ моленіи срубаютъ верхинку сосны, наряжаютъ ее человѣкомъ (т.-е. другими словами, дѣлаютъ изъ нея чучело), ставятъ на сани, а потомъ помѣщаютъ въ очагъ (чуваль) и сжигаютъ. Это чучело служитъ такимъ же посланцемъ на небо, какъ у *гиляковъ* медвѣдь. (Извѣст. Рус. геогр. Общ., т. XL, 1904 г., вып. I—II, стр. 47).

²⁾ Кусая зубъ или лапу, говорятъ: если лгу (или если обману), то пусть медвѣдь меня грызетъ (или деретъ) такъ же, какъ я грызу его зубъ.

обыкновенно безъ лапъ, а нѣкоторыя безъ ушей и носа,— ихъ отрѣзываютъ и носятъ съ собою ¹⁾).

По сказаніямъ отяковъ, живущихъ межъ р.р. Вяткой и Камой, медвѣдь происходитъ отъ человѣка ²⁾: одна женщина родила за разъ семерыхъ дѣтей очень маленькихъ, за что и раскидала ихъ куда попало. Брошенные превратились въ нечистыхъ духовъ; мальчика, упавшаго въ лѣсъ, взялъ къ себѣ и выкормилъ заяцъ, онъ сдѣлался медвѣдемъ ³⁾. Происхожденіемъ медвѣдя отъ человѣка отяки объясняютъ особенности строенія его тѣла, на примѣръ сходство грудей медвѣдицы съ женскими, сходство медвѣжьего слѣда съ слѣдомъ, оставляемымъ человѣческой ногою, короткость хвоста, способность ходить на заднихъ лапахъ и то, что если снять съ медвѣдя шкуру, то онъ и совсѣмъ, какъ человѣкъ ⁴⁾. Одну половину зимы медвѣдь спитъ, по мнѣнію отяковъ, на одномъ боку, другую—на другомъ, (то же у русскихъ), когда же перевортывается съ бока на бокъ, то только одинъ палецъ пососетъ, съ чѣмъ и засыпаетъ вновь. А спитъ зимою по тому, что ѣсть особый сонный корень, выкапываемый имъ изъ земли ⁵⁾.

¹⁾ Письма и отчеты о путешествіи въ долину р. Оби. И. С. Поляковъ, стр. 43, 63, 113. Изв. Рус. геогр. Общ. 1904 г., вып. I—II, стр. 33, 43.

²⁾ Это мнѣніе возникло, какъ видно ниже, по причинѣ нѣкотораго сходства тѣла медвѣдя съ человѣческимъ.

³⁾ По другому изводу—одна отячка позволила подтирать задъ блинами и класть эти блины на облоко, тогда облока были много ниже теперешняго, чуть-чуть повыше крыши домовъ. Богъ наказалъ ее за это тѣмъ, что превратилъ ся дѣтей въ медвѣдя, лѣшаго и пр. (Изв. Общ. Арх., Ист. и Этн., т. XXII, вып. 3, стр. 193).

⁴⁾ У малороссовъ распространено то же повѣрье, но по ихъ мнѣнію въ медвѣдя обращенъ мальчикъ, спрятавшійся подъ мостъ для того, что бы напугать Бога. У отяковъ Казанской губерніи на святкахъ рядятся межъ прочимъ и медвѣдемъ въ вывороченную мѣхомъ въ верхъ шубу. Такой „медвѣдь“ продѣлываетъ то же, что и у русскихъ въ подобныхъ случаяхъ, т. е. разные „представленія“. Любопытно то, что прежде настоящихъ медвѣдсей водили у отяковъ по домамъ не отяки, а мещеряки. Это позволяетъ думать, что такого обряда чествованія медвѣдя у отяковъ не было и что весь этотъ обычай перенятъ ими отъ русскихъ. За это говорить еще то, что наряженнаго медвѣдемъ бьютъ палкою, что бы разозлить; тотъ дѣлаетъ видъ, что сердится, срывается съ цѣпи, кидается на окружающихъ или поводыря, вызывая суматоху, хохотъ, визгъ, крики и пр. Словомъ медвѣдь служитъ тутъ лишь потѣхой, какъ и у русскихъ. Для послѣднихъ, принявшихъ христіанство въ IX—XII вв., это понятно,—у нихъ духовенство постаралось сдѣлать предметы языческаго почитанія посмѣшищемъ и забавой,—для отяковъ же, остающихся большинствомъ язычниками, тщательно оберегающими свои обряды, такое отношеніе иначе не объяснимо, какъ лишь заимствованіемъ обычая у русскихъ и при томъ не особенно давно,—тогда, когда онъ и у русскихъ изъ обряда превратился въ забаву. О заимствованіи свидѣтельствуеетъ еще то обстоятельство, что указанный обычай извѣстенъ не всѣмъ отякамъ, у сарапульскихъ его нѣтъ (Изв. Общ. Арх., Ист. и Этн., т. XXII, вып. 5, стр. 331).

⁵⁾ Это мнѣніе существуетъ и среди словянъ (хорутановъ. Жив.

У *лопарей* медвѣдь считается священнымъ звѣремъ— „божьей собакой“ и умѣе всѣхъ другихъ животныхъ. Солнце объѣзжаетъ на немъ часть своего пути: утромъ ѣдетъ на медвѣдь, съ полдня на оленя, а вечеромъ на лани (оленихъ, „важенкѣ“). Разказы о ѣздѣ солнца на медвѣдь и послужили, видимо, причиною названія его „божьей собакой“, т.-е. ѣзовымъ животнымъ бога. По мнѣнію *лопарей* (какъ и *остяковъ*), медвѣдь слышитъ все, что про него говорятъ, вслѣдствіе чего худо о немъ не отзываются, величая обыкновенно почтительнымъ „дѣдушко“, какъ начальника, священника и т. п. лицъ. Особенно нѣльзя называть его по имени при устройствѣ на него охоты (у русскихъ въ морѣ)¹⁾, а то узнаеть,—о комъ идетъ рѣчь,—и ни чего не удасться. Охота эта—цѣлый сложный обрядъ. Убивъ звѣря, поютъ передъ нимъ пѣсню, въ которой благодарятъ его за приходъ, за то, что позволилъ убить себя, не сдѣлавъ вреда, просятъ, что бы не сердился, объясняя и извиняя свой поступокъ неотложной нуждой и т. п. Нашедшій берлогу въ 5 дней, а охотники 3 дня не должны спать съ женами. *Лопарки* встрѣчаютъ медвѣдя стопами, охами, причитаньями съ выраженіемъ горя по поводу его смерти и съ просьбами простить ихъ мужьямъ такое преступленіе. Мѣстами онѣ даже не пускаютъ охотниковъ съ медвѣдемъ въ вѣжу (шалашъ) и тѣ продѣлываютъ въ ней на время другое отверстіе съ противоположной входу стороны²⁾. Мясо убитаго медвѣдя варится въ отдѣльномъ шалашѣ, въ который женщины не допускаются³⁾; мѣстами имъ запрещается и са-

Старина 1900 г., вып. I—II, стр. 202 и прим.). Сомнѣваюсь, что бѣвозрѣнія *отяковъ* на медвѣдя ограничивались лишь приведеннымъ, у нихъ должны быть слѣды и пережитки почитанія медвѣдя, которые было бы желательнѣе прослѣдить и закрѣпить въ печати.

¹⁾ У русскихъ по имени не называютъ еще черта, вѣря, что какъ только вымолвишь „чертъ“, такъ онъ тотъ часъ и явится и, если не сумѣешь отдѣлаться отъ него какой ни будь трудною задачею, уловкою или молитвой, то онъ утащитъ въ преисподнюю. Уносомъ же пугаютъ и дѣтей: сей часъ позову медвѣдя, онъ тебя унесетъ въ лѣсъ.

²⁾ Этотъ приемъ широко распространенъ у *полудикарей* и употребляется съ цѣлью обмануть мертваго (медвѣдя, человека): втащенный въ жилище (или вынесенный изъ него) не чрезъ дверь, а чрезъ временное отверстіе, мертвый, оживъ („вставъ“) и желая отомстить (медвѣдь) за себя, придетъ не къ двери, а къ этому отверстію. Но оно будетъ уже задѣлано и мертвецъ, не найдя входа, не попадетъ въ жилище по наивному заключенію мало-образованнаго ума.

³⁾ По русскимъ представленіямъ медвѣдь не выноситъ беременныхъ женщинъ. Возможно, что это представленіе явилось слѣдствіемъ представленія (нынѣ у *отяковъ*) о происхожденіи медвѣдя отъ человека,—отъ женщины, жестоко отнесшейся къ рожденнымъ ею младенцамъ. Напомню еще къ стати русскую сказку: убитый медвѣдь, оживъ ночью, идетъ къ старухѣ, которой отдала его лапы, сводить съ нею счеты, приговаривая: Всѣ по селамъ спятъ, по деревнямъ спятъ, одна баба не спитъ, на моей кожѣ сидитъ, мое мясо варитъ,—

мое употребленіе въ пищу медвѣжатины. Берутъ отъ убитаго медвѣдя лишь лучшія части мяса, остальное же закапывается, укладываясь въ естественномъ порядкѣ: голова, шея, переднія лапы и т. д. Всѣ объѣденныя кости собираютъ, ихъ не ломаютъ и не высасываютъ изъ нихъ жиръ („мозгъ“), а тщательно и бережно зарываютъ въ землю послѣ трапезы. Нерѣдко закапываютъ также ложки, которыми ѣли, ножикъ, скобель, кусокъ мѣди (вмѣсто котла). Если во время трапезы собака утащитъ кость и это замѣтятъ, ее тотъ часъ убиваютъ, берутъ изъ нея кость одноименную утащенной и зарываютъ вмѣстѣ съ медвѣжьими. Лопари вѣрятъ, что медвѣди воскресаютъ и что за неуважительное отношеніе къ одному изъ нихъ всѣ остальные считаютъ своей непремѣнною обязанностью отмстить обидчику. Сало медвѣжье признается цѣлебнымъ¹⁾.

У древнихъ *собственно-финновъ* (суоми) и кареловъ медвѣдь пользовался также особымъ почитаніемъ предъ всѣми другими животными; ему приписывался человѣческой умъ и сила равная силѣ двѣнадцати человѣкъ (какъ и у лопарей), а шкуры по свидѣтельству Калевалы²⁾ развѣшивались на соснахъ, какъ предметъ боготворенія. О происхожденіи медвѣдя Калевала рассказываетъ совсѣмъ отличнo отъ существующихъ у финновъ нынѣ представлений на этотъ счетъ.—Медвѣдь явился близъ солнца, луны и созвѣздія Большой медвѣдицы (т.-е. на небѣ) возлѣ одной изъ дѣвъ воздуха—дочери творенія. Идя по среди неба, она несла корзину съ шерстью и бросала ее въ море. Вѣтеръ пригналъ шерсть вмѣстѣ съ волнами къ лѣсистому мысу, тамъ собрала ее Мъеликки—(лѣшая, хозяйка лѣса) сложила въ корзинку изъ кленовой коры съ крышкою, положила туда же свивальникъ (шнурки пеленокъ) и повѣсила корзинку на золотой цѣпи на вершину сосны. Въ этой корзинѣ зародился и выросъ медвѣдь. Онъ былъ безъ зубовъ и ког-

не увариваетъ; мою шерстку прядетъ,—не упрядываетъ. Въ этой сказкѣ переживаетъ отголосокъ глубокой древности: русскій народъ давнымъ давно не ѣстъ медвѣжатины; съ еще болѣе глубокой древности онъ не прядетъ ни какой другой шерсти, кромѣ овечьей, да мѣстами верблюжьей и козьей.

¹⁾ Русскіе лопари. Н. Н. Харузинъ, стр. 199, 202, 203 и сказка: Какъ дочь старухи сдѣлалась женою солнца. Зарываютъ съ остатками медвѣдя ложки и пр. для того, что бы не было уликъ противъ ѣвшихъ ими и предлога явиться къ нимъ для расплаты.

²⁾ Як. Гриммъ (Журн. Мин. Нар. Просв. 1846 г., кн. III, отд. 2, стр. 158) признаетъ Калевалу за древнѣйшее, бывшее еще до появленія германцевъ и словянъ твореніе финновъ, но въ цѣломъ она не можетъ быть признана таковою (см. у меня „Кто насыпалъ Ярослав. курганы“), ибо носитъ слѣды многихъ, разновременныхъ и даже позднихъ заимствованій. Впрочемъ есть въ ней и древнія черты хотя и передаваемые уже какъ пережитки или какъ заимствованія изъ старыхъ преданій.

тей, которыхъ не дала ему Мьеликки изъ опасенія, что онъ употребить ихъ во зло, но медвѣдь далъ ей великую клятву предъ всемогущимъ богомъ, что не будетъ дѣлать зла и дурнаго и получилъ и зубы, и когти. (Пантеонъ литературы 1888 г., XII, стр. 545). Убитый медвѣдь, какъ и у лопарей, чтился особымъ празднествомъ, назначавшимся для успокоенія его и расположенія въ пользу убившихъ, при чемъ пѣлись пѣсни, въ которыхъ охотники извинялись предъ медвѣдемъ въ своей жестокости. Съ пѣснями же убитого звѣря дѣлили на части, варили и ѣли, но при этомъ для удобства пѣвшіе раздѣлялись на два хора, дѣйствовавшихъ попеременно. Одинъ изъ героевъ Калевалы Вейнемейненъ называется въ ней еще Осмоненъ (Osmonen); эти имя напоминаетъ названіе медвѣдя *osma* ¹⁾.

У мордовъ въ одной изъ отчинъ Османа Анчурина въ Тамбовской губерніи было особо чтимое урочище, нынѣ забытое. Тамъ между старыми деревьями было грубое каменное изваяніе—«медвѣдь-камень», которому въ старину оказывались божескія почести, приносились близъ него жертвы и бывало великое языческое пиршество ²⁾. Мордовки носятъ между прочимъ на шеѣ особое ожерелье, состоящее изъ широкой холщевой тесьмы (гайтана) унизанной бисеромъ и увѣшанной монетами, крестиками, двояшками (спросшими орѣхами)—символомъ счастья, медвѣжьими когтями и клыками, пучками человѣческихъ волосъ и пр. ³⁾.

Скандинавы—сосѣди лопарей и финновъ (суоми) въ образѣ медвѣдя олицетворяли бога Тора (словянскій Туръ, какъ думаютъ иные), по чему ему и давалось прозвище Бьорнъ (Björn=урчащій; медвѣдь). По Эддѣ видѣтъ медвѣдя во снѣ къ вѣтру и непогодѣ ⁴⁾. Медвѣжья голова—обычная часть скандинавскаго узора.

Германцы считали медвѣдя царемъ звѣрей; въ зимній солнцеворотъ (12 Декабря) совершалось у нихъ обрядовое шествіе: выѣзжалъ всадникъ на бѣломъ конѣ въ сопровож-

¹⁾ Тамъ же, стр. 175, 181. Труды I археол. съѣзда въ Москвѣ 1869 г., т. II—«Меряне и ихъ бытъ по курган. раскопкамъ», гр. А. С. Уваровъ, въ отдѣльн. оттискѣ стр. 69). Въ Калевалѣ (Пант. лит., XI, стр. 538—544) въ 46 пѣснѣ подробно описывается какъ охота на медвѣдя, такъ и тѣ увѣщанія, обращенія и закланія, съ которыми обращались къ живому медвѣдю передъ охотою, а къ мертвому при до-
ставкѣ сго въ поселеніе, при освященіи и трапезѣ.

²⁾ Извѣстія Тамбов. архивн. комиссіи, XXVI, стр. 8. Медвѣдь-камень сдѣлали былъ изваяніемъ, а скорѣе, какъ и конь-камни, естественнымъ камнемъ, лишь случайно напоминавшимъ фигуру медвѣдя, т.-е. такъ наз. игрой природы.

³⁾ Сказки рус. инородцевъ. В. Н. Харузина, стр. 62—65.

⁴⁾ Отъ нихъ, вѣроятно, занесено повѣрье къ сѣвернымъ русскимъ о томъ, что названіе медвѣдя по имени въ морѣ вызываетъ бурю.

деніи медвѣдя ¹⁾, убранныго гороховой соломой и изображавшагося кѣмъ либо изъ обывателей. Въ нѣмецкомъ простонародіѣ до нынѣ держится повѣрье, что медвѣдь отстраняетъ отъ скотины злое колдовство вѣдьмъ (у русскихъ домового) ²⁾ и въ Германіи еще въ средніе вѣка, какъ и въ Россіи, водили по домамъ медвѣдей, „пляской“ которыхъ потѣшались даже короли и духовныя лица ³⁾.

По *древне-греческимъ* преданіямъ Артемида (Діана) подмѣнила Ифигенію—дочь царя Агамемнона—медвѣдицею (по другимъ косулей, воломъ) въ то время, какъ ее готовились принести въ жертву Артемидѣ, что бы умиливать послѣднюю и вымолить попутный вѣтеръ греческому флоту, плывшему къ Троѣ. Спасенную такимъ образомъ Ифигенію Артемида перенесла въ Тавриду (Крымъ) и сдѣлала ее здѣсь своею жрицею ⁴⁾. На римскихъ монетахъ Нерона, Веспасіана, Юліи Мамен изображались сцены охоты на медвѣдя ⁵⁾.

Отношеніе *русскихъ* славянъ къ медвѣдю представляетъ нынѣ довольно неопредѣленнымъ и проявляетъ признаки смѣшенія разнообразныхъ чертъ. По видимому оно не вполне самобытно и сложилось какъ изъ собственныхъ возрѣній славянъ на этого звѣря, такъ и изъ возрѣній на него ихъ сосѣдей. Собственное славянское отношеніе къ медвѣдю мало напоминаетъ почитаніе. Ни въ пѣсняхъ русскихъ славянъ, ни въ ихъ присказкахъ и прибауткахъ, ни въ сказкахъ и преданіяхъ, на сколько извѣстны мнѣ всѣ этъ произведенія народной словесности, почти совсѣмъ не замѣтно ни какихъ слѣдовъ отношенія славянъ къ медвѣдю какъ къ особому или высшему существу. Напротивъ—основой этихъ отношеній служитъ незлобивый и, такъ сказать, благожелательный юморъ. Надъ медвѣдемъ подсмѣиваются и подтруниваютъ, забавляются его неуклюжестью и простоватостью, пугливостью при неожиданности и т. д. и прощаютъ ему за нихъ наносимый имъ, иногда, очень крупный вредъ. На него ни когда не озлобляются такъ, какъ, на примѣръ, на волка, а множество любовно-шутливыхъ прозвищъ, даваемыхъ ему народомъ (мишка ⁶⁾, михрютко,

¹⁾ Или кузнеца съ большимъ молотомъ, обвитымъ гороховой соломой. Всадникъ—солнце, медвѣдь или кузнецъ—Торъ, т. е. „Урчашій“, богъ грома.

²⁾ Поэтическое возрѣніе славянъ на природу. А. Афанасьевъ, т. 1, стр. 39. Жури: М. Н. П. 1846 г., стр. 188.

³⁾ Картины средневѣковой жизни. Фрейтагъ, стр. 179, 182, 258.

⁴⁾ Херсонесъ таврической. Гр. А. А. Бобринскій, стр. 2. Преданіе это напоминаетъ еврейское объ Исаакѣ.

⁵⁾ Труды II обл. арх. съѣзда, отд. II, стр. 199.

⁶⁾ Стар. сл. мечъкъ, мечька; облоств. мечка—медвѣдица, литовск. мешка (meska)—медвѣдь, откуда, должно быть, и рус. мишка; чешск. medvěd, nedvěd, поль. miedźwiedz, niedźwiedz, мадьяр. medve (Сравн. этимол. словарь рус. яз. Н. В. Горяевъ,—„медъ“).

медвѣдко, толстопятый, Михаилъ Ивановичъ и Марья или Матрена Ивановна, Топтыгинъ, сердитый или косматый баринъ и пр.) и забавныхъ разсказовъ, распускаемыхъ про него, свидѣтельствуешь о чемъ-то снисходительно-дружелюбномъ, но далеко не почтительномъ и еще менѣе почитательномъ. Правда, въ нѣкоторыхъ сказкахъ онъ выступаетъ какъ бы представителемъ справедливости на землѣ, карая зло и награждая добродѣтель¹⁾, въ другихъ, убитый, воскресаетъ и идетъ отомстить за себя (см. выше), но во 1) есть иныя сказки, однѣ изъ которыхъ отвергаютъ его добродѣтельность²⁾, а другія выставляютъ добродѣтельнымъ и сѣраго волка; во 2) сказокъ про медвѣдя въ общемъ очень немного (больше все анекдоты) и среди другихъ онѣ стоятъ одиноко и обособленно, и въ 3) ихъ, какъ и все другое, (на примѣръ приведенныя выше повѣрья и суевѣрья) противорѣчащее чисто-русскому возрѣнію на медвѣдя, съ большою вѣроятностью можно признать взятымъ отъ финновъ,—во всѣхъ ихъ разновидностяхъ³⁾ глубоко почитающихъ медвѣдя. Можно еще замѣтить, что медвѣдя часто зовутъ вѣдмедь. Возможно, что это простая перестановка частей сложнаго слова; но возможно, что это явленіе не случайное, а имѣющее осмысленное основаніе. Дѣло въ томъ, что форму „вѣдмедь“ можно разсматривать, какъ мужской родъ отъ „вѣдьма“, въ пользу чего говоритъ и примѣта: если во время доенія коровы придетъ женщина, то это вѣдьма, а если мужчина, то это вѣдмедь. Сопоставленіе вѣдьмы съ медвѣдемъ и называніе его вѣдмедемъ позволяетъ думать, что медвѣдя считали и словяне, какъ и финны, вѣдуномъ, все знающимъ; хотя нужно замѣтить, что такое названіе медвѣдя распространено лишь у тѣхъ

¹⁾ Сказка о дочери и падчерицѣ старика, изъ которыхъ первую—злую и гордую—медвѣдь съѣдаетъ, а вторую добрую и гонимую награждаетъ имѣньемъ.

²⁾ Дѣвушкѣ, погнавшей къ медвѣдю, что бы вернуться домой, приходится его обманывать, такъ какъ онъ ее не отпускаетъ. (Народн. рус. сказки. А. Н. Афанасьевъ).

³⁾ Любопытно, что поводырями медвѣдей въ позднѣйшее время были, главнымъ образомъ, казанскіе татары (и частью мещеряки), находящіеся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ отяками. Миѣ мало извѣстно, къ сожалѣнію, объ отношеніяхъ къ медвѣдю германскихъ народностей, но, на сколько могу судить по дошедшему до меня и сохраненному памяти, медвѣдь не имѣлъ, кажется, большаго значенія въ вѣрованіяхъ германскихъ народностей за исключеніемъ болѣе сѣверныхъ скандинавовъ. У послѣднихъ онъ пользовался, видимо, большимъ уваженіемъ, такъ какъ изображеніе его—(собственно головы его) и при томъ замѣчательно правдивое является, какъ замѣчено, почти неизбѣжной составной частью скандинавскаго животнаго узора. Головы же придаютъ особое значеніе и всѣ русскіе инородцы, какъ видѣны выше. Въ „чудскомъ“ и кавказскомъ скульптурномъ узорѣ медвѣдь тоже не рѣдкость.

русскихъ, которые близко соприкасаются съ финнами. За заимствованіе отъ финновъ говорить довольно въско то обстоятельство, что у словянъ среди животныхъ, посвященныхъ солнцу, а позже олицетворявшихъ его ¹⁾, медвѣдя не числится; по крайней мѣрѣ ни въ памятникахъ словесности и вѣрованій (религій), ни въ прозвищахъ (эпитетахъ) медвѣдя не сохранилось ясныхъ слѣдовъ и прямыхъ указаній о пребываніи его среди такихъ животныхъ ²⁾. Между тѣмъ медвѣдь участвуетъ въ масляничныхъ празднествахъ и шествіяхъ и при томъ во 1) имянно, какъ представитель солнца (масляница свѣтлый, солнечный праздникъ), во 2) рядомъ съ другимъ представителемъ того же солнца—козломъ (козой) или конемъ (Яр. губ.). Какимъ же образомъ явилось такое странное совмѣщеніе ³⁾ и могло-ли оно развиваться въ средѣ одного и того же народа само собою, безъ сторонняго вліянія? Сомнительно. Больше вѣроятности здѣсь для допущенія заимствования обряда воженія медвѣдя по домамъ отъ финновъ (это воженіе извѣстно, какъ видѣли, даже далекимъ гилікамъ, хотя съ другой стороны также и германцамъ) и при томъ заимствования только внѣшняго. Взята только одна фигура безъ уясненія и безъ перенесенія въ словянскій обрядъ ея финскаго смысла и значенія, просто ради обстановки, ради своеобразной красоты ея, или, вѣрнѣе, ради ея привлекательности для словянина.

Если отъ пережитковъ, отъ живой старины обратиться къ вещественнымъ древностямъ, особенно къ раскопаннымъ, то въ Ярославской губерніи найдешь чрезвычайно любопытные для данного случая предметы. Я имѣю въ виду какъ медвѣжьи клыки, такъ особенно глиняные лѣпки, изображающіе несомнѣнно медвѣжьи лапы или, точнѣе, стопы ⁴⁾, найденные исключительно въ курганахъ сожженія, на

¹⁾ Конь—хорсъ, олень—золотые рога, козель—Усинь-Авсень, свинка—золотая щетинка, пѣтушокъ—золотой гребешокъ и пр. (Божества древ. словянъ. А. С. Фаминцинъ, вып. I).

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Въ одномъ и томъ же обрядѣ одного и того же лица (солнца) двумя разными представителями его, т.-е. другими словами—исполненіе одной и той же роли одновременно и совмѣстно двумя актерами.

⁴⁾ Извѣстный ученый П. Н. М..... высказалъ въ частномъ разговорѣ со мною (по чему я и не называю его имени) мнѣніе, что разсматриваемые лѣпки представляютъ собою не медвѣжьи стопы, а идоловъ (человѣческія фигуры), но сдѣланныхъ весьма не искусно; его смущалъ особенно обломокъ такого лѣпка, дѣйствительно по своимъ очертаніямъ нѣсколько, но очень далеко напоминавшій человѣческую фигуру. Однако, (подчеркиваю это) только по очертаніямъ обломка, а не цѣлага лѣпка. Въ послѣднихъ нѣтъ даже и намека на что либо подобное, какъ видно и по рисункамъ гр. А. С. Уварова, и по моимъ, прилагаемымъ здѣсь. За стопою лѣпковъ говорить еще то обстоятельство, что кромѣ медвѣжьихъ дѣлали еще (изъ бронзы) утинія лапки. Уваровскіе рисунки перепечатаны въ Извѣст. археол.

сколько известно, пока только въ окрестностях Ростовскаго и Переяславскаго озеръ во взаимно-сосѣднихъ уѣздахъ Ярославскомъ (с-по Михайловское и д. Бол. Темирево), Ростовскомъ (близь с.с. Шурсколъ и Богословъ и д. Кустерь) и Переяславскомъ (Веськово, Брембола и Городище), а затѣмъ въ Суздальскомъ (Васильки)¹⁾. Если сопо-

ком-ин, в. 15, ст. 135 и 136. Н. Кондаковъ и И. И. Толстой (Рус. древности въ памят. искусства, вып. V, стр. 87) принимаютъ эти лѣпки за амулеты (ладонки), но если это было бы такъ, то ихъ было-бы гораздо больше.

¹⁾ Въ Ярославскомъ уѣздѣ мною на Михайловскомъ курганномъ кладбищѣ, что въ 7 вер. къ С. отъ Ярославля и А. И. Кельсиевымъ (въ 1878 г.) на Бол.-Темиревскомъ—въ 6 вер. къ Ю.-З. отъ Ярославля (Обозрѣніе выставки мѣст. произведеній Яросл. губ., состоявшейся въ Рыбинскѣ... стр. 23), въ остальныхъ гр. А. С. Уваровымъ (Меряне и ихъ бытъ по кург. раскопкамъ, стр. 97, 137, 188 и таб. XXXIII, рис. 2 и 3). Отчеты о моихъ раскопкахъ еще не напечатаны. Одна изъ найденныхъ мною стопъ хранится въ Россійск. историческ. музеѣ въ Москвѣ (см. табл. III, рис. 14), другая (рис. 15) и обломки остальныхъ въ Яросл. архивн. комиссіи, въ которой есть фотографія и съ первой; найденныя Уваровымъ были въ Моск. Румянцевск. музеѣ. Уваровъ одинъ изъ найденныхъ имъ лѣпковъ (таб. XXXIII, рис. 2) принимаетъ за изображеніе кисти руки (стр. 137), но не основательно. Руки этотъ лѣпокъ вовсе не напоминаетъ,—онъ та-же медвѣжья стопа, что и на рис. 3, только сдѣланная не такъ характерно и типично. Однако лѣпки рукъ, видимо, были тоже, но лѣпились иначе (см. здѣсь рис. 16, изображающей руку изъ моихъ упомянутыхъ раскопокъ). Руки держались въ Ярославской губерніи до поздняго времени, онѣ встрѣчаются въ деревянной рѣзбѣ XVII в.—на прим. въ ярославской церкви Іоанна Предтечи, что въ Толчковѣ, надъ боковыми столбами царскихъ придѣльныхъ вратъ. Изображенія рукъ (бронзовыя) найдены еще въ Осетіи, въ Кобаньскомъ могильникѣ (Матер. по археол. Кавказа, вып. VIII, таб. XXIII, рис. 9 и 10; таб. XXV, рис. 6; таб. XXIX, рис. 7). Рука у всѣхъ народовъ, какъ одна изъ самыхъ важнѣйшихъ частей тѣла, имѣла большое обрядовое значеніе и въ вѣровомъ (религіозномъ) и въ правовомъ отношеніяхъ. Клянясь, присягая, мы до сихъ поръ поднимаемъ руку надъ головою, чтобы ее всѣ видѣли и, вмѣстѣ съ тѣмъ, мы до нынѣ же „даемъ руку на отсѣченіе“ и „руку прикладываемъ“. Въ древности это дѣлалось почти буквально,—или дѣлался оттискъ руки, или съ наложенной руки дѣлался чѣмъ ни будь абрисъ. Прикладывая печать, китаецъ до сего дня заявляетъ: прикладываю мою деревянную руку. То же наблюдается въ Персіи. Въ XII в. дѣловая бумага считалась подписанной, если на ней находилось или къ ней было приложено изображеніе руки. Французскій торговецъ, обращаясь къ поручителю, проситъ его (въ буквальномъ смыслѣ)—оттиснуть свой ноготь—*apposer sa griffe*, т.-е. (переносно) приложить свою печать, свое клеймо. Рукобитіе—завершаетъ сдѣлки и вообще другія соглашенія, рукопожатіе—закрѣпляетъ союзъ и обозначаетъ миръ и т. д. Рука, отрѣзанная отъ мертвого, даетъ успѣхъ ея обладателю въ самыхъ опасныхъ и ненадежныхъ предпріятіяхъ и дѣлаетъ его по желанію невидимымъ. Это повѣрье держится у многихъ народовъ, межъ пр. и у западныхъ и русскихъ славянъ. У римлянъ въ пору римской имперіи на знаменахъ манипулъ, а позже центурій легіоновъ (отрядовъ войскъ) на самомъ верху вмѣсто копья прикрѣплялось иногда металлическое изображеніе руки, и т. д. (Жур. Мин. Нар. Пр. 1908 г., IV, отд. 6, стр. 131 и особенно

ставить эти находки съ обычаемъ остяковъ отрубать и хранить медвѣжьи стопы, какъ предметъ особаго почитанія и обрядовыхъ дѣйствій (присяги, клятвы и пр.), а равно обычаи выламывать и носить при себѣ просверлянные медвѣжьи и другіе зубы ради тѣхъ же цѣлей¹⁾ и какъ ладонки (амулеты) и лекарственное средство, а затѣмъ присовокупить сюда еще повѣрье русскихъ въ чудесное дѣйствіе прикосновенія медвѣжьей лапы къ спинѣ больного лихорадкою, вѣроятно, заимствованное у финновъ, извѣстіе „Сказанія (и преданія) о построеніи г. Ярославля“ о содержаніи жителями Медвѣжьяго угла въ клѣти въ оврагѣ Медвѣдица медвѣдя и извѣстіе о подобномъ содержаніи медвѣдя же гилыками и наконецъ, согласно Д. П. Европеусу²⁾, о нахожденіи нѣкогда праостяковъ-югры если не въ Ярославской губерніи, то по близости ея³⁾, тогда въ выводѣ получится обоснованное до извѣстной степени заключеніе: у праярославцевъ⁴⁾ медвѣдь былъ особо почитаемымъ и даже священнымъ звѣремъ⁵⁾. О широкой распространенности почи-

1905 г., VI, стр. 351, — гдѣ весьма интересная статья Н. П. Павлова—Сильванскаго; Моск. Вѣд. 1904 г. № 72, стр. 5).

¹⁾ Мною найдены въ тѣхъ же курганахъ, вѣроятно, искусственные (перегорѣли и судить о строеніи трудно) зубы, напоминающіе по виду маленькіе бивни слона; Уваровъ въ Ростовскомъ уѣздѣ (с. Шугоръ) нашелъ два волчьи клыка на кольцѣ (таб. XXXIII, рис. 11). Въ рисункахъ и въ рѣзбѣ русскихъ медвѣдь почти не встрѣчается, кромѣ игрушекъ.

²⁾ Труды II арх. съѣзда въ С.-Петербургѣ, вып. I, отд. IVГ, стр. 81 и отдѣльн. оттискъ—Объ угорскомъ народѣ, обитавшемъ въ средней и сѣверной Россіи... 1874 г.

³⁾ А. В. Орѣшниковъ (Имп. Россійск. Истор. музей. Описаніе памятниковъ, вып. I, стр. 161), описывая серебряную денгю ярославскаго князя Александра Федоровича († 1471 г.), говоритъ: голова человѣка вправо въ шляпѣ съ загнутыми полями—съ длинной заплетенной косою. Коса дѣйствительно ясно видна на изображеніи. Блажайшимъ къ Европейской Россіи народомъ, до нынѣ заплетающимъ волосы въ косы, являются остяки-югра.

⁴⁾ Сперва финновъ—(отяковъ), а позже словянъ, поселившихся среди ихъ.

⁵⁾ И. Ф. Барщевскій (Историч. очеркъ г. Ярославля. Труды Яр. Арх. Комиссіи, кн. III, вып. 4, стр. 9) относительно курганныхъ глиняныхъ лѣпковъ медвѣжьихъ стопъ высказалъ предположеніе, что они составляли тотемный знакъ, знакъ принадлежности праярославцевъ къ роду „Медвѣдя“. Миѣ думается, что вмѣсто этого нѣсколько натянутого предположенія проще и вѣрнѣе объяснить нахожденіе въ курганахъ глиняныхъ медвѣжьихъ стопъ тѣмъ самымъ значеніемъ ихъ для курганниковъ, какое онѣ имѣютъ еще по нынѣ у остяковъ, ибо, несомнѣнно, послѣдніе имѣли значительныя взаимно-отношенія съ финнами (такъ какъ и говорятъ финскимъ языкомъ), а по Европеусу, какъ сказано, даже и жили нѣкогда недалеко отъ Ярославской губерніи, слѣдовательно могли передать свои (или въ свою очередь принять, что, можетъ быть, вѣрнѣе, чужія) возрѣнія и обряды жителямъ Ярославской губерніи. Нѣтъ также надобности прибѣгать къ посредству тоо темства и для объясненія названія селенія „Медвѣжий уголь“; оно сложилось самымъ простымъ и естественнымъ путемъ, (какъ всѣ на

танія медвѣдя въ древности въ средней Россіи и, какъ слѣдствіе такого почитанія, о широкомъ же распространеніи тутъ его знака говорятъ знаки или гербы различныхъ мѣстностей, занятыхъ финнами не рѣдко еще до сихъ поръ. Такъ на „печати намѣстника Великаго Новгорода“, находившейся на лицевой сторонѣ большихъ государственныхъ печатей 1588 и 1605 г.г.¹⁾ упоминавшихся выше, изображена въ $\frac{3}{4}$ лѣстница (типа складныхъ библиотечныхъ и музейныхъ), на ступенькахъ которой лежитъ посохъ (?) а передъ ней стоитъ на заднихъ лапахъ, опираясь передними на ступеньку, соболь (1588 г.) или собака (1605 г.). За лѣстницей же нѣтъ отъ зрителя медвѣдь на заднихъ лапахъ вправо, опираясь передними въ лѣстницу²⁾. Въ Государственной книгѣ 1672 г. новгородскій гербъ представленъ иначе, но медвѣдь не только не выключенъ изъ него, а и соболь прежняго герба замѣненъ также медвѣдемъ³⁾. Что послужило причиною измѣненія новгородскаго герба, не извѣстно, но медвѣдь (и крестообразный предметъ) изображался уже на первыхъ новгородскихъ деньгахъ (табл. III, рис. 17), т.-е. въ первой половинѣ XV в.⁴⁾ и лишь впо-

родныя названія: Горѣ—грязь, Горѣлыя дворища, Задній дворъ, Косая балка, Раменье, Горки и пр.), а именно по наиболѣе отличительному признаку селенья, по его, такъ сказать, достопримѣчательности, т.-е. по содержанию въ немъ жителями медвѣдю, бывшему для обитателей данной мѣстности почитаемымъ или священнымъ звѣремъ (чѣмъ либо въ родѣ „божьей собаки“, блюстителя справедливости на землѣ или въ родѣ Радегастова коня словянъ и т. п.). Возможно, что Медвѣжій угодъ былъ даже вѣровымъ средоточіемъ, священнымъ селеньемъ окрестныхъ язычниковъ на подобіе Ретры балтійскихъ словянъ. Но въ чемъ Барщевскій правъ на мой взглядъ, такъ это въ томъ, что медвѣдь, какъ представитель божества, считался покровителемъ чтившихъ его и что изображеніе медвѣдя (но не одной его стопы) употреблялось въ тѣхъ же цѣляхъ, какъ крестъ-тѣльникъ христіанами, (какъ знакъ принадлежности къ одному вѣровому обществу; отъ него и названіе нашего простонародья — „крестьяне“). Въ статьѣ „Кто насыпалъ яросл. курганы“ я показалъ, что ярославской мерею были отяки. У отяковъ же существуютъ еще особые жертвоприносительные союзы — „мѣры“, знакомъ одного изъ каковыхъ, вѣроятно, и былъ медвѣдь. Къ сожалѣнію я не знаю, наблюдались ли подобные союзные знаки кѣмъ либо у современныхъ отяковъ.

¹⁾ Къ сожалѣнію не извѣстна обратная сторона этой печати, на которой должны находиться печати Ярославля и Ростова. На запросъ Яросл. архивн. комиссіи Моск. Главн. архивъ М. И. Д. увѣдомилъ, (см. Входящія Ком-ин за 1904 г., отношеніе архива отъ 19 окт. за № 427, л. 179), что печать у увѣдомительной грамоты Лже-Дмитрія, съ которой слѣланъ рисунокъ въ Собраніи государ. грамотъ и договоровъ, не вислая, а прикладная, т.-е. неимѣющая обратной стороны.

²⁾ Снимки древнихъ печатей государственныхъ... в. I, л. 18.

³⁾ Портреты, гербы и печати Болъ. Государ. книги 1672 г., листъ 34.

⁴⁾ Описаніе рус. монетъ музея Ярос. учен. арх. ком-ин. Э. Берендтсъ въ Временникѣ Демидов. юридичес. лица за 1898 г. и въ

слѣдствіи постепенно превратился, благодаря неумѣлости рѣзчиковъ денежныхъ штамповъ, въ преслоутаго „нагого человѣка“ или „человѣка въ просительной позѣ“ нашихъ нумизматовъ. Напомню, что на новгородскихъ земляхъ жили отяки и другіе финны.

На печатяхъ великаго княжества Тверскаго 1588 и 1605 г.г., изображенныхъ тамъ же, что и выше упомянутыя, представленъ медвѣдь (обыкновенный бурый), стоящій влѣво. Въ Государственной книгѣ этотъ гербъ замѣненъ другимъ, очевидно, выдуманнымъ ¹⁾. Въ Тверской области было также много финскихъ насельниковъ.

На пермскомъ гербѣ Государственной Книги (тамъ же л. 38) изображенъ медвѣдь-же, идущій тихой спокойной походкой вправо съ евангеліемъ на спинѣ; на верху евангелія равно-конечный крестъ съ сіяніемъ. То же изображеніе повторяется на пермской печати, находящейся съ двумя другими на печати... „губерніи Сибирской лѣта 1710“ ²⁾, съ тою лишь разницею, что медвѣдь идетъ влѣво и, видимо, по холмамъ, а не по ровной мѣстности. Хотя послѣдніе гербы не воспроизводятъ гербовъ болѣе древнихъ ³⁾, тѣмъ не менѣе мнѣ кажется, что они не сочинены составителями Государственной книги, а взяты прямо изъ жизни, изъ языческой дѣйствительности финскихъ обитателей Пермскаго края. Съ этой стороны они являются въ высшей степени любопытными, какъ отголосокъ почти совсѣмъ невѣдомой области нашего прошлаго, ибо эти гербы, всего вѣроятнѣе, представляютъ, кажется, знакъ какого ни будь финскаго племени, только финское солнце замѣнено въ немъ христіанскимъ солнцемъ или свѣтомъ, — евангеліемъ ⁴⁾. Возможно, что и на ярославскомъ гербѣ топоръ, сразившій по преданію „языческаго (финскаго) бога“, является подобноу же

отдѣльныхъ оттискахъ. Замѣтка о новгородской деньгѣ почти вся принадлежитъ мнѣ, какъ и рисунокъ этой деньги, значительно увеличенной на немъ

¹⁾ Портреты, гербы и печати... л. 36.

²⁾ Сборникъ снимковъ печатей, приложенныхъ къ грамотамъ... П. Ивановъ, таб. XX, рис. 7, стр. 34.

³⁾ На печатяхъ 1588 и 1605 г.г. въ пермской печати изображался волкъ или сѣверная ѣздовая собака влѣво. Эти собаки очень похожи на волка. (Тамъ же).

⁴⁾ Изъ посланія митроп. Симона видно, что въ 1501 г., т.е. спустя 100 лѣтъ послѣ проповѣди св. Стефана, въ Перми было очень обыкновенно открытое служеніе кумирамъ. Еще въ концѣ XVI в. было въ Перми уважаемое дерево, около котораго совершались моленья. Въ то же время въ другой финской землѣ, — на балтійскомъ поморьи молились деревьямъ и камнямъ, приносили имъ жертвы, существовали жрецы (арбуи), а мертвыхъ хоронили по курганамъ (Дополненіе къ актамъ историческ., стр. 27—28).

замѣною какого либо языческаго изображенія или же цѣликомъ новымъ христіанскимъ внесеніемъ³⁾.

Подводя итогъ выше-изложенному, можно сказать, мнѣ думается, что есть нѣкоторое основаніе видѣть въ медвѣдѣ ярославскаго герба явленіе не случайное и произвольное, а преемственное, одинъ изъ пережитковъ, связывающій текущіе дни съ первыми вѣками исторіи Ярославскаго края.

Переходя къ выясненію ростовскаго герба, отмѣчу прежде всего о существованіи въ Ярославской губерніи еще до сихъ поръ повѣрья (на ряду съ повѣрьемъ о медвѣдѣ), по которому на Ильинъ день олень опускаетъ въ воду (рѣку, озеро и т. п.) копыто, отчего вода дѣлается темною и холодною, на Преображеніе же (6 авг.) онъ уже весь искупывается и вслѣдствіе того вода просвѣтлается, дѣлается „бѣлою“ и уже совсѣмъ холодною⁴⁾. О сущности

³⁾ Выше я уже замѣтилъ, что прообразомъ (хотя, можетъ быть, и не первообразомъ) ярославскаго герба можетъ служить марка на готландскомъ колоколѣ, въ высшей степени типичная.

⁴⁾ По Афанасьеву (Поэтическое возрѣвіе словянъ на природу, т. 1, стр. 637—641) это повѣрье извѣстно и въ другихъ мѣстахъ Россіи съ небольшими измѣненіями: мочить ногу или хвостъ, или мочится (ссытъ) въ воду. Не связано-ли данное повѣрье съ жизнью оленя (сѣвернаго) и не относится-ли оно своимъ корнемъ къ глубокой древности, къ послѣд-ледниковой порѣ, когда олень былъ важенъ и необходимъ здѣсь также, какъ теперь обитателямъ сѣвернаго пояса? Съ конца Іюля сѣверный олень начинаетъ перекочевку или зимнюю „ходу“ въ болѣе теплыя мѣста, совершаемую довольно медленно и постепенно. Хо́да усиливается и достигаетъ полного развитія въ концѣ августа и въ сентябрѣ, когда эти животныя идутъ къ Ю. большими стадами, *переплывая рѣки*, въ которыхъ ихъ и бьютъ съ лотокъ, уничтожая большія количества. Правильная повторность (періодичность) явленія ходы въ жизни сѣвернаго оленя, очевиднымъ для всѣхъ образомъ связанная съ положеніемъ солнца на небѣ, т. е. съ теплотностью, съ временами года, и послужила основою представленія о нѣкоей таинственной связи оленя съ солнцемъ, какъ съ божествомъ, и основой сперва посвященія оленя солнцу—богу, а потомъ, постепенно, отождествленія его съ нимъ или сліянія въ одно представленіе, т. е. одицетворенія солнца въ оленя, извѣстное многимъ племенамъ и въ Россіи, и за ея предѣлами. Замѣтить связь явленія ходы съ положеніемъ солнца на небѣ долженъ былъ еще человекъ поры сѣвернаго оленя, ибо онъ жилъ цѣликомъ на счетъ этого оленя. Хо́да наблюдалась и въ Ярославской губерніи до половины XIX в.; еще въ 1860 г. сѣверный олень ежегодно заходилъ въ ея предѣлы въ зимнее время. Конечно, можно бы думать, что словяне заимствовали почитаніе оленя у финскихъ сосѣдей—олесеводовъ, но этому противорѣчитъ то, что арийцы обратили вниманіе на оленя въ глубокой древности, какъ слѣдуетъ изъ одинаковости названій его почти у всѣхъ ихъ вѣтвей: ст. слов. альнь, —*hla*, *lely*, *lelen*, рус. олень (уменьшительное отъ оль), серб. лелен, пол. *ieleń*, иллир. *jelin*, чеш. *gelen*, прус. *alne*, латыш. *alnis*, литов. *ėlnis*, *elnėne*, греч. *ἔλλος* = *ēllos = олененокъ и *ἐλαφος* (*ēllōs* очень близко къ русскому—лос=(е)—лосъ, др. нѣм. *elah*—лосъ, ан.-сак. *elch*, скан. *elgr*, ирл. *eilidh*); нѣм. *ellenthier*, *elen* и *elend* изъ литов., фран. *élan* изъ нѣм., кимр.

возрѣній словянъ на оленя говорятъ многія старыя пѣсни, переживающія мѣстами до нынѣ. Въ Ярославской губерніи (въ Даниловскомъ уѣздѣ, въ Богородской волости), на примѣръ, поютъ (игровую):

Сидитъ олень	Холодно-ль тебѣ, олень,
Подъ кореньями,	Холодно-ли молодой?
Молодой съ бородой	Мнѣ не такъ тепло,
Подъ дубровами.	Не такъ холодно.

Выбирай себѣ, олень,
Коя лучше всѣхъ,—
Коя слюбится,
Поцѣлуется ¹⁾.

Изъ послѣднихъ словъ видно, что въ пору сложенія этой пѣсни олень уже олицетворялся человѣкомъ, можетъ быть, жрецомъ, первое время, несомнѣнно, наряжавшимся оленемъ, какъ и теперь еще рялятся козою.

Въ Московской губерніи пѣли на свадьбахъ:

...Въ тѣхъ ли лугахъ ходитъ олень,
Ходитъ олень—золотые рога.
Тутъ и шель—прошелъ Иванъ господинъ,
Встрѣчу ему *бѣлый олень*...
Станешь жениться, на свадьбу приду,
Золотые рога я съ собой принесу
Золотыми рогами весь дворъ освѣщу ²⁾.

Въ Саратовской губерніи пѣли:

Въ чистомъ полѣ все понынь трава,
Въ той поныни ходитъ *бѣлый олень*,

eilon и *elain*—лань, олениха арм. *eḷn*, ирл. агг; рус. лань, поль. *lania*, лит. *lūnė*, ирл. *lón* (рус. лончакъ—годовалый жеребенокъ, лонишный—прошлогодний, послѣдовавший черезъ годъ, стало быть лонъ—годъ). Значеніе всѣхъ названій олени и лани быстрота, скорость движенія (Ср. этим. словарь рус. яз. Н. В. Горяевъ—„олень“; Поэт. возр. словянъ на природу. А. Н. Афанасьевъ, т. 1, стр. 637).

¹⁾ Яр. Губ. Вѣд. 1904 г. № 67.

²⁾ Афанасьевъ (тамъ же) приводитъ ту же пѣсню нѣсколько въ иныхъ изводахъ и полиѣ:

Не разливайся, мой тихій Дунай,
Не заливай зеленые луга:
Въ тѣхъ ли лугахъ ходитъ олень...
..... Иванъ господинъ
Я тебя, оленюшко, застрѣлю,
Золотые роженки изломлю!
Не стрѣляй меня, свѣтъ Иванъ господинъ!
Въ нѣкоторое время я тебѣ пригожусь:
Будешь жениться, на свадьбу...

Бѣлый олень—золотые рога.

Иванъ господинъ ѣздитъ, гуляетъ,
На бѣла оленя онъ плеткою машетъ,
Бѣлый олень возмоляется:
Иванъ господинъ, не маши плеткою,—
Я вѣдь тебѣ на время гожусь!
Станешь жениться, — на свадьбу приду,
На дворъ войду, — весь дворъ освѣщу,
Въ теремъ войду, — всѣхъ гостей взвеселю.

Въ мало и галицко-русскихъ и польскихъ пѣсняхъ (колядкахъ) упоминается туръ — олень золотые рога ¹⁾, лѣсъ или дуброва заявляетъ:

Ой шумлю, шумлю,	Что на головѣ
Ибо въ себѣ чую	Девять рожечковъ, (вѣтокъ)
Дивнаго звѣря —	А на десятомъ
— Тура — оленя,	Теремъ построенъ (тамъ же, стр. 239).

У сербовъ:

Что это сіяетъ край горы зеленой, —
То-ли это солнце, то-ли мѣсячина?
Нѣтъ, это не солнце, нѣтъ не мѣсячина,
Вѣдь два златна рога это отъ оленя ²⁾.

Рано вышла стара матка
Къ святой церкви на утрению
Повстрѣчался ей святой Петръ
На оленѣ златорогомъ,
Златорогомъ, многорогомъ...
(ѣдущий на праздникъ Рождества Христова) ³⁾.

Въ старину примѣчали: если олень валяется по лу-
гу или по нивѣ, — быть урожаю; по болгарскому повѣрью
олень приноситъ съ собою росу, капающую изъ его глазъ,
а ударяя копытомъ въ землю, онъ выбиваетъ изъ нея *род-*
никъ ⁴⁾. Въ Германіи былъ обычай рядиться на Рождество
и на новый годъ въ оленьи шкуры и бѣгать по улицамъ,
противъ чего церковь вставала уже въ VI в. Тамъ же
олень является и въ пѣсняхъ, называющихъ его прямо сол-
нечнымъ (sonnenhirsch):

Я видѣлъ солнечнаго оленя,

¹⁾ Божества древн. славянъ. А. С. Фаминцинъ, в. 1, стр. 237.
На Кавказѣ до нынѣ одинъ видъ оленя называется туромъ.

²⁾ Тамъ же, стр. 239, у Афанасьева указанное сочиненіе, т. 1,
стр. 638.

³⁾ Афанасьевъ, тамъ же.

⁴⁾ Тамъ же, т. III, стр. 793. И здѣсь связь оленя съ водой,
влажгой.

Шедшаго съ юга,
Его вели на двухъ поводахъ;
Ноги его стояли на дугу,
А рога поднимались къ небу ¹⁾.

Кромѣ словянъ и германцевъ олень связывается съ солнцемъ и у финновъ, о чемъ упомянуто выше. По вѣрованію лопарей солнце ѣздитъ на оленѣ по небу, садясь на него съ полудня, а вечеромъ пересаживаясь на лань.

Остяки также чтятъ оленя, И. С. Поляковъ ²⁾ сообщилъ въ какомъ видѣ ему поклоняются. На саяхъ (нартахъ) лежала совершенно цѣлая шкура оленя съ головою, рогами, ногами и копытами; голова была набита, а ноги свѣшаны по бокамъ высокихъ саней такъ, что все сооруженіе въ общемъ нѣсколько напоминало живаго оленя ³⁾,

Приведенныя данныя съ достаточной ясностью указываютъ на особое положеніе оленя (какъ и медвѣдя) среди другихъ животныхъ у словянъ, финновъ и ихъ сосѣдей. Въ этомъ не будетъ ни чего удивительнаго, если вспомнить, какое огромное и всеобщее исключительное значеніе имѣлъ сѣверный олень въ жизни человѣка новокамники Европы и Азии. Наука нашла даже необходимымъ значительный промежутокъ времени этой поры обособить въ отдѣльную „эпоху сѣвернаго оленя“, которая для сѣвернаго пояса тянется еще до нынѣ. Если въ Индіи чтится корова и если въ Египтѣ почитался быкъ, то вполне естественно, что въ Европѣ почитался сѣверный олень, бывший весьма долгое время чуть не всею для ея обитателей. Германская пѣсня называетъ его, какъ замѣчено, прямо солнечнымъ, русскія пѣсни и финскіе рассказы дѣлаютъ то-же переносно въ образныхъ выраженіяхъ и описаніяхъ; почитаніе оленя остяками наблюдалось непосредственно. Все это уясняетъ уже до нѣкоторой степени появленіе оленя въ гербахъ. До гербовъ (официальныхъ) оно встрѣчалось на клеймахъ и печатяхъ. Такъ въ одномъ изъ ковшей угличскаго князя Димитрія Ивановича, упоминаемомъ въ его духовной (не позже 1509 г.) ⁴⁾, было „внутри клейно (клеймо), а на клейнѣ звѣрокъ,—оленецъ,—золочонъ; на „печати Нова-города низовскія земли“—что на государственной печати 1583 г.,—изображенъ лось ⁵⁾, идущій вправо ⁶⁾, на печати

¹⁾ Тамъ же, т. I, стр. 640, гдѣ и нѣмецкій текстъ.

²⁾ Письма и отчеты о путешествіи въ долину р. Оби, стр. 116.

³⁾ Отъ подобнаго сооруженія до чучела—одинъ шагъ, какъ отъ чучела до изваянія или вырѣзка.

⁴⁾ Продолженіе древ. русск. вивлюфики 1789 г., ч. V, ст. 120.

⁵⁾ Случайно или намѣренно, но лось исполненъ на столько хорошо, что за оленя принять его не возможно. Я говорилъ уже объ очень правдивомъ исполненіи всѣхъ изображеній этой печати и о замѣчаніи Орѣшникова объ искаженности ихъ до неузнаваемости.

⁶⁾ Снимки древ. рус. печатей... в. 1, л. 18.

1605 г. замѣненный оленемъ ¹⁾. Олень же (влѣво) помѣщенъ въ этотъ гербъ (нижегородскій) и при внесеніи его въ Государственную книгу въ 1672 г. ²⁾. Въ курляндскомъ гербѣ ³⁾ изображался также олень. Кромѣ того то же изображение находилось и на частныхъ гербахъ, на примѣръ на печати стряпчего Ив. Фед. Лызлова 1663 г.—(стоитъ влѣво) ⁴⁾. Но самымъ типичнымъ гербовымъ (или въ геральдическомъ смыслѣ) остается все-же олень ростовскаго герба, на которомъ онъ изображается туromъ—оленемъ съ золотыми рогами, длинною гривой и копытами и съ серебряной шерстью, на красномъ (червчатомъ) полѣ ⁵⁾. На дошедшихъ до насъ (изъ обнародованныхъ) болѣе раннихъ ростовскихъ гербахъ (печатахъ), какъ уже сказано, представленъ не олень, а птица, но относительно этого обстоятельства нужно сказать, кажется, то же, что я сказалъ по поводу ярославской печати 1583 г., т.-е., что птица попала въ ростовскій гербъ временно и случайно и настоящимъ, кореннымъ знакомъ или знаменіемъ Ростова не была.

Какой народности Ростовъ обязанъ первоначально своимъ гербомъ, сказать трудно, такъ какъ олени чтили одинаково и словяне, и финны, и югра. Впрочемъ можно отмѣтить, что олень явился въ гербахъ, главнымъ образомъ, тѣхъ земель, которыя или были заняты въ древности, или населены еще и нынѣ финнами и которыя рано вошли въ составъ Русскаго государства, а именно въ гербахъ Ярославской, Нижегородской и Курляндской губерній. Для рѣшенія этого вопроса нѣкоторое значеніе имѣютъ также намеки на связь гербоваго оленя и повѣрій объ оленѣ съ оленемъ бѣлымъ, т.-е. сѣвернымъ (а не какимъ ни будь другимъ), который едва-ли когда ни будь былъ домашнимъ животнымъ словянъ; между тѣмъ, какъ нѣкоторые финны чуть не всецѣло обязаны ему своимъ существованіемъ еще и теперь и, кромѣ его да собаки, не имѣютъ ни какихъ другихъ домашнихъ животныхъ. Что можно утверждать съ большей смѣлостью, такъ это то, что на ростовскомъ, какъ и на ярославскомъ, гербѣ изображалось чтимое или священное

¹⁾ Собраніе госуд. грамотъ и договоровъ, ч. 2, стр. 228.

²⁾ Портреты, гербы и печати Бол. Гос. кн., л. 39.

³⁾ Тамъ же, л. 87.

⁴⁾ Собраніе снимковъ съ древнихъ печатей..... П. Ивановъ, таб. XVI, рис. 217.

⁵⁾ Любопытно и важно отмѣтить, что и въ пѣсняхъ, и въ гербахъ олень является бѣлымъ, т.-е. сѣвернымъ, такъ какъ другіе виды оленя не бываютъ бѣлаго цвѣта. Это обстоятельство говорить опять за очень далекую пору, когда такой олень былъ въ Ярославской губерніи не только обыкновененъ, но и весьма важенъ для ся жителей, т.-е., можетъ быть, даже о послѣднихъ годахъ послѣдниковаго времени.

животное¹⁾, посвященное, видимо, солнцу и если не олицетворявшее его, то являвшееся его представителем на землѣ.

Мнѣ остается сказать еще о конѣ и пѣтухѣ, изображенныхъ въ качествѣ гербовъ на ряду съ ярославскимъ и ростовскимъ гербами на салфеткѣ, вытканной въ 1834 г. ярославскою фабрикою Яковлевыхъ ко дню посѣщенія Ярославля Николаемъ I. Послѣ такіа салфетки были пущены въ продажу²⁾. На мѣстѣ объ этихъ гербахъ не извѣстно ни чего; по крайней мѣрѣ мнѣ не удалось узнать ни того, какимъ мѣстностямъ губерніи они были приурочены и вообще были-ли, ни побужденій, по которымъ Яковлевы сочли нужнымъ и возможнымъ помѣстить эти гербы (а не установленные Екатериною II) вмѣстѣ съ древнѣйшими гербами губерніи и при томъ въ соотвѣтствіе (pendant) имъ, ни времени ихъ существованія, ни чего др. Единственнымъ пока свидѣтельствомъ объ этихъ гербахъ является упомянутая салфетка³⁾, такъ что говорить о нихъ, какъ о гербахъ, да еще и какъ о гербахъ ярославскихъ, строго разсуждая, нѣтъ достаточныхъ основаній. Однако я рѣшаюсь все таки сдѣлать это во 1) для того, что бы обратить вниманіе на затронутый предметъ, во 2) по тому, что геральдическій характеръ названныхъ изображеній не можетъ возбуждать сомнѣній, да и самое положеніе ихъ среди гербовъ говорить о томъ-же, (см. табл. IV, рис. 18 и 19) и въ 3) наконецъ еще и по тому, что трудно понять и представить себѣ причину, могшую бы побудить художника, составлявшаго для Яковлевыхъ рисунокъ салфетки, прибѣгнуть къ вымыслу и вплести въ геральдику негеральдическое тогда, когда существовавшая дѣйствительность предлагала ему богатый и имянно геральдическій матеріалъ. Кромѣ того все построеніе (композиція) рисунка указываетъ ясно, что матеріалъ для него

¹⁾ Въ пѣсняхъ оленя грозятъ убить, однако это обстоятельство не служитъ помѣхой для признанія оленя чтимымъ или священнымъ животнымъ, такъ какъ финны, на примѣръ, почитая медвѣдя за священное животное, въ то же время преспокойно убиваютъ его и ѣдятъ. Многія неразвитыя и дикія племена, какъ извѣстно, даже съкутъ и вообще наказываютъ своихъ боговъ или, точнѣе, фетишей.

²⁾ Одна изъ таковыхъ имѣется въ хранилищѣ Яр. арх. ком. Въ первый прїѣздъ въ Ярославль въ 1881 г. царь осматривалъ Яковлевскую фабрику (Исторія губ. гор. Ярославля, I. Троицкій, стр. 97—98). но въ этотъ прїѣздъ ему не могла быть поднесена упомянутая салфетка: на ней изображена на набережной рѣшотка, сдѣланная позже этого прїѣзда.

³⁾ Какъ только она же и другія ей подобныя (1826 г.) (да еще расположеніе сводовъ) свидѣлствуютъ о томъ, что прежде теплая Николо-Надѣинская церковь была крыта двумя шатрами, а не куполомъ, какъ нынѣ.

брался изъ мѣстной дѣйствительности¹⁾. Слѣдовательно можно попробовать приурочить упомянутые гербы къ мѣстности и тѣмъ болѣе, что по рисунку они настолько старинны и характерны, что признать ихъ за ново-созданные и вымышленные довольно затруднительно: болѣе поздній составитель придумалъ бы что ни будь иное и въ иныхъ формахъ. Если же гербы стары, то и принадлежать они могли лишь мѣстностямъ изстари населеннымъ. Такими въ Ярославской губерніи являются Угличъ, Романовъ, Молога и Любимъ²⁾. Изъ этихъ городовъ въ Угличѣ—современникъ Ростова, въ его сѣверной части, на Пѣтуховской улицѣ (идущей отъ церкви Николо на Пѣтуховѣ), лежитъ до сихъ поръ большой (8×4 ар.) вросшій въ землю камень, извѣстный подъ названіемъ „пѣтушьяго“ или „пѣтушинаго“. На его верхней поверхности находятся два углубленія, имѣющія въ общемъ нѣкоторое отдаленное сходство съ куринымъ слѣдомъ (во много разъ увеличеннымъ). Мѣстность, гдѣ лежитъ этотъ камень, зовется „Пѣтухово“, а стоящая

¹⁾ Видѣ г. Ярославля возможно правдивый для тогдашняго мастера, гербы ярославскій и ростовскій, а въ соотвѣтствіе имъ два неизвѣстныхъ, о которыхъ идетъ рѣчь и которые едва-ли можно признать за гербы Яковлевыхъ,—ибо тогда былъ бы всего одинъ гербъ и иного характера. Кромѣ того ни на другихъ яковлевскихъ салфеткахъ и иныхъ издѣліяхъ, ни въ писчей бумагѣ Яковлевской фабрики гербовъ нѣтъ, хотя вензеля и начальные буквы очень часты. Наконецъ на салфеткѣ съ государственнымъ и губернскими гербами частный гербъ неумѣстенъ. Яковлевы происходили изъ крестьянъ Осташковского уѣзда Тверской губерніи и дворянство получили не рано. Едва-ли разсматриваемые гербы могутъ быть и тверскими гербами.

²⁾ Романовъ основанъ кн. Романомъ Васильевичемъ,—правнукомъ Федора Ростиславича Чернаго, около 1345 г. (годъ смерти его отца яросл. князя Василья Давидовича. „Г. Р.-Борисоглѣбскъ и его историческое прошлое“. К. Д. Головищikovъ, ст. 3. Авторъ ссылается на Географ. словарь Щекатова и Россійск. родослови. книгу Долгорукова) Есть преданіе объ основаніи г. Романова и кн. Романомъ Владиміровичемъ угличскимъ (1278—1285), но оно позднѣйшая выдумка. Основаніе г. Мологи можно приурочивать къ 1320 гг. въ виду того, что послѣ смерти яросл. князя св. Давида Федоровича въ 1321 г. его сыновья—Василій—Грозный очи и Михаилъ раздѣлили Ярославское княжество между собою, при чемъ Михаилъ получилъ удѣлъ на р. Мологѣ съ сѣ извѣстнымъ Холопимъ торгомъ. По мѣстному преданію Михаилъ жилъ въ своемъ удѣлѣ, а не въ Ярославлѣ, изъ котораго принесъ съ собою родительское благословеніе—тихвинскій образъ Богоматери, составляющій нынѣ главную святыню мологскаго Афанасьевского монастыря. Разумѣется, Михаилъ водворился не на пустомъ мѣстѣ, а въ какомъ либо селеніи, бывшемъ до его пріѣзда. Отъ Михаила пошли князья Ситскіе и др. Г. Молога долго звался посадомъ. (Исторія госуд. россійск. Карамзинъ, изд. 1830 г., т. V, прил. 30. Г. Молога и его историческое прошлое. К. Д. Головищikovъ, стр. 7—сводный трудъ, какъ и всѣ работы этого писателя. Исторія губ. гор. Ярославля. І. Троицкій, стр. 24). О началѣ Любима ни чего не извѣстно, но онъ, уже какъ городъ, данъ въ 1560 г. Грознымъ плѣнному Фюрстенбергу на прокормі. (Карамзинъ, тамъ же, т. IX, ст. 29, 1831 г. Сказаніе кн. Курбскаго. Изд. 2 Н. Устрялова, ст. 77).

тутъ церковь, какъ сказано, — „Николо на Пѣтуховѣ“. По преданію, живущему до сихъ поръ среди угличанъ, предъ какимъ ни будь несчастіемъ, грозящимъ городу, на пѣтушемъ камнѣ въ полночь невѣдомо откуда является огромный пѣтухъ и громкимъ троекратнымъ цѣніемъ предупреждаетъ жителей о грядущей бѣдѣ, а затѣмъ мгновенно исчезаетъ. Такъ онъ пѣлъ, будто-бы, на канунъ убійства царевича Дмитрія, предъ ссылкой угличанъ въ Сибирь, предъ раззореніемъ города поляками и т. д. ¹⁾

Это преданіе, извѣстное изъ всей губерніи только въ Угличѣ, сильно склоняетъ къ признанію неизвѣстнаго герба съ пѣтухомъ въ его щитѣ за древній гербъ Углича, замѣненный гербомъ съ изображеніемъ царевича Дмитрія только послѣ смерти послѣдняго, когда его образа появились и въ церквахъ, и на башняхъ города, въ XVIII вѣкѣ.

О послѣднемъ имѣется положительное свидѣтельство. Бурмистръ (бургомистръ) Угличскаго магистрата въ своемъ доношеніи отъ 2 февраля 1725 г. на упоминавшійся выше указъ отъ 30 ноября 1724 г. писалъ между пр.— „А оноу Углича города герба ни какова въ Угличскомъ магистратѣ не имѣется“. На повторенный же указъ 1728 г. тотъ же бурмистръ доносилъ: „А оноу Углича города герба, кромѣ опредѣленной по указу въ прошломъ 724 году печати, которой печатью какъ пакеты съ отписками, такъ и пашпорты печатаютца, въ Угличскомъ магистратѣ не имѣется“ ²⁾. Слѣдовательно нынѣшній гербъ Углича введенъ лишь въ началѣ 1725 г., съ какого года онъ появляется и на сургучныхъ печатяхъ шнуровыхъ книгъ и т. п. ³⁾. (См. таб. IV. рис. 20).

Пѣтухъ ⁴⁾ былъ посвященъ у грековъ Аресу (Арею, Марсу)—богу битвъ (первоначально непогоды, бури), у запад-

¹⁾ Я слышалъ это преданіе на мѣстѣ и видѣлъ самый камень—огромный, на сколько помнится, кристаллическо-сланцевый красновато-бурый валунъ съ плоскимъ верхомъ. О томъ же преданіи упоминаетъ Л. Ф. Соловьевъ (Крат. исторія гор. Углича, ст. 83 и 91), см. еще Путеводитель по церквамъ г. Углича. Н. Лавровъ, ст. 115.

²⁾ Книга указовъ Угл. Провин. канцеляріи 1723—26 г., л. 388/344; 1728 г., л. 441/411 (Яр. Арх. Ком.).

³⁾ Въ Государственной книгѣ угличскаго герба нѣтъ. Шнуровая книга, учиненная въ Угл. провин. канцеляріи для записки въ расходъ провинтской суммы, денежной казны... на покупку для довольства имѣющихся въ Угличской провинціи отъ полковъ лошадей фуража, а людямъ провіанта 1744 г. скрѣплена сургучной печатью канцеляріи, на которой вырѣзанъ цар. Димитрій, какъ на иконахъ. Въ Екатерининскомъ гербовникѣ угличскій гербъ описывается такъ: въ червленомъ полѣ образъ Димитрія царевича.

⁴⁾ Пѣтель, коцеть (кокетъ), ст. сл. кокошь, (наѣдка кокошь), поль. kohut и кур, чеш. kurek (серб. и балт. сл. куры); савск. kukkutas, др. сѣв. kokr, ан.-сак. и фран. coq, мадьяр. kakas, фин. kukko. Въ почти названія происходятъ отъ крика пѣтуха или курицы, въ которомъ преобладаетъ звукъ ко-ко, ко-ку, т.-е. суть звукоподражательныя.

ныхъ словянъ Святovidу (? Свѣтовиду), у русскихъ словянъ онъ считался также птицею священной, „чистой“: на ряду съ иконою христіанства хозяинъ, переходя въ новый домъ, вносилъ въ него прежде всего угли (горяшіе), пѣтуха и кота—по завѣщанію язычества; угли символъ очага—(огня), пѣтухъ—символъ свѣта, котъ—символъ чистоты. Встрѣчая владѣльца занимаемой земли и вообще господина (въ древности побѣдителя,—взимателя дани, а позже помѣщика и „начальство“, т.-е. тѣхъ же взимателей дани) русскіе подносили ему пѣтуха и хлѣбъ-соль (а также яйца). То же дѣлали свободные германскіе крестьяне, отдававшіеся подъ защиту богачей при Меровингахъ (1300 лѣтъ съ лишнимъ назадъ); они въ ознаменованіе своей службы господину давали ежегодно въ видѣ дани пѣтуха съ своего двора и часть съ поля¹⁾. Въ старинныхъ рукописяхъ (апокрифахъ) встрѣчается также изъясненіе относительно пѣтуха.—Солнце течетъ на въздухѣ въ день, а въ нощи по окіану низко летитъ, не омочась, но токмо трижды омывается въ окіанѣ. Глаголетъ писаніе: естъ куръ=(пѣтухъ), ему же глава до небеси (какъ у германскаго солнечнаго оленя), а море до колѣна; еда же солнце омывается въ (о)кіанѣ, тогда же окіанъ въсколебається и начнутъ волны кура бити по перью; онъ же, очутивъ—(ощутивъ) волны, и речеть: ко-ко-ре-ку! (что) протолкуется: свѣтодавче Господи! дай же свѣтъ мірови. Еда-же то въспоетъ, и тогда вси кури воспоютъ въ одинъ годъ (часъ) по всей вселенной²⁾. Голубиная книга связываетъ пѣніе пѣтуховъ съ стратимъ—птицею: Когда стрѣфилъ вострепещется

Во второмъ часу послѣ полуночи,

Тогда запоютъ всѣ пѣтухи по всей земли,

Освятится въ тѣ поры вся земля³⁾.

Русскій народъ вѣритъ, что пѣтухъ, начавшій пѣть ранѣе полуночи, видитъ злаго духа (черта, мертвеца, вѣдму и т. п.) и прогоняетъ его своимъ пѣніемъ—предвѣстникомъ разсвѣта, дня, невыносимыхъ духами тьмы⁴⁾. Ночь, предъ наступленіемъ которой пѣтухъ поетъ съ вечера, зо-

¹⁾ Картины средневѣков. жизни. Фейтагъ, ст. 182, 258.

²⁾ Поэтическ. возрѣнія словянъ на природу. А. Афанасьевъ, т. I, стр. 520.

³⁾ Эти представленія взяты съ востока, страфилъ или стрѣфилъ птица связана съ масульманскимъ представленіемъ ангела Гавріила и еврейской талмудской исполнискской птицею. (Зап. Одес. Общ. ист. и древн., т. XXV, стат. 4, стр. 9). Народныя повѣрья не знаютъ не стратима, ни стрѣфила. Однако, если взято, то потому, что соотвѣствовало собственнымъ представленіямъ.

⁴⁾ Святъ, Святъ по земли, окаянный скрѣзь землю,—говорятъ крестьяне, заслышавъ ночную пѣтушину перекличку и истолковывая ея значеніе. Многіе сперва крестятся, а потомъ уже провѣносятъ и приведенное заклятіе.

вется веселою (вся нечисть ушла съ земли), а самое пѣніе ¹⁾ считается предвѣстникомъ добрыхъ вѣстей. Постель и одежду умершаго выносятъ во многихъ мѣстахъ въ курятникъ (и вообще подъ насѣсть), что бы ихъ пѣтухи опѣли, послѣ чего мертвецъ, боящийся пѣтушьяго пѣнія, уже не придетъ за ними и не будетъ, стало быть, тревожить оставшихся въ живыхъ. Если пѣтухъ (красный или чужой, забредшій) останется среди двора, хлопнетъ крыльями и пропоетъ три раза,—быть на этомъ дворѣ пожару ²⁾; пѣніе курицы по пѣтушью—къ несчастію,—раззорѣнію, пожару, смерти ³⁾; великороссы (въ томъ числѣ и ярославцы) убиваютъ ее ⁴⁾, словаки бросаютъ въ воду. Бѣлый пѣтухъ даетъ счастье и благополучіе тому дому, въ которомъ живетъ, черный же—вѣщая птица, отъ которой добра нельзя ждаты, вслѣдствіе чего крестьяне почти совсѣмъ не держатъ ихъ у себя еще и нынѣ, какъ и нѣкоторыхъ другихъ черныхъ животныхъ ⁵⁾ (на прим. кошекъ). Пѣтушокъ—золотой гребешокъ, живущій (какъ и въ обрядахъ) вмѣстѣ съ котомъ въ одномъ домѣ и не разъ выручаемый послѣднимъ, извѣстенъ каждому чуть не съ пеленокъ изъ колыбельныхъ пѣсенъ и сказокъ; его знаетъ также и Эдда, добавляющая, что онъ свѣтло-красный. Бѣлый пѣтухъ приносился язычниками въ жертву божествамъ свѣта, красный—божеству огня, черный—духамъ тьмы ⁶⁾. По чешской пословицѣ души младенцевъ на лугу пѣтушковъ пасутъ. У карпатскихъ горцевъ и у хорутановъ держится кое-гдѣ обычай убивать на могилахъ пѣтуха. Въ Саратовской губерніи (Аткар. у.) при опусканіи

¹⁾ Съ вечера, передъ садкой на насѣсть или хотя и на насѣсть, но до наступленія темноты.

²⁾ Отсюда выраженіе: пустить краснаго пѣтуха—сдѣлать пожаръ, поджечь.

³⁾ Отсюда пословица: не пѣть курѣ пѣтухомъ (т.-е. къ счастью, добру и радости), не владѣть бабѣ мужикомъ.

⁴⁾ Лучшимъ считается оторвать ей голову; при пѣніи же говорятъ: пой, окайная, себѣ на голову и всячески стараются не дать допѣть, шугаютъ, гоняютъ, кидаютъ палками.

⁵⁾ Афанасьевъ, Поэтич. воз. сл. на природу, т. I, стр. 520, 525, 532; т. III, стр. 789. Фаминцинъ, Божества др. славянъ, вып. I, ст. 81—о черныхъ животныхъ у др. грековъ.

⁶⁾ Святославъ на Дунаѣ при похоронахъ павшихъ въ битвѣ топилъ въ водѣ черныхъ пѣтуховъ. Въ Яросл. губерніи 1 ноября рѣжутъ въ овинѣ пѣтуха и сѣдаютъ всею семьею (Афанасьевъ, тамъ же, т. I, стр. 468; Сахаровъ, II, 65); въ Мышкинскомъ уѣздѣ той же губерніи 1-го ноября—въ „куриный праздникъ“ утромъ старшій въ домѣ относитъ пѣтуха въ овинъ и на порогъ отрубаетъ ему голову и ноги топоромъ; ноги бросаются на кровлю избы для того, что бы водились куры; въ Костромской губерніи кромѣ этого кропятъ кровью пѣтуха по всѣмъ угламъ овина. Въ лѣтописи: и огневи молятся подъ овинномъ (Сѣверн. Край, 1900 г., № 269). Во многихъ мѣстахъ для жертвы выбирается самый худой и старый пѣтухъ, голову ему отрубаютъ тоже негоднымъ заржавленнымъ иззубрившимся топоромъ и

мертвого въ могилу его родственница передаетъ черезъ могилу другой женщины пѣтуха или курицу, взятыхъ изъ дома покойника, а уходя съ кладбища, отдають птицу нищему¹⁾. Литовцы Ковенской губерніи вѣрятъ, что если въ домѣ есть черный пѣтухъ, черная кошка или собака, то чертъ въ этотъ домъ уже не заберется и жить въ немъ не будетъ (Жив. стар. 1906 г., вып. III, отд. II, стр. 150). По мнѣнію отяковъ пѣтухъ начинается пѣть не ранѣе, какъ услышавъ пѣніе подземныхъ пѣтуховъ. Нечистая сила и вѣдьмы боятся пѣтушинаго пѣнія, по чему послѣ такого пѣнія (ночнаго) можно смѣло выходить на дворъ и улицу, до этого же опасно: въ полночь богъ отпускаетъ всѣхъ бѣсовъ на волю и не мѣшаетъ имъ дѣлать, что угодно. (Это представленіе взято отъ русскихъ). У счастливыхъ пѣтухи несутся, какъ курицы и если ихъ яйцо носить подъ мышкой, то выйдетъ змѣй, который будетъ жить при домѣ и будетъ таскать хозяину деньги изъ чужихъ сундуковъ. (Изв. Общ. арх. ист. и этн., т. XXII, стр. 192). Пермьки при постройкѣ мельницы непременно приносятъ водяному въ жертву пѣтушину голову, а при переходѣ въ новый домъ несутъ въ третьемъ рядѣ шестиваго черного пѣтуха и курицу, въ четвертомъ черного кота²⁾. У чувашей по рожденіи ребенка знахарь (іомся), умывъ ребенка, разбиваетъ надъ его головою два куриныя яйца и отрываетъ пѣтуху голову, выбрасываемую за ворота. То же дѣлается и надъ умершими³⁾. Латыши на канунъ крещенія ребенка моютъ его въ банѣ, при чемъ бабка—знахарка закалываетъ тутъ же пѣтуха (Сказки рус. инородцевъ. В. Н. Харузина, стр. 59). Пѣніе пѣтуха послѣ полуночи, (т.-е. по понятіямъ народа послѣ времени

кидають въ сторону. Здѣсь ее подхватываютъ дѣти и, бѣгая по гумну и подкидывая къ верху, начинаютъ пѣть:

Вотъ тебѣ Лихой!	Вотъ тебѣ Лихой!
Чуръ тебѣ Лихой!	Чуръ тебѣ Лихой!
Ты сердиться не сердись,	Ты по гумнамъ не ходи,
Дворовому поклонись,	Въ огородѣ не сиди,
Домовому помолись.	Ко двору не подходи,
Пѣтушинымъ гребнемъ подавись!	Въ нашу хату не гляди!
Къ рѣчкѣ—рѣченкѣ бѣги,	
Прямо въ прорубь угоди!....	

(Сѣверъ, 1898 г., № 46). Чехи еще въ XVII в. приносили въ жертву св. Виту пѣтуховъ, пѣтухъ же изображался и на старинныхъ образахъ его, а день св. Вита считался днемъ высшаго солнцестоянія. Св. Витъ заступилъ мѣсто языческаго Свѣтовида. (Фаминцинъ, тамъ же, стр. 46, 54, 107, 110, 112—115, 191, 248, 251, 255, 271, 273). Остяки также приносятъ въ жертву пѣтуха—водяному (Письма и отчеты о путешеств. въ долину р. Оби. И. С. Поляковъ, стр. 43), вѣроятно, заимствовавъ этотъ обрядъ отъ словянъ, ибо домашнихъ куръ долго не знали.

¹⁾ О погреб. обычаяхъ язык. словянъ. А. А. Котляревскій, ст. 85.

²⁾ Жив. старина 1903 г., вып. I—II, стр. 55 и 99.

³⁾ Природа и Люди 1879 г., III, стр. 38, 39.

наибольшей темноты) и особенное усиление этого пѣнія предъ разсвѣтомъ и на разсвѣтѣ, когда пѣтухъ поетъ уже почти безпрерывно, вмѣстѣ съ пробужденіемъ въ немъ и вообще въ курицахъ усиленной жизнедѣтельности съ полужимья, съ перелома зимы на лѣто, что возрастаетъ съ увеличеніемъ высоты солнца на небѣ и свѣтлой поры (долготы дня), достигая крайняго развитія весной и въ началѣ лѣта¹⁾; а затѣмъ замираніе куринаго міра къ зимѣ, т.-е. къ темной порѣ, или, др. словами, легко наблюдаемая зависимость жизнедѣтельности куръ отъ солнца и тѣсная связь (параллелизмъ) ея перемѣнъ съ перемѣнами высоты солнца на небѣ послужили тѣмъ основаніемъ и причиною, по которымъ почти всѣ народы Европы сопоставили пѣтуха съ солнцемъ и огнемъ—источниками свѣта и тепла, сдѣлавъ его ихъ символами. Несомнѣнно, что въ качествѣ такого символа онъ попалъ и въ предполагаемый мною гербъ Углича, основаннаго по преданію и судя по названію словянами²⁾. Изъ печатей съ изображеніемъ пѣтуха могу указать лишь одну,—печать игумена Ферапонтова монастыря Филофея XV в., на которой представленъ пѣтухъ въ кругѣ бокомъ влѣво³⁾. На деньгахъ пѣтухъ изображался греками Итакіи и Трояды, римлянами Кампаньи и ос. Сициліи, но знакомъ (эмблемою) Галліи онъ явился только съ XVI ст. (Ист. Вѣстн. 1907 г. X, стр. 324).

Относительно приуроченія къ мѣсту герба съ конемъ, я затрудняюсь высказаться опредѣленно, ибо нѣтъ ни какихъ данныхъ, къ которымъ можно было-бы привязаться и намѣтить что ни будь для будущихъ изслѣдованій⁴⁾. Ясно и можно утверждать одно: гербъ съ конемъ словянскаго происхожденія, ибо финны узнали лошадь поздно, а стали пользоваться ею еще позже⁵⁾, вслѣдствіе чего⁶⁾ она едва-ли

¹⁾ Съ Петровокъ,—Петровъ постъ,—курицы по замѣчанію народа убавляютъ кладку или носку яицъ.

²⁾ Финны сѣверной половины Россіи, при появленіи словянъ въ ихъ земляхъ, едва-ли держали домашнихъ куръ, а различныя повѣрья о нихъ могли развиться только при этомъ условіи, ибо дикихъ куръ въ сѣверной половинѣ Россіи не водилось.

³⁾ Сборникъ снимковъ съ древн. печатей... П. Ивановъ, таб. II, рис. 37, стр. 3.

⁴⁾ Ни этого, ни предъидущаго герба нельзя описать точно по тому, что помѣщаясь на салфеткѣ на двухъ противоположныхъ сторонахъ, они представлены въ противоположныхъ направленіяхъ: на правой отъ зрителя влѣво, на лѣвой—вправо. Въ общемъ же изображенія таковы: въ кругѣ идетъ пѣтухъ по землѣ, поросшей травой; въ кругѣ скачетъ конь по холмамъ, поросшимъ травой, съ развѣвающимися гривой и хвостомъ; надъ нимъ лицо солнца въ сіяніи.

⁵⁾ У нихъ нѣтъ своего названія для нея: фин. *hero* по Альквисту отъ скан. *herra*, *hara*—кобыла, что очевидно, хотя и есть охотники отвергать это (Жур. Мин. Нар. Пр. 1897 г., VI, стр. 420); морд.-эрз. *sovol*—конюшня, мад. *kabala*, греч. *καβαλλος*, лат. *caballus*, итал.

могла попасть въ одинъ изъ ихъ народныхъ гербовъ. Кроме того, на сколько извѣстно, конь у финновъ не имѣлъ отношенія къ солнцу и не сопоставлялся съ нимъ, какъ дѣлалось это славянами. У чувашей—турковъ гнѣдой конь олицетворяетъ солнце и приносится въ жертву. Передъ жертвоприношеніемъ онъ читается ими поклоненіемъ¹⁾. Извѣстно, что турки были кочевымъ коннымъ народомъ еще въ Азіи до прихода въ Европу. Отъ ярославскихъ славянъ изъ области повѣрій о конѣ дошло до насъ то же не много. Мнѣ извѣстны пока лишь коникъ (конникъ), гаданье съ конемъ и гулянье—игрище—„русавы“. Коникомъ называлась въ древности задняя часть жилища, площадью, видимо, отъ печи (на правой сторонѣ) до лѣвой стѣны, каковое значеніе удерживается еще въ Нерехотскомъ уѣздѣ Костромской губерніи²⁾. Въ другихъ мѣстахъ это основное значеніе забылось и сохранилось лишь переносное, впрочемъ подтверждающее и объясняющее первое. Въ Ярославской губерніи коникомъ назывался особый ларь—шкафъ въ два отдѣленія или яруса (этажа), изъ которыхъ въ каждое вела небольшая и неширокая дверца. Онъ ставился въ домѣ непременно у задней стѣны налѣво отъ входной двери (направо помѣщается печь) и служилъ для храненія молока, масла и другой провизіи (у дверей всего холоднѣе). Обязательной принадлежностью его были въ старое время „коньки“ или конскія го-

cavala, франц. cavale, cheval, рус. кобыла, серб. и бол. кобила, рум. kobile; корень коб., отъ него кобель.

¹⁾ Т.-е. какъ новое, несвященное стариной и преданіемъ и не связанное съ собственными вѣровыми возрѣніями животное.

²⁾ Извѣст. общ. арх. ист. и этн., т. XXII, стр. 58.

³⁾ О томъ же положеніи коника говорятъ значенія: старицкое (Твер. губ.)—ходъ въ подполье, обыкновенно дѣлаемый въ особомъ ларѣ, прислоненномъ къ печи (голубѣ), и псковское—доска (съ коникомъ наверху), утверждаемая у праваго угла печи и служащая опорой полатей и полки, идущей поперекъ избы. Печь въ русскихъ избахъ дѣлается всегда направо отъ входа и, если коникомъ называютъ части, находящіяся у печи, слѣдовательно коникомъ въ избѣ называлась вся задняя часть ея, а не только пространство налѣво отъ входа. Вся русская изба, видимо, дѣлилась на нѣсколько частей, посвященныхъ различнымъ божествамъ. „Передній“ или „красный“ уголь до сихъ поръ отводится главному божеству; задняя часть избы, украшенная коникомъ, очевидно, была отведена богу вѣтра, олицетворявшемуся въ конѣ; причиной этого отвода послужило, всего вѣроятнѣе, то обстоятельство, что въ двери всегда дуетъ или несетъ, т.-е. вѣтрить. Часть избы отъ печи (устья ея) до противоположной стѣны посвящалась солнцу и называлась „солнышъ“, она отдѣлялась отъ избы или брусомъ, идущимъ отъ печи къ стѣнѣ, или той полкой, которая опиралась на коникъ (Псков. губ.), или же перегородкой, до потолка не достигавшей. Полъ этой части назывался середа (лат. sereno—дѣлаться солнечнымъ, прояснять, sero—увѣнчивать лучезарнымъ, лучистымъ вѣнцомъ, сіяніемъ, serenator—возсіяватель—прозвище Юпитера). Мѣсто за печкой отводилось черту (поговорка: люблю, какъ черта въ углу) или „запечнику“, иногда домоному.

ловы, вырѣзанныя на выдающихся надъ верхнею крышкою концахъ боковыхъ стѣнокъ коника. Обыкновенно коникъ украшался линейной (геометрической, нерѣдко, богатой) узорной рѣзкою и сверхъ того иногда еще цестро раскрашивался¹⁾.—Этотъ шкапъ мѣстами выродился сперва въ прилавокъ, помѣщавшійся тамъ же, гдѣ и коникъ²⁾, затѣмъ въ лавку съ коробомъ³⁾ и наконецъ просто въ широкую лавку, къ которой съ конца отъ двери прибавалась стоячая доска съ конской головою, вырѣзанною на ея верхнемъ концѣ. Нынѣ въ большинствѣ случаевъ и эта доска уже исчезла, а съ нею и самое названіе лавки „коникомъ“. Да и самая лавка встрѣчается не всегда.

Гаданье, извѣстное и въ Костромской губерніи (въ Нерехотскомъ уѣздѣ), состоитъ въ томъ, что гадающій, обыкновенно, дѣвушка, выводитъ въ полночь изъ стойла (или, какъ здѣсь говорятъ, со двора) лошадь безъ узды за гриву, (у крестьянъ лошади стоятъ на дворѣ безъ узды и недоуздовъ), садится на нее верхомъ (по мужски) и переѣзжаетъ шагомъ чрезъ оглобли саней или тѣлеги (по среди ихъ длины), опущенныя передними концами на землю. Если лошадь перешагнетъ черезъ оглобли, не задѣвъ ихъ ногой, тогда задуманное сбудется, если же задѣнетъ, то нѣтъ. Въ другихъ мѣстахъ придается значеніе не задѣванью, а ногѣ, которою конь переступитъ черезъ оглоблю первою. Если ею окажется правая,—быть удачѣ, лѣвая къ неисполненію. Почти совершенно тождественное этому гаданье описано Титмаромъ еще въ началѣ XI вѣка по Р. Хр. и Саксономъ-Грамматикомъ въ концѣ XII в. у балтійскихъ словянъ при храмѣ ихъ бога свѣта⁴⁾.

Что касается русавъ или русавокъ, то нынѣ онѣ извѣстны въ Ярославской губерніи только въ Угличѣ и его окрестностяхъ. Нѣтъ свѣдѣній, какъ отправлялись русавы здѣсь въ древности, въ послѣднее же время по словамъ мѣстныхъ наблюдателей⁵⁾ онѣ представляли гульбища, происходившія на нѣкоторыхъ урочныхъ мѣстахъ⁶⁾ около лѣса, во всѣ большіе праздники весны: въ Николинъ день

¹⁾ Въ Ярослав. Архивн. Коммисіи имѣется нѣсколько образцовъ ихъ.

²⁾ Корчевскій уѣздъ Тверск. губ., Жиздрин. у. Калуж. губ., Казан. губ. (см. Опытъ област. великор. словаря, издан. Акад. Наукъ, 1852 г.).

³⁾ Нижегород. губ. (то же, тамъ же о середѣ и солнышѣ—шолышѣ, помушѣ).

⁴⁾ Божества древ. словянъ. А. С. Фамининъ, вып. I, стр. 48; о подобныхъ гаданьяхъ въ др. мѣстахъ—стр. 57.

⁵⁾ К. Н. Евреиновъ—Прошлое Углича, стр. 11, Яр. Губ. Вѣд. 1887 г., № 59. Л. Ф. Соловьевъ—Краткая исторія г. Углича, стр. 88.

⁶⁾ На прим. на самомъ берегу Волги въ слободкѣ Рыбаки, бывшей по преданію ядромъ Углича; ее окружаетъ Яново поле.

(9 мая), въ Вознесеневъ день и пр. до Юня мѣсяца. На русавы сходилось и съѣзжалось множество народа изъ окрестныхъ деревень, водили хороводы, плясали, пѣли пѣсни (съ припѣвомъ: „Ой дидъ-Ладо“), устраивали различныя игры и просто гуляли (ходили) парами и толпами. Развлеченіемъ служили представленія скомароховъ (комедіантовъ) и медвѣдей съ поводьями и потребление различныхъ напитковъ, сластей и т. п., вывозившихся на гульбище торговцами. Гулянье начиналось съ полдня (послѣ обѣдни, богослужения) и тянулось до 4 часовъ вечера (вечерень), къ каковому времени крестьяне уже разѣзжались по домамъ и ихъ мѣсто занимали горожане. Русавы подъ именемъ „русалии“ или „русалии“ извѣстны въ Россіи съ глубокой древности. О нихъ упоминаетъ лѣтопись подъ 1067 г., говоря, что дьяволъ отвлекаетъ людей отъ Бога—„трубами и скоморохи, гуслями и русалии. Видимъ бо игрища утолочены (утопаны) и людий много множество, я-ко упихати начнутъ другъ друга, позоры дѣюще—(стремясь узрѣть, поглядѣть, поглядѣніе дѣлая) отъ бѣса—замышленного дѣла, а церкви стоятъ“ (пусты). Кириллъ Туровскій въ числѣ „злыхъ и скверныхъ дѣлъ“ упоминаетъ „игранья неподобныя,—русалья“. Въ изборникѣ XIII в. (въ толкованіи ап. Павла): а е-гда играютъ русалия, ли скомороси, ли пьяницѣ кличють... и-ли како сборище идольскихъ игрѣ, ты же въ тѣ (тогѣ) часѣ пребоуди дома. Стоглавъ зоветъ русальями игрищи въ навечерье Рождества, Богоявленія (Крещенія), въ Троицкую недѣлю, на Ивановъ день. Въ одномъ харатейномъ прологѣ XV в. онѣ описаны такъ: ови бяху въ бубны, друзии же въ козицѣ (волюнки) и въ сопѣли сопяху, инѣи же возложиша на лица скураты¹⁾ и дѣяху на глумленье челоувѣкомъ; и мнози, оставивше церковь, на позорѣ (на смотрѣніе) течаху, и нарекоша игры тѣ русалья. Русалии были извѣстны и западнымъ славянамъ. Въ толкованьяхъ Теодора Бальсамона (патріарха антиохійскаго, конецъ XII в.) на 62 правило VI (Трульскаго) собора упомянуты русалии (*Ῥουσαλία*), какъ запрещенный церковью праздникъ, отправляемый послѣ пасхи²⁾ въ чужихъ земляхъ. Ми-

¹⁾ Шкураты, — шкура = скура, древнее скоро отъ кора; лат. *coriaceus* = кожаный, *cordax* = забавная, комическая пляска (въ личинахъ зѣтриныхъ, т. е. въ скуратахъ). Прообразомъ маски была сперва цѣлая зѣтриная голова, надѣтая поверхъ головы челоувѣка, затѣмъ содранная съ головы зѣтра шкура, засушенная такъ, что бы сохранила первоначальный видъ, и надѣваемая уже какъ маска; это и есть собственно скурать—а. Позже ихъ начали дѣлать искусственными сперва изъ дерева, глины, гипса, а затѣмъ изъ матерій и бумаги. Скураты или маски употреблялись при совершеніи разныхъ вѣровыхъ обрядовъ большинствомъ народовъ на извѣстныхъ степеняхъ ихъ развитія.

²⁾ Т. е. какъ и въ Угличѣ. Бальсамонъ или Вальсамонъ.

трополить болгарскій Димит. Хоматианъ (XIII в., грекъ¹⁾ описываетъ русалии, какъ хожденіе молодежи изъ дома въ домъ за полученіемъ подавня и рассказываетъ о пляскахъ, скачкахъ, ряженіи и распушенности, сопровождавшихъ этотъ праздникъ²⁾. Русалии отправлялись весною³⁾ въ промежутокъ времени отъ Пасхи (Вознесенья) до Троицына дня, что свидѣлствуетъ о связи русалій съ солнцемъ. А. С. Фаминцинъ⁴⁾, основываясь на томъ, что англійское названіе коня до нынѣ есть хорсъ (horse), что у русскихъ славянъ былъ богъ Хорсъ—солнце, что солнце представляли конемъ или посвящали ему коня многіе народы (римляне, скандинавы, персы, индусы и пр.), что названій живыхъ урочищъ отъ Хорсъ много въ западной Европѣ и почти нѣтъ въ Россіи, въ которой вмѣсто ихъ имѣются названія отъ орс—орш и отъ рос—рус, что слово хорсъ писалось по славянски въ древности: хорсь, хъросъ, хръсь-хръсь и получило въ нѣмецкомъ, русскомъ и поморскомъ языкахъ форму рос (ross)⁵⁾, утверждаетъ, что подъ именемъ русалки (хръсалки) скрывается ни что иное, какъ „святочная или бѣсовская кобылка“ старыхъ памятниковъ русской письменности, т. е. олицетвореніе или символъ солнечной сестры⁶⁾ и что русалии или хръсалии представляли собою праздникъ въ честь русалки (хорсалки)—коня—(кобылы), въ которомъ олицетворялось солнце или его сестра (стр. 213). Оставляя въ сторонѣ вопросъ,—точно ли хорсъ—конь изображалъ собою у славянъ солнце⁶⁾, я от-

¹⁾ Поэтическ. возрѣнія славянъ на природу. А. Н. Афанасьевъ, т. III, стр. 141—144. Божества древнихъ славянъ. А. С. Фаминцинъ, вып. I, стр. 211.

²⁾ Въ Волог. губ. семикъ (Четвергъ седьмой недѣли послѣ Пасхи) зовется русалка, въ Малороссіи—Русалчинъ великъ день; пятидесятница—(Троицынъ и Духовъ дни) зовутся въ Долмаціи—русалье-и, въ Румыніи русале-и, у словиновъ русале (по Афанасьеву—рисале), а Май—рисалчекъ, рисалшчакъ, у словаковъ русалдье и русалдине—святки (тамъ же).

³⁾ Указанное сочиненіе стр. 200, затѣмъ 201 и 206, 204, 205, 207, 208.

⁴⁾ То же, стр. 204, въ венгерскомъ языкѣ—оросъ (orosz)=русскій, татарское урусъ.

⁵⁾ Стр. 211, 213, а также 209—210, на которыхъ говорится объ олицетвореніи солнца конемъ и о почитаніи коня.

⁶⁾ А не время или вѣтеръ: лат. hoga=время, день, часъ, hogosor=звѣздочество, въ которомъ hogos=звѣзда. На основаніи этого hoga—время нужно понимать въ смыслѣ „теченія“ движенія звѣздъ, т. е. продолжительность или длительность его, иначе—въ смыслѣ звѣзднаго времени астрономовъ. Возможно, что сперва и солнце звалось звѣздой—hogos или наоборотъ, — звѣзды солнцами, т. е., что первоначально для тѣхъ и другого было лишь одно общее названіе. Н. В. Горюевъ въ своемъ словарѣ (упоминавшемся здѣсь) слово хорсъ связываетъ съ санск. svag чрезъ zend. hvage, нов. перс., осет. иронхиг, дигор. хог=солнце (х—русское), обособляя его отъ хоръ и хорошій. Мнѣ кажется, что здѣсь корень одинъ—хор: хорсъ—кратко

мѣчу лишь, что тамъ, гдѣ были праздники въ честь коня ¹⁾—русалки, конь, несомнѣнно, почитался, слѣдовательно читился онъ въ свое время и въ Угличѣ съ его окрестностями, праздновавшими русавы.

гласіе, въ полногласіи оно даетъ хорось, русское хорось=пріятный, доставляющій своимъ видомъ, нравомъ или чѣмъ другимъ удовольствіе, производящій пріятное впечатлѣніе; подходящій, соответствующій, годный,—(осет. хорз=хорошій). Что солнце и звѣзды получили наименованіе пріятныхъ, привлекательныхъ въ формѣ хорсь (hogos), воплиѣ естественно,—они на самомъ дѣлѣ таковы, всякая былинка поворачивается къ солнцу. Нѣтъ удивительнаго и въ томъ, что и конь получилъ отъ человѣка то же прозвище (эпитетъ)—хорсь (horze), такъ какъ помимо того, что конь въ дѣйствительности хорось и красивъ, его прирученіе сдѣлало въ жизни человѣка переворотъ неменьшій, (если не большій) переворота, вызваннаго изобрѣтеніемъ паровоза и стоило огромнѣйшаго труда (напомню тщетныя попытки Пржевальскаго поймать дикаго коня). Оно человѣка—бродягу, жалкаго и ничтожнаго, превратило въ надменнаго кочевника—завоевателя, презирающаго всякую работу, весьма трудно и лишь по принужденію или необходимости дѣлающагося пахаремъ—осѣдлывающаго и дорожащаго своимъ конемъ больше, чѣмъ женой и дѣтьми. Конь для кочевника все, безъ коня нѣтъ кочевника. Онъ и разводитъ коней больше всего остальнаго, они его богатство, гордость и слава; рогатый скотъ овцы и козы,—все это,—второстепенно, все это пустяки. Про коня кочевникъ сложилъ множество разсказовъ, былинъ, преданій и повѣрій, съ нимъ онъ завоевывалъ чуть не цѣлыя страны свѣта, съ нимъ онъ сытъ и согрѣтъ, безъ него же, какъ рыба безъ воды и потому кочевникъ холить коня, бережетъ и наряжаетъ въ золото и серебро, въ самоцвѣтные камни и шелкъ. Конь у степняка животное чистое, а корова поганое, съ молока и ѣсть нельзя. Все это, существующее еще въ настоящую минуту (на прим. у арабовъ), убѣдительно и ясно говоритъ о томъ, какую огромную важность имѣло для человѣка прирученіе коня и какъ естественно и даже необходимо было для него назвать его желаннымъ, пріятнымъ, т.-е. хорсомъ. Вѣроятно, отъ хорсь—конь получило начало и латинское chors=задній дворъ, задворокъ (загонъ). Корень хор. сохранился цѣликомъ въ словѣ хоръ (греч. **χορός**, лат. chorus)=общество, собраніе, толпа; общество—артель цѣлцовъ, музыкантовъ, плясуновъ и это значеніе нужно признать за основное или за коренное. Въ общество (во всякое) допускаются и принимаются только подходящіе къ нему, годныя для него особи, негодныя же изгоняются, вслѣдствіе этого слово хоръ скоро получило нарицательное значеніе—хорсый, хоросый—хорошій въ смыслѣ общественный, общественникъ, т.-е. годный для общества, а затѣмъ расширилось и стало обозначать вообще годный, пріятный, желанный, нынѣшнее хорошій. Связывать „хорошій“ съ ст. слов. харъ, малор. харный, болг. харно, греч. **χαρίς**, лат. gratus, какъ дѣлаетъ Горяевъ, мнѣ кажется нѣтъ достаточныхъ основаній (лат. charisma=даръ, милость, благодать, слов. харчъ=харичи). Точно установить значеніе слова конь—затруднительно, если не признать его за измѣненіе ком(онъ; построеніе то же, что въ воронъ, особенно распространенное въ греческомъ языкѣ), лат. coma=грива, космы, волосы на головѣ; comes, comedo=ѣсть, жрать; comes=спутникъ, товарищъ.

¹⁾ Русалки или, точнѣе, русала, ибо русалка—женскій родъ, кобыла. Въ Ростовскомъ уѣздѣ еще не давно дѣлали на масляницѣ чучело коня изъ соломы, укрытое вывороченною шубою (въ древности, несомнѣнно, конскою шкурою) и передвигавшееся однимъ или двумя человѣками, скрытыми подъ нимъ, подъ попоною, покрывавшею коня.

Объ общемъ значеніи коня я приведу лишь нѣсколько указаній въ виду того, что мое изслѣдованіе и безъ того уже значительно затянулось и что нужныя данныя интересующійся можетъ найти въ упоминавшихся здѣсь изданіяхъ.

Въ Бѣлоруссіи Юрѣя (Егора, Георгія) зовутъ конемъ, кажется, смѣшивая Юрій съ юрый—ярый. Встрѣчая вечеромъ Юрѣева дня пастуха со стадомъ у дома, въ которомъ живетъ пастухъ, дѣвицы поютъ, обращаясь къ коню, на коемъ выѣзжаетъ къ этому времени хозяинъ дома:

Разъиграйся, Юра—коникъ,
Золотенькій коникъ!
Разбей камень копытчикомъ,
Пригоженькій коникъ!
Въ томъ камени ядрышко есть,
Милый коникъ!
Пусть же пастушокъ его съѣстъ,
Нашъ ты коникъ!
Разъиграйся Юра коникъ...
Въ томъ камени счастье есть,
Милый коникъ!
На наши нивки пусть Юра сошлетъ (его)
Ты, нашъ коникъ!

(Пантеонъ 1853 г., № 7, смѣсь, стр. 41).

У литовцевъ существуетъ повѣрье: если кто ни будь пройдетъ черезъ селенье на пѣрой лошади, то въ этой деревнѣ не будетъ браковъ въ томъ году. Эсты вѣрятъ, что видѣть во снѣ гнѣдую (красную) лошадь—къ пожару. (Жив. стар. 1906 г., в. IV, отд. II, стр. 192, 186). Отаки при на-
польныхъ моленьяхъ о избавленіи отъ града и лишняго дождя приносятъ въ жертву богу грома и молніи жеребенка (подростка) рыжаго, чалаго или саврасаго цвѣта. (Изв. общ. арх., ист. и этн., т. XXII, стр. 201). По мнѣнію Юл. Липперта (Ист. культуры... ст. 107) германцы и словяне почитали коня за фетишъ, каковымъ у словянъ считался бѣлый конь. Персидскій царь выводилъ священныхъ коней на поле битвы, а словянскій жрецъ Арконы (на мысѣ Арконѣ ос. Рюгена) выѣзжалъ на священномъ конѣ. У нѣмецкихъ князей, считавшихся по древнему обычаю и жрецами, отличительною мастью ихъ коней была бѣлая. По древне-греческимъ повѣрьямъ конь—даръ бога моря Посейдона; по исландскимъ вѣрованіямъ Никуръ появляется у морскаго берега въ образѣ красиваго сѣраго коня и если кто сядетъ на него, того онъ уноситъ въ море и топить. По этому исландцы называютъ Никура vatnahest—воляная лошадь. По повѣрью шотландцевъ келпи часто появляются на бродяхъ въ бурныя ночи въ видѣ коней; по мнѣнію жителей Орк-

нея морской духъ Танги иногда является въ видѣ коня же. Нѣмцы вѣрятъ, что передъ грозой и бурей появляется большой конь съ громадными копытами (Мос. Вѣд., 1904 г., № 276). Изъ этихъ повѣрій видно, что конь олицетворялъ не только солнце, грозу, вѣтеръ, но и воду, что, можетъ быть, и обуславливаетъ названіе его русалкой.

Такимъ образомъ неизвѣстный гербъ съ изображеніемъ коня получаетъ, какъ будто бы, нѣкоторую положительную (фактическую) основу для его объясненія и даже, пожалуй, для прикрѣпленія къ мѣсту. Однако, оставаясь безпристрастнымъ, нужно замѣтить, что сказанное можетъ быть вѣрно лишь при томъ условіи, если во 1), хорсъ=конь, во 2) если это хорсъ=росъ и, чрезъ него, =росалка—русалка. Изъ этихъ условностей за допустимость и признание первой говоритъ англійское названіе коня (horse), позволяющее допустить, что нѣкогда и словяне, (какъ арійцы же) называли коня также хорсомъ¹⁾. За вторую говоритъ нѣмецкое названіе коня (ross), стоящее въ нѣмецкомъ языкѣ особнякомъ отъ словъ съ корневымъ *ros*. Вслѣдствіе этого слово *ross* въ данномъ случаѣ можно и должно принимать не за корневое, какимъ оно кажется на первый взглядъ, а за производное и, при томъ, переработанное. Но такъ какъ въ англійскомъ языкѣ сохранилось то же, судя по значенію, слово въ болѣе полномъ видѣ—*horse*, дающее въ полногласіи *horose*, то дѣлается достаточно яснымъ, что оба слова—и *horse*, и *ross*—суть производны отъ одного общаго *horos*, отличающіеся другъ отъ друга только способомъ²⁾ сокращенія полногласія: въ первомъ словѣ выкинута вторая (одноименная) гласная, во второмъ наоборотъ—первая, а съ нею конечно и придыханіе (*h*). Второе положеніе менѣе перваго убѣдительно, благодаря отсутствію переходныхъ, промежуточ-

¹⁾ Напомню однако, что названіе лошади конемъ, какъ замѣчено выше, то же весьма древне, судя по лат. *coma*=грива и *comes*=ѣсть; въ пору камня и бронзы лошади составляла одинъ изъ важнѣйшихъ предметовъ пропитанія, какъ это положительно установлено изслѣдованіями. Горяевъ (Словарь) слово конь ведетъ или отъ *коб—ън—ъ*, (т. е. сближаетъ съ кобыла), ст. чеш. *koboi*=конь, или отъ *ком—ън—ъ*, др. рус. *комонь*, чеш. *komon*, поль. *komo(u)nnu*. *Комонь* въ краткогласіи дастъ *комнь*, изъ котораго могло образоваться и конь.

²⁾ Который зависитъ цѣликомъ отъ племенныхъ природныхъ особенностей сокращающаго. Тамъ, гдѣ для англійскаго слуха должно звучать *h*, для словянскаго слуха оно во многихъ случаяхъ невыносимо и замѣняется звукомъ *x* или *ж*. Эти особенности обусловлены естественнымъ (физиологическими) еще невыясненными причинами и различіемъ или особенностями строенія отчасти слуховыхъ приборовъ (органовъ), а главнымъ образомъ, разумѣется, головного мозга. Здѣсь происходитъ почти то же, что у собакъ, изъ которыхъ одніе не только переносятъ, но даже любятъ музыку, другія же слышать ее не могутъ.

ныхъ формъ, но оно и не на столько натянуто, что бы считать его цѣликомъ за искусственное или дѣланное построение.

Что касается изображенія коня на печатахъ (и на монетахъ), то оно на нихъ встрѣчается довольно часто. Для примѣра укажу печать, видимо, угличскаго воеводы Петра Григ. Дашкова, находящаяся на задней сторонѣ съ бока грамоты (7125) 1617 г.; печать черная восковая.—конь идетъ влѣво манернымъ шагомъ съ высоко поднятой правой передней ногой, надъ нимъ выпуклая (нечеткая) надпись въ двѣ строки—одна по дугѣ, другая прямая; подъ конемъ травы¹⁾. Печать писца—межевщика Северіана Андр. Давыдова 1681 г.—въ кругѣ конь на бѣгу вправо, надъ спиной его ковычкообразный знакъ; печать Степ. Мат. Проестева—1681 г.—въ кругѣ конь влѣво на всемъ скаку, подъ нимъ земля; печать государева земли Сибирскія Кузнецкого острога—1694 г.—въ кругѣ конь идетъ вправо²⁾.

Кончая свое изслѣдованіе, не могу не замѣтить, что собранныя мною данныя (очень неполныя) приурочиваютъ оба неизвѣстные герба къ одной и той же мѣстности, къ Угличу³⁾, вслѣдствіе чего неизвѣстность ихъ остается уясненной не вполне. Можетъ быть, оба герба принадлежали дѣйствительно одной мѣстности⁴⁾, можетъ быть,—и даже вѣрнѣе,—разнымъ, но какимъ именно, не могу сказать⁵⁾ и вопросъ остается открытымъ.

¹⁾ Яр. Архив. Ком. Углич. столбцы № 35 (описи М. А. Липинскаго, тетр. 2).

²⁾ Сборникъ снимковъ съ древн. печатей... П. Ивановъ, таб. XII рис. 117 и 118 и стр. 20; таб. XIX, рис. 304 и стр. 32.

³⁾ Нужно сказать, что русалки (водяныя дѣвы) совсѣмъ не извѣстны среди народа Ярославской губерніи, здѣсь во многихъ мѣстахъ даже самаго слова этого не знаютъ и не слыхали. Нѣтъ здѣсь и повѣрій вообще о водяныхъ дѣвахъ. Знаютъ дѣдушку Водяного, кое-гдѣ Водянику—его жену, хотя образъ ея совершенно неопредѣленъ и сама она упоминается (да и то лишь при распросахъ), только какъ жена Водяного, совсѣмъ не участвуя въ разсказахъ о немъ. Еще знаютъ утопленниковъ, Мельничныхъ, Банника и Банницу, но о русалкахъ даже близъ городовъ старики ни чего не вѣдаютъ. На основаніи этого угличскія русавы, какъ и вообще русскія русалки, по видимому, нельзя (по Фаминцину) производить отъ русалокъ—дѣвъ, что дѣлаетъ К. Н. Евсѣиновъ по отношенію къ русавамъ (Яр. Губ. Вѣд. 1887 г., № 59).

⁴⁾ Хотя при этомъ условіи будетъ непонятно помѣщеніе ихъ на одной и той же салфеткѣ, т. е. въ одномъ рисункѣ.

⁵⁾ Ярославскія Норская, Борисоглѣбская и Рыбная ловецкія слободы безъ сомнѣнія весьма древни и восходятъ корнями едва-ли не къ праисторіи, Холопій городокъ также древень, но что о нихъ извѣстно даже изъ позднѣйшаго времени? Около города Петровска занимаются откармливаніемъ пѣтуховъ, но во 1) этотъ промыселъ новый, во 2) городъ то же новый и въ 3) ни промыселъ, ни городъ не представляютъ ни чего такого, что заслуживало бы быть отмѣченнымъ, (т. е. внесеннымъ въ рисунокъ салфетки).

Сознаю всѣ недостатки моей работы, но трудно было избѣжать ихъ при отсутствіи матеріала. Добывать же этотъ матеріалъ за предѣлами столицъ весьма не легко, что особенно приложимо по отношенію къ геральдикѣ и сфрагистикѣ. Эти науки на русской почвѣ, по справедливому замѣчанію П. Ф. Винклера и А. В. Орѣшникова, представляются почти совсѣмъ не тронутыми нивами¹⁾. Что бы работать съ успѣхомъ въ этой области, такъ нужно лично заниматься въ музеяхъ и архивахъ, для чего необходимы средства, время и связи. Ихъ же нѣтъ у большинства рядовыхъ провинціальныхъ изслѣдователей. Вслѣдствіе всего этого назначеніе моей статейки очень не широко: обратить вниманіе на интересный предметъ, показать, чего не хватаетъ для его освѣщенія и вызвать этимъ поправки и дополненія, словомъ, положить начало²⁾.

¹⁾ Орѣшниковъ утверждаетъ даже, что русской сфрагистики, какъ науки, не существуетъ (Труды нумизм. общ., т. III, в. I, ст. 108).

²⁾ Въ заключеніе нѣсколько не лишнѣхъ добавленій. Подлинникъ угличскаго герба 1728 г., приводимаго здѣсь въ рисунокъ (20), былъ написанъ масляными красками на кругломъ деревянномъ щитѣ, сколоченномъ изъ трехъ широкихъ досокъ и хранился во дворцѣ цар. Димитрія. Поперечникъ щита равнялся почти двумъ аршинамъ. Нынѣ этотъ гербъ утраченъ и сохранилась лишь одна фотографія съ него, принадлежащая К. Н. Евреиннову; приведенный рисунокъ сдѣланъ съ нея. Гдѣ находился въ свое время утраченный гербъ, не извѣстно, вѣроятно на зданіи Углич. провинціаль. канцеляріи.

К. В. Болсуновскій („Родовой знакъ Рюриковичей вел. князей кievскихъ“) очень правдиво объясняетъ знакъ на монетахъ первыхъ русскихъ кievскихъ князей, какъ монограмму слова *basileus* (базилеусъ), — служившаго величаніемъ (титоломъ) византійскихъ императоровъ, перенятымъ кн. Владиміромъ. Въ другой брошюрѣ (Символика эпохи неолита) Болсуновскій пробуетъ объяснить знаки на предметахъ ново-камники (глав. обр. Триполья) какъ гіероглифы—прообразы какой-то древней забытой письменности, заимствованной первобытными изъ общаго съ китайцами источника, пока неизвѣстнаго. Онъ думаетъ, что эти знаки находятся въ причинно—послѣдовательной связи съ гіероглифами—буквами узорныхъ (орнаментационныхъ) азбукъ китайцевъ, возникшихъ при однообразныхъ условіяхъ развитія и вѣровыхъ возрѣній съ народами, оставившими ихъ намъ (ст. 12, 11).

Въ лѣтописи Быховца (Пол. собр. рус. лѣтоп..., т. XVII, ст. 486) сообщается, что у литовцевъ при похоронахъ князя или пана на костеръ съ покойникомъ клали „когти рыси, а-бо медвѣдя“, что бы ими воспользовался покойникъ въ судный день, когда ему придется взбираться на высокую и крутую гору, на которой Богъ будетъ судить живыхъ и мертвыхъ. У русскихъ для той же цѣли копаются всю жизнь обстригаемые ногти, которые кладутся съ мертвымъ въ гробъ.

Кн. Вас. Фед. Шаховской—потомокъ яросл. удѣльн. князей носилъ прозвище Ворона, но это поздній потомокъ, неимѣвшій уже княжества (Ярославль. Путеводитель. А. А. Титовъ, ст. 141, № 603).

Написаніе нѣкоторыхъ иностранныхъ и облостныхъ русскихъ словъ, приводимыхъ мною, здѣсь не всегда переданы вполне правильно по причинѣ отсутствія въ типографіи нужныхъ шрифтовъ.

Ил. А. Тихомировъ.

Клеймо на днѣ горшка изъ кургана XI в. при д. Татариново, ко- стромской губ.

Рис. 2. 1692 г.

Рис. 1. 1672 г.

Ярославской

Рис. 4. 1752 г.

Рис. 6.

Рис. 3. 1778 г.

Рис. 5. Гербъ, бывшій при открытїи Ярославскаго намѣстниче-
ства 1777 г. 21 дек.

Рис. 7. 1856 г.

Рис. 8. 1672 гъ

Ростовской

Рис. 9. 1778 г.

Рис.10.1691г.

Рис.11.1583г.

Рис.12.1583г.

Рис.13.1345г.

Рис. 14. IX в.

Рис. 15. IX в.

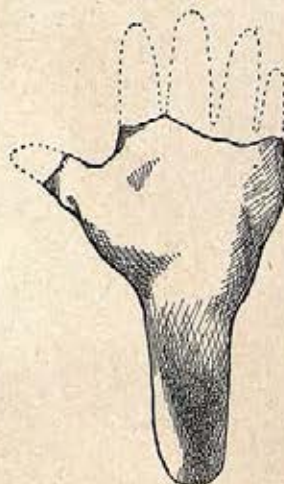

Рис. 16. IX в.

Рис. 17 (увелич.). XVв.

Рис. 18. 1834 г.

Рис. 19. 1834 г.

Рис. 20. 1728 г.